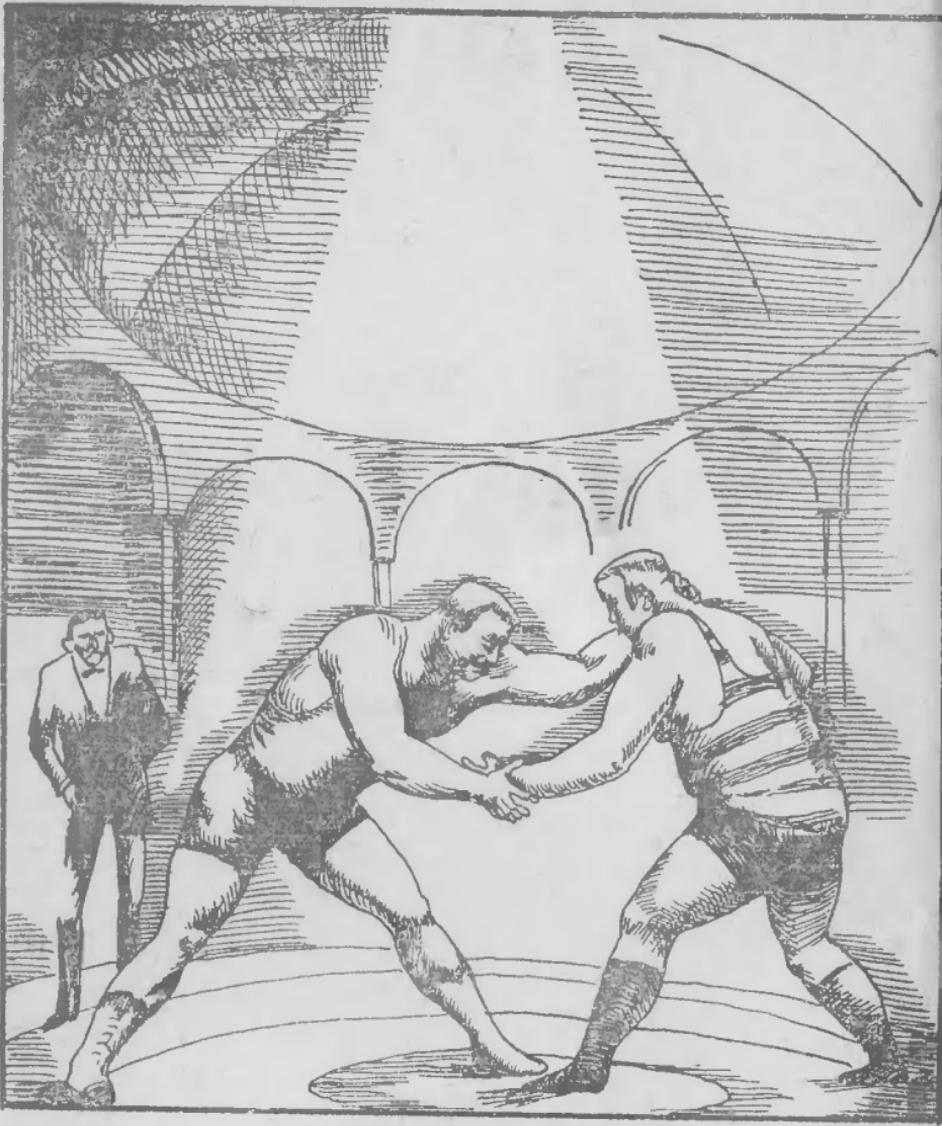

Д.А.ЖУКОВ

Иван Поддубный

Д.А.ЖУКОВ

**Иван
Поддубный**

**МОСКВА
«ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ»
1975**

7А3.5

Ж 86

Жуков Д. А.

Ж 86 Иван Поддубный. М., «Физкультура и спорт», 1975.

144 с., 16 л. ил.

Редко найдется в нашей стране человек, не слышавший славого имени Ивана Максимовича Поддубного. Родившийся в семье крестьян-богатырей, Иван Поддубный прожил жизнь, богатую событиями. Безвестный грузчик неожиданно положил на лопатки всех профессиональных борцов из заезжего цирка. С тех пор ярко загорелась новая звезда русского спорта. В первые годы Советской власти в возрасте пятидесяти лет он одержал в Соединенных Штатах Америки ряд сенсационных побед. До семидесяти лет не покидал ковра. Был всенародно чествуем на Красной площади, награжден орденом Трудового Красного Знамени, удостоен звания заслуженного артиста республики. О силе Ивана Поддубного, о его ловкости, о его знаменитых схватках и повествует эта книга.

Ж $\frac{60902-112}{009(01)-75}$ 5-75

7А3.5

СОДЕРЖАНИЕ

Легенды и быль	7
«Подывимось!»	16
«Вам письмо...»	29
Первый блин — комом	43
Триумф в цирке Чинизелли	55
И снова Париж	65
Чемпионаты в России	73
Чемпион чемпионов	82
К закату	98
Есть еще порох в пороховницах	118
«Лишь смерть не мог он победить»	131

Дмитрий Анатольевич Жуков
ИВАН ПОДДУБНЫЙ

Заведующая редакцией **З. В. Дворцевая**
Редактор **Н. Я. Сулова**
Художественный редактор **Г. М. Чеховский**
Технический редактор **Н. Н. Бузова**
Корректор **З. Г. Самылина**

A03759. Сдано в производство 3/1 1975 г.
Подписано к печати 27/III 1975 г. Бумага сыкт. № 1.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 4,5 + 1,0 вкл. Усл. п. л.
7,56 + 1,68 вкл. Уч.-изд. л. 7,21 + 1,3 вкл. Бум. л. 2,225 +
+ 0,5 вкл. Тираж 75 000 экз. Издат. № 4839. Цена 38 коп.
Зак. 2216.

Ордена «Знак Почета» издательство «Физкультура
и спорт» Государственного комитета Совета Минис-
тров СССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. 103006. Москва, К-6, Каляевская
ул., 27

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛЬ

1

Среди довоенных мальчишек ничто так не ценилось, как физическая сила. Силачам завидовали, силачей почитали и боялись.

В мечтах мальчики вдруг обрастали мышцами и становились защитниками слабых и грозой уличной шпаны. Казалось, стань сильным, и все тебе покорится. Не будет больше никаких обид в жизни, лишь робкое перешептывание почитателей.

Вырастали мальчишки, но не скоро развеивался миф о счастье сильных.

Среди юнцов тогда ходили легенды о футболисте «Железная нога». Будто бы запрещено ему было бить по воротам правой ногой, будто бы убил он уже несколько голкиперов-вратарей — такой силы у него был удар.

А еще рассказывали про Ивана Поддубного, непобедимого борца,

способного согнуть рельс, свернуть шею быку и даже остановить трамвай. В разговорах мелькал непонятный, но убедительный «двойной нельсон», в пыльных дворах процветала «французская борьба», а по вечерам ждали нас родительский суд и скорая расправа за разорванные штаны...

Поддубный не был легендой.

Правда, он не гнул рельсы и не сворачивал шеи быкам, но зато неизменно клал на лопатки тех, кто показывал эти трюки в поисках хлеба насущного. Поддубному тогда было под семьдесят. Он еще выступал, его наградили орденом, чествовали в газетах.

Газет мы в том возрасте еще не читали, но слушали взрослых, которые при упоминании имени Поддубного пускались в красочные воспоминания о тех временах, когда русский футбол делал первые робкие шаги, когда полет из Петербурга в Москву казался чудом, а самым привлекательным и волнующим зрелищем были борцовские чемпионаты.

Даже в тридцатых годах одно его имя заставляло ломиться в цирки тысячи людей. В те дни, когда он боролся, на арену выходили парадным шагом все борцы. Кроме него. Арбитр представлял борцов и лишь после этого объявлял:

— В чемпионате принимает участие чемпион чемпион, чемпион мира Иван Максимович Поддубный!

Оркестр играл туш, и под гром оваций на арену не выходил, а, скорее, выбегал знаменитым цирковым аллюром сам Поддубный...

Театральные режиссеры и актеры ходили тогда в цирк не только любоваться могучими телами борцов, демонстрацией силы и ловкости, но и наслаждаться отработанным ритуалом чемпионатов. Народный артист Петров с восторгом вспоминал о Поддубном: «Как подавал он себя! Как подавал!..»

Они еще долго жили, эти чемпионаты, привлекая провинциальную публику под серый брезент цирков «шапито». Помнится, в одном городишке тотчас после войны на ярко освещенную арену вышел квадратный дядя в лаковых сапогах, в поддевке и картузе и пронзительно скомандовал:

— Парад, алле!

Подтянув животы и расставив широко толстые руки,

появились могучие борцы. Их складчатые шеи и расплюснутые уши малиново блестяли, на лицах была написана важность, приличествовавшая моменту.

— Прибыли и записались...

Дядя в поддевке называл имена и чемпионские титулы. Имена громкие, принадлежавшие тем, кого уже давно не было на свете.

— Лурих!

Где он Лурих? Но борец на арене делал шаг вперед и кланялся. Он был уже третьим или четвертым Лурихом, фигурировавшим в борцовских чемпионатах. Присвоение знаменитых имен стало традицией.

Из публики спросили:

— А где сейчас Денисов?

Дядя в поддевке торжественно ответил:

— Борец Денисов погиб смертью храбрых на фронте Великой Отечественной войны!

В цирке наступила скорбная тишина. Дядя снял картуз и перекрестился.

Потом началась борьба. Силачи играли мускулами и добросовестно кидали друг друга на ковер. Появлялся борец в черной маске, клавший на лопатки всех подряд.. Но чем дальше, тем удрученнее вздыхали зрители постарше. Пожилой мужчина в пенсне произнес приговор:

— Поддубного на вас нет!..

«Поддубный», «Поддубный» — у всех это имя было на устах. И глядя на богатырей, стоявших на арене, я думал, что это за человек? Какими качествами он обрел народную любовь? Почему о нем рассказывали чудеса еще наши деды?

В дореволюционной России его знали все — «от дворника до царя». До сих пор рождаются легенды о подвигах Ивана Поддубного, и теперь уже трудно отделить легенды от истины. Но не в том ли и есть подлинная слава?

На II Всесоюзном съезде писателей Михаил Александрович Шолохов сказал:

— На днях я увидел человека в штатском — вся грудь в золоте и медалях. «Батюшки, — думаю, — неужели воскрес Иван Поддубный?..»

Шолохов, наверно, видел Поддубного.

Но когда сейчас, в семидесятых годах, слышишь, как на школьной перемене один мальчишка говорит друго-

му: «Расхвастался! Тоже мне Поддубный!», то начинаешь понимать, что имя это стало символом физической мощи.

Само имя «Поддубный» по своему смыслу и звучанию порождает в воображении нечто внушительное.

Личность Поддубного трудно переоценить. Своей славой, своим примером он толкнул на спортивную стезю тысячи и тысячи юношей. С борьбы начинали многие спортсмены, замечательно проявившие себя в других видах спорта. Что же касается народного здоровья, то можно без преувеличения сказать, что, прививая своими выступлениями любовь к физической культуре, Поддубный один сделал работу за легион врачей...

2

«Я видел Поддубного»,— могут сказать очень многие. Но ни от кого вы не услышите рассказов о дряхлом старике. Помнят, что усы у него были уже не рыжие, а седые, но у всех оставалось впечатление статности и мощи.

...Вот он колет дрова зимой, по пояс голый. Перекатываются под белой кожей громадные бугры мышц, взлетает колун, и узловатые колоды рассыпаются в поленья, которые в считанные минуты образуют холм выше человеческого роста.

Из-за забора смотрят мальчишки на это чудо и слышат хрипловатый басок:

— Что, хлопцы? Старого побачить пришли? Ходьте сюда, я вам приемы покажу.

Начинается возня в снегу под одобрительную воркотню полуголого седоусого великана. И навсегда запоминает этот день будущий чемпион...

Но уходят годы, и чем дальше, тем свободнее и индивидуальнее толкуются поступки человека и даже его внешность.

Скульптор Е. Вучетич в своей книге «Художник и жизнь» рассказывает, как в середине тридцатых годов он сделал этюдный портрет «чемпиона чемпионов».

«Это был громадный человечище, колоссальной физической силы, богатырь воистину. Он меня поразил своими размерами.

И несмотря на то, что у Ивана Максимовича действи-

только был и низкий лоб, и нос картошкой, и многое другое в таком же роде, я обращал внимание совсем на другое. И вот теперь, спустя почти 30 лет, когда я смотрю на этот портрет — сырой и далекий от совершенства этюд, я вижу борца, причем не просто борца, а чемпиона, с достоинством носящего это звание».

Но пока речь идет не о подлинном блеске, а об отблесках величественного, о «живой легенде», уходящей истоками в глубь десятилетий. О той поре, когда звезда Поддубного сияла на спортивном небосклоне, написаны десятки романов и рассказов. Прошествовал по экранам фильм «Борец и клоун», живет оперетта «Под черной маской»... Скучность сведений о жизни Поддубного (не о схватках его на ковре — о них писала спортивная пресса едва ли не пятьдесят лет подряд) заставляет художников напрягать воображение и порождать новые легенды...

Как ярчайшая примета предреволюционной действительности, Поддубный — непременный персонаж мемуарной литературы, многочисленных воспоминаний старых борцов и цирковых артистов, где встречи с ним (подлинные и вымышленные) столь колоритны, что становятся основными событиями всего повествования.

Легенды и анекдоты, нагромождаясь, все же не заслоняют настоящего Ивана Максимовича Поддубного. Правда, память человеческая устроена странно — легенды она сохраняет прочнее, чем быль.

Я еще раз убедился в этом, посетив родные места Поддубного...

3

Иван Максимович Поддубный родился 26 сентября (по старому стилю) 1871 года в селе Красёновке, что затерялось в черноземной степи между Оржицей и Золотоношей...

Здесь некогда начиналось недоброе Поле, безбрежное море высоких трав, примятых кое-где табунами полудиких коней и опаленных кострами становищ. Сбивались в орды степные кочевники и шли на север к богатым возделанным землям Руси...

Здесь, на краю лесостепи, их встречали богатырские заставы, и начиналась великая сеча. Скучно повествует

история о тех временах, но никогда не изгадятся они в народной памяти, обессмертившей имена Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича...

Именно здесь немного позже шел походом на Переяславль хан Кончак. Ржали кони, скрипели телеги, кружились над полчищем хищные птицы, готовясь к тризне... «Загородите Полю ворота!» — звенел тревожный голос певца, призывавшего к прекращению усобиц.

Проходили века, и Поле отступало. Заселялась степь, ставились низкие мазанки, маслянисто поблескивал на солнце чернозем. Но не скоро пришел мир на берега Днепра. Русские «украины» волею исторических судеб долго еще истекали кровью и слышали чужие голоса.

И родилось здесь казачье племя, выросли люди, легкие на подъем, могучие телом и духом, не знавшие ни страха, ни жалости в бою и жадные до работы. Щедрая земля вознаграждала за опасность хлебным и иным изобилием, наливавшем изловчившееся в трудах и боях тело двойной силой.

Много поколений воинов и хлеборобов насчитывал род Поддубных. Когда Ивана Максимовича, уже завоевавшего титул «чемпиона чемпионов», спрашивали, встречал ли он людей сильнее себя, богатырь отвечал:

— Если говорить о борцовской силе, то, пожалуй, нет. А так, сильнее люди попадались. Мой батько Максим Иванович был сильнее меня...

Земля. В ее плодovitости, взывавшей к благодатному труду, была тайна силы Поддубных. Словно мифические герои, они черпали силу в неразрывности с землей.

Биографы борца охотно возводят его род едва ли не к Федьке Поддубному, «сухощавому детине, кривому на один глаз и со множеством рубцов на лице», забывая, что этот персонаж замечательного исторического романа «Князь Серебряный» порожден воображением Алексея Константиновича Толстого.

И еще пересказывают легенду о некоем казаке Поддубном, который был замечен Петром I и взят им в личную охрану, а потом, будучи в составе русского посольства в Англии, оказался замешанным в романтическую историю...

Доподлинно же известно, что Максим Иванович Поддубный, отец борца, был потомственным хлеборобом и дюжим парубком. Жил он в Красёновке. В двадцать

лет женился на крепкой дивчине Ганне из соседней Богодуховки, на дочери Данилы Науменко, который тоже не жаловался на немощь и прожил на свете 125 лет.

Молодые поселились в Красёновке, в том краю села, что и по сей день зовется Болюковкой. Поставили хату-мазанку, с маленькими окошками и соломенной крышей. Когда просох и зажелтел глиняный пол, его застелили ряднами. Большая деревянная кровать, печка, шкафчик «мыслик», стол и лавка, божница, украшенная пучками чабреца, любистика и васильков,— такой помнил всегда Иван родную хату.

В ней он и увидел свет, захлебываясь криком на радость отцу Максиму, с опаской потрогавшего его громадной мозолистой рукой, и матери Ганны, измученной родами.

Первенец был очень крупный.

4

Нынче в Красёновке мазанку найдешь с трудом. А Поддубные есть. У них, как и у прочих, дом большой, крытый черепицей, с телевизионной антенной... В селе есть и колхоз, и совхоз, директор которого Михаил Владиславович Концовский — кавалер Золотой Звезды.

— Меньше тридцати семи центнеров пшеницы с гектара не берем,— говорит он,— оттого и живем так.

Широким жестом он проводит горизонт, и под ним уместается ровная, как стол, ухоженная земля, добротные дома, нарядная школа и мраморный бюст Поддубного перед ней. Иван Максимович изображен молодым, бравым. Мрамор блестит на солнце.

Концовский рассказывает, что открыли бюст в сотую годовщину со дня рождения знаменитого земляка, которая по «Украинской энциклопедии» выпала на 1970 год. Я его заверяю, что по метрикам за номером 3031 эту торжественную дату следовало бы отметить годом позже.

— И тут мы досрочно управились. По привычке. Как с урожаем,— солидно шутит Концовский.— Ну, вы поспрошайте, поспрошайте наших стариков про Поддубного. Они вам такого наговорят...

И точно, наговорили...

Пересказывали старую брошюру о Поддубном, расцветивая ее плодами крестьянской фантазии.

Работал, мол, Иван Поддубный в Феодосии. Видит раз: бежит босяк, а за ним — городовые. Двое. Он возьми и брось им под ноги мешки, которые нес. Будто уронил нечаянно. Городовые попадали, а босяк убежал. Вечером встретил его Иван, повел в трактир, накормил, напоил... А босяк-то оказался Максимом Горьким. С той поры и пошла у них дружба на всю жизнь...

— Да не было этого, Нестор Митрофанович,— говорю я.

— Як не було. То ж люди говорить и у книгах пишут...

— Не было и все. Горький побывал в Феодосии в 1891 году, а Поддубный приехал туда только в 1895-м... В книгах писали об их встрече. И не раз писали. Да только быть этого не могло.

Митрофан Несторович смотрит на меня недоверчиво.

— Мы люди тэмни,— говорит он уклончиво, и я чувствую, что ничуть не поколебал крестьянской веры в печатное слово. Более того, сам я со своим опровержением легенды становлюсь личностью подозрительной, таким самозванцем с поддельными документами и намерением потрясти всяческие устои...

И еще услышал я пересказ фильма «Борец и клоун», который не раз прокручивали перед земляками Поддубного. Про любовь и про коварство...

Реальными были только пеньки старых акаций, некогда осенявших мазанку, в которой родился Иван Поддубный. Они торчали в огороде, метрах в тридцати от дома Григория Кононовича Поддубного, колхозного шофера и такого здоровяка, что любо-дорого было смотреть.

Старая мать его вспоминала у пеньков, как бедно жили в селе, и все оборачивалась на свой богатый дом, словно бы в страхе, что он вдруг исчезнет.

— Колы Иван родився, говорить, у неби щось вроде змия летало. Знамення таке було.

— Що вы говорите, мама? — возразил Григорий Кононович.— Це ж не змий. Це ж по-нашему, по-научному, комета...

— Та нехай буде комета. И еще говорить, когда покрестив Ванюшу Пиддубного, то вин був такой крепкий та шустрый, що вырвався из рук и упав в купель. Батюшка после крещенья казав всим: «Поздравляю вас, миря-

на, с сильным богатырем». Никто тоди ничего не подумал, а после вспомнили...

Но постепенно за миражами легенд стал вырисовываться быт старого села и судьба крестьянского сына...

Еще светлей и ярче увиделась она в Золотоноше, в доме младшей сестры Поддубного Евдокии Максимовны. В этом доме у дороги, запорошенном пылью, которую щедро взметали в воздух колеса пронесившихся автобусов, мне показалось, что время вдруг стало. Так останавливаются громко тикающие ходики и наступает тишина, в которой слышишь, как бьется собственное сердце.

Мы торопимся. Нас увлекают скорости космических ракет. Наш мозг проигрывает гонку с быстродействующими электронными машинами. У нас нет времени, чтобы остановиться, привести в порядок свои мысли и оглянуться на прошлое, вспомнить род свой и определить его место в жизни народа. Оттого, верно, и исчезли со стен наших комнат портреты отцов и дедов.

Здесь они были.

Среди рушников, ковриков-клеенок, расписанных лебедями, замками, ангелами и спящими красавицами цвета первосортной лососины, ситцевых занавесок висело несколько десятков увеличенных фотографий, старательно раскрашенных, потому что крестьянская душа не принимает условности серого мира, порожденного мокрым мраком лабораторий.

Венчал это собрание знаменитый портрет Поддубного, на котором он стоит, заложив руки за спину, расслабив мышцы и устремив взор куда-то поверх камеры. Тень падает на выемку в широком подбородке, и только он один говорит о чудовищной воле и силе, скрадываемой пропорциональным сложением, отсутствием гипертрофии в этом теле, рожденном для невиданных перегрузок и молниеносных движений. Вся фигура Поддубного источает уверенность, которой всегда веет от подлинного величия.

В гордом повороте головы, в колечках нафиксатуренных усов угадывается тот «чемпион чемпионов», который в наивном высокомерии делил мир на людей очень сильных и на прочих... Первым, здороваясь, он сжимал руку всей своей могучей пятерней, а вторым — протягивал для пожатия лишь два пальца.

Через плечо у него надета широкая лента, а по ней

в лавровом обрамлении под золотыми звездами плывет золотой же кораблик Лютеции, символ столицы прекрасной Франции, нашедший тихую пристань на стене украинской хаты...

Но было бы неправомерно отделять этот портрет от других — от усачей с Георгиями времен первой мировой, от сержантов и лейтенантов второй, от лиц напряженных и сильных, от дюжих людей, наделенных фамильной волей.

Застыли на свадебных фотографиях молодожены — расшитые рубахи, мониста, венки...

А вот и новое поколение — инженеры и ученые. И их дети, уже с иным выражением лиц и глаз. Исчезла старая фотографическая окаменелость, зато простодушия нет и следа.

Я насчитал на стенах пять поколений. По современным понятиям это около ста пятидесяти лет.

Евдокии Максимовне, сестре Поддубного и старшей в доме, за восемьдесят. Она широка в кости и румяна.

— Ох, молода бедова я была, — говорит она. — У нас в селе часто боролись. Подставишь ногу, ось так, и через себя кинешь. Любого мужика брошу. Тикают од мене. А Ванюшу в двенадцать рокив уже все боялись. Его толкнул, а он подывится, всем туловищем повернется, и — «не лизь!»... Тильки батя наш, Максим Иванович, був его сильнее...

Она кивает на семейный портрет Поддубных. Максим Иванович, положив грозные кулаки на колени, сидит рядом с женой Анной Даниловной. Позади в черкеске стоит младший сын Митрофан, двухметрового роста, косяя сажень в плечах. Девочки...

Но тут не все...

«ПОДЫВИМОСЬ!»

1

Было у Максима четыре сына — Иван, Никита, Емельян и Митрофан. И три дочери — Матрена, Мария, Евдокия.

...И вот его первенец Ванюша уже переступил порог чисто выбеленной хаты и гоняет по улицам села, поросшим гусиной травой. А село чудо как хорошо! Белые

ветви в соломенными крышами утопают в вишневых садах. Белые акации осеняют улицы, полого спускающиеся к тихой речке Ирклий. Она берет начало неподалеку, петляет в поросшей камышом низине, пока не поглотит ее воды величавый Днепр.

Клонятся к речке могучие вербы, купая длинные гибкие ветки в застойной воде стариц. У белой церковки — кладбище с буйными зарослями бузины вместо ограды.

А за околицей поля, поля до самого горизонта. Кружат ни рощицы, только дрожит жаркий воздух над пшеницей и житом да купаются в нем невидимые жаворонки, поют самозабвенно. Ветер набежит, погонит волнами хлеба...

У Максима Поддубного земли было немного — около пяти саженой сто и в поле две десятины. Была та земля для здешних мест бедновата, больше суглинка, чем чернозема, а все же семья скудно, но кормилась. Сам Максим работал как вол и только силой наливался. Большого роста, жилистый, он легко брал на плечи два пятипудовых мешка, поднимал вилами целую копну сена.

Балуясь, он останавливал любую телегу, ухвативши ее за колесо, валил наземь за рога здоровенных бугаев, а когда собирались мужики в круг побороться на кушаках, равных ему в округе не было.

Рассказывают, что незаурядной силой отличались и все его дети.

Марина в дивчинах, бывало, рассердится на парубка, снимет с него смушковую шапку и подсунет ее под бревно, сложенные на улице, подняв их плечом. Парень бежит, пока кучу народу не соберет, чтобы шапку свою вызволить.

Самый младший сын в семье, Митрофан, со временем вымахал в двухметрового детину. Соседи говорят, что он как-то вытащил из ямы вола весом в восемнадцать пудов. Позже, в Туле, куда он приезжал к брату, Митрофан потешил публику, подержав на плечах помост с оркестром, который играл «Многая лета». Этот случай упоминается в книге об Иване Поддубном, которую от имени Митрофана написал один украинский журналист.

До подвигов первенца Ивана мы еще дойдем, а пока кончилась его привольная жизнь — лет в семь он пас гусей, потом коров. Вскоре он уже возил на волах зерно в Золотоношу — налыгач в руки и «цоб-цобе!». Помо-

гал отцу. Платили по копейке за пуд. Двадцать пять копеек за воз.

С двенадцати лет Иван работал батраком — пас овец в экономии пана Кублицкого, богатые земли которого обжали со всех сторон скудные поля красёновских крестьян.

Много хлопот доставлял Ивану громадный и своевольный племенной баран, гордость панской экономии. Упрямое животное, твердолобость которого вошла в привычку, и ни с места. Ухватив его за витые рога, Иван тянет, рвет, толкает, пока баран не тряхнет головой и не отбросит мальчонку в пыль.

Прекрасной гимнастикой было это единоборство с бараном. Нынешнее поколение рода Поддубных преисполнено наивной уверенности, что едва ли не она заложила основы спортивных достижений Ивана Максимовича.

Крепли мышцы, раздавались плечи, и вскоре Иван уже мог оторвать барана от земли, перебарывал всех своих сверстников, а в пятнадцать лет рисковал схватиться с отцом. Крепко взяв друг друга за пояса, пыхтя и обливаясь потом, старались они положить один другого на лопатки, и не сразу удавалось теперь матерому Максиму бросить юношу в траву.

— О це Пиддубный, гарный казак,— говорил Максим, похлопывая сына по широкой, как бочка, груди.

Как ни работящ был Максим Иванович, а семья все жила бедно. Иван ходил на поденщину к «Шлихтерке», помещице, от которой осталось только имя да недобрая память. Ходил жать хлеб к родственникам побогаче за обед и «малы гроши».

Одновременно Иван помогал по хозяйству отцу, обремененному большой семьей — самая младшая дочь, Евдокия, родилась, когда старшему было уже семнадцать.

Тогда же пришла первая любовь. Оленке Витяк не было и шестнадцати, а она уж заневестилась. Полная, красивая, широкоплечая — под стать Ивану.

Начались тайные свидания за околицей, у громадной скирды, жаркие объятия и уверения...

Деревенские кумушки быстро известили об этом отца Оленки. Старый куркуль Витяк не желал родниться с «незаможниками» Поддубными.

Он пришел в хату к Максиму Ивановичу, снял шапку и перекрестился на икону.

— Сидайте,— сказала Ганна Даниловна и суетливо обвинула лавку.

Витян, вздохнув, сел и покосился на Ивана.

— Нехай Иван не слухает,— сказал он.

— Ваня, выдь с хаты,— приказал отец.

О чем они говорили, Иван мог только догадываться. Отец отправил его жить к деду Даниле в село Богодуховку.

Семь верст оказались серьезным препятствием для новой любви. Да и работа от зари до зари в экономии Богодуховского помещика Абеля не оставляла времени для походов в родную Красёновку.

Богодуховка была громадным волостным селом, насчитывавшим до четырех тысяч жителей. Кроме украинцев, там обитало много евреев, державших постоянные дворы и лавки.

По четыре ярмарки в год собиралось в Богодуховке, и тогда улицы ее заполнялись пришлым народом. Украинцы, евреи, цыгане яростно торговались, хлопали по рукам. Толпу прорезали верхами офицеры-ремонтёры, выкупавшие лошадей у богатых крестьян и на местном рынке в имении «Ракиты». Покупатели и продавцы обмывали сделки горилкой в корчмах, спуская там порой в носильное платье с себя.

Жили в селе, придерживаясь дедовских обычаев и приговаривая при этом: «Лучше свое латане, ніж чуже хпане». Еще праздновали понедельники, еще существовали «парубоцтва» — товарищества юнцов, выбиравших себе атамана, имевших свои хоругви. Весело было Ивану ходить с друзьями колядовать на рождество, играть роль боярина на свадьбах, ходить на «музыки» и «вечерницы». Любопытно, что «парубоцтво» было еще и хранителем девичьей чести, строго каравшим провинившихся.

Но работа в экономии тяготила Ивана Поддубного. Не то чтобы сама работа — крестьянский труд Иван любил и даже мечтал обзавестись землей... Но много ли зарабатывает батрак? Своей земли ему вовек не видать. Да к тому же Иван и смолоду отличался независимым характером, не раз схватывался с управляющим абелевской экономией, противным и придиричвым мужиком.

Деревня выплескивала из себя «лишние руки». Всякий год село провожало до выгона молодых мужиков уходивших на заработки в города. Голосили жены и матери, суя в торбы хлеб и сало.

Всякое случалось в далеких городах.

Одни приезжали в гости гладкие, в лаковых сапогах при часах и ходили по селу гоголем, распустив по жилетке серебряную цепку. Другие — таких было больше — возвращались как в воду опущенные и приносили весточки о погибших от холеры и тифа, о раздавленных неведомой «машиной»...

Но Иван Поддубный, как и многие, меньше всего думал, что несчастье может случиться именно с ним.

О той поре своей жизни он потом скажет коротко: «После призыва, когда был освобожден от военной службы, как старший сын в семье, я не захотел больше жить в деревне и уехал на заработки в город Севастополь».

«Не захотел» — и все тут. Решил уехать в Крым во что бы то ни стало. Отец было стал возражать, но Иван отрезал:

— Может, в Таврии краще? Пошукаю счастья. Люди ж ходят...

Анна Даниловна тихо плакала, собирая сына в дорогу. Даже Максим Иванович отвернулся.

— Щось в око влетело. Якась козявка, — сказал он. — Ну, сынок, прощай. Вот тебе мое родительское благословение — береги честь нашего рода... Ну, старая, хватит плакать.

Шел тогда Ивану двадцать второй год. Легко переносились невзгоды. Не повезло в Таврии, уехал в Одессу. Потом подался в Севастополь, где встретил односельчанку, друга детства Петра Кота. Пошли в порт наниматься вместе.

Иван Максимович вспоминал:

— Пришел до грека. Смуглявый такой, сухонький — один нос длинный торчит морковкой. Пощупало оно мои руки и пропищало: «Фирма «Ливас» принимает тебя». И пошло как журавель — ноги как ходули...

За громадную силу и немногословный юмор полюбила Ивана ватага грузчиков, работавших постоянно на греческую погрузочно-разгрузочную фирму со странным

названием «Ливас». Играючи сносил он в трюмы судов многопудовые мешки с отборной пшеницей.

Земляки с Полтавщины прозвали Поддубного «Иваном Великим» — «Иваном Большим». Даже бывалые грузчики разевали рот от изумления, когда он взваливал на плечи громадный ящик, что не под силу был и троим, вытягивался во весь свой большой рост и шагал вверх по дрожащим сходням, похожий на вдруг ожившего атланта. Прозвище пристало к нему. Так называли его и ватажники-великороссы, и греки, и турки, и независимо державшиеся, как говорил А. М. Горький, «космополиты-босаяки». Впрочем, уважением грузчиков эти люмпены не пользовались — рабочему люду неприятна была их полчья повадка и стремление ловчить на каждом шагу.

По четырнадцать часов в сутки ватажники сновали с тюками, ящиками, мешками, а по вечерам собирались у рыбацких артелей, покупали на гривенник бычков, варили уху и пели украинские песни: «Закуковала та сива зозуля», «Ой, там за Дунаем молодец гуляет». Иван Максимович любил эти песни и толково их пел до старости, хотя голос у него был не то, что у младшего брата Митрофана, который певал и в церкви, сотрясая могучим басом ее крепкие стены.

В Севастопольском порту Поддубный работал с начала навигации 1893 года. Сперва тосковал по родным местам, по отцу, по матери. Все вспоминал свою хату. Светит каганец, журчит прялка... Мать достает из «мысника» леденцы и сует младшеньким...

К рождеству Анна Даниловна украсила хату чабрецом и бессмертником, сварила кутью и все выглядывала на улицу... Иван обещал приехать и приехал. Весь обвешанный связками бубликов. Матери он привез на плахту материи заморской, отцу — молдавских смушек на шапку. Так все было хорошо и просто! Колядовать ходил с парубками и дивчинами...

Всякий год он приезжал домой. Но однажды не дождался его на кутью. Уже и крещенские морозы прошли, а Иван как в воду канул. Максим Иванович подзаял денег и поехал чугункой в Крым. Вернулся мрачный, молчаливый. Через несколько дней сказал матери с укором:

— Родила на посмешище. Полюбуйся, кем стал твой сынок. Артистом в цирке, Иванушкою-дурачком... Гири

кидает... Силой с такими ж лоботрясами меряется... Говорит, такова уж моя доля. Была б под рукой оглобля, я б ему дал долю, трясця его матери...

3

Исполнительный, но державшийся с достоинством Иван Поддубный пользовался уважением у своих хозяев-греков, и когда фирма «Ливас» перебралась в Феодосию, его назначили старшим рабочим при конторе.

Это было в 1895 году. Постройка феодосийского мола, о которой красочно писал Горький, была уже закончена. Город стал портовым, и число его жителей перевалило за двадцать пять тысяч.

Едва ли не на второй день своего пребывания в Феодосии Иван оказался свидетелем освящения порта. Сверкали под южным солнцем ордена на мундирах чиновников и парадные ризы священников.

Сладковатый дымок ладана таял в воздухе. Окропленные камни мгновенно испаряли влагу. Зеленое море бесшумно лизало сваи...

У старшего рабочего было гораздо больше свободного времени, чем у рядового грузчика. Иван сперва жил в конторе. Спасаясь от портовой сутолоки, он уходил в город.

Лысые горы Тепе-Оба охватывали Феодосию. Белые и голубые мазанки жителей теснились у подножий полуразрушенных башен генуэзской цитадели. Кругом ни деревца, лишь побуревший бурьян пробивался меж раскаленных камней Карантинного холма.

Иван слышал на ярмарках в Богодуховке песни слепцов о походах гетмана Сагайдачного и кошевого атамана Сирко, о том, как брали они турецкую крепость Кефе, как освободили запорожцы тысячи украинцев, обращенных в рабство хищными татарами. То ли среди казаков, то ли среди пленников были предки Поддубного, но он никак не связывал эти песни с будничной Феодосией.

Город, овеянный древней славой, тоже не думал о своем прошлом, устремляясь в будущее пыльными ново-застроенными улицами. Иван бродил по ним, безмятежно рассматривая пестрый, неприкаянный люд, толпами выплескивавшийся из северных российских краев на ка-

монистый жаркий и неприютный берег красивейшего из морей.

На чахлом бульварчике у башни Константина по вечерам играла музыка. Послушать ее приходили и ученики мореходных классов.

Здесь-то и познакомился Иван Поддубный с двумя из них — с высоким, плечистым Антонином Преображенским и Василием Васильевым. На всю жизнь запомнил Поддубный эту встречу. Именно тогда он столкнулся с тем, что позже назвали «физической культурой», с искусством облагораживания природной силы разнообразными упражнениями.

Преображенского из Кинешмы, а Васильева из Казани привела в Феодосию юношеская мечта о путешествиях, подогретая чтением приключенческих книжек, герои которых, обдаваемые тучей соленых брызг, бесстрашно взирали на разбушевавшееся море.

«В короткое время мы настолько сошлись и подружались, что поселились в одной квартире,— вспоминал Поддубный.— Преображенский и Васильев были оба спортсменами и старались и меня заставить заниматься спортом, к чему я относился скептически и даже часто иронически спрашивал: что из этого получится и что это может дать мне в дальнейшем, но Преображенский продолжал настаивать и даже приобрел для убеждения автобиографию знаменитого немецкого атлета-борца Карла Абса».

Это можно прочесть в потрепанной тетради, в которой под диктовку Ивана Максимовича кто-то коротко записал важнейшие события его жизни, и отнестись с полным доверием к этим записям хотя бы потому, что чей-то четкий почерк в ней сменяется старательно выписанными каракулями Поддубного, который до самой старости пренебрегал общепринятой орфографией, а знаки препинания не ставил вообще. Как-то странно потом читать иные воспоминания, где Иван Максимович выступает книгочеем и едва ли не знатоком изящной словесности.

Он поселился с учениками мореходки в маленьком домике у дороги на Караимскую слободку. По вечерам, когда спадала жара, морячки брались за двухпудовые гири, которые притащили из порта.

Иван поглядывал, как они упражнялись, и посмеивался.

— Ты попробуй,— говорил ему Антонин.

— А на что? Я и так сильный. Это все баловство одно... Иван легко подкидывал гирию и ловил ее в воздухе.

— Поборемся? — предложил Антонин.

Иван снисходительно улыбнулся и снял рубашку...

Сперва он никак не мог обхватить верткого Антонина.

«Ничего,— подумал он,— сейчас я тебя поймаю».

И в самом деле, вскоре Антонин попался. Иван заключил его в свои мощные объятия и оторвал от земли. Он уж было собрался бросить морехода на землю, как тот вдруг выдохнул воздух и сквозь руки Ивана ужом скользнул вниз. В следующее же мгновение Антонин стоял спиной к своему противнику. Иван наклонился вперед и снова обхватил его грудь. Свободные руки Антонина легли на шею гиганта. Наклонившись, он резким движением корпуса швырнул через себя Ивана на землю.

Крепко приложившийся Поддубный обалдело смотрел на товарища.

— Вот! — сказал Антонин, тяжело дыша.

— Давай еще.

— Э, нет. Медведь проклятый! Чуть не задушил...

Этот случай да еще рекламная книжонка о Карле Абсе оказались сильными аргументами.

Гамбургский плотник Абс стал цирковым атлетом и разъезжал по европейским столицам, удивляя публику тем, что ломал подковы и выжимал невероятные тяжести. Однажды он будто бы поднял слоненка, весившего 75 пудов (1,2 тонны). Абс предлагал триста франков тому, кто бросит его на спину в честной борьбе...

Это уже было не просто баловство. К тому же в книжонке говорилось, что ежедневными упражнениями природную силу можно утроить.

Начитанные приятели могли рассказать ему и о варшавском механике Владиславе Пытлясинском, который, не отличаясь особенной силой, увлекся спортом, развил упражнениями свое тело, дотошно изучил все известные тогда приемы борьбы и в 1888 году принял вызов, брошенный Карлом Абсом.

Пытлясинскому шел двадцать пятый год, и он был одиннадцатым по счету атлетом, осмелившимся выступить против непобедимого Абса.

Встреча состоялась в Париже. Публика потешалась,

увидев рядом с горой мышц стройного, гибкого поляка.

Но вскоре она уже с недоумением взирала на поверженного силача. Ловкость и сноровка взяли верх над грубой силой.

Мореход Преображенский стал заниматься с Поддубным. Вместе они бегали, выжимали гири и выполняли гимнастические упражнения на снарядах во дворе мореходных классов. Через полгода Антонин уже с удовольствием оглядывал плотно сбитое тело своего ученика. Оно стало суше и стройнее, к медвежьей силе прибавилась ловкость...

«В продолжение шести месяцев,— вспоминал Поддубный,— я сделал большие достижения в смысле спорта, а главное, почувствовал свое большое преобладание над Преображенским, меня это еще больше увлекло, и я всецело отдался спорту».

Ощущение собственной мощи и аккуратно прочитываемые друзьями сообщения о состязаниях борцов пробуждали в крестьянском парне настойчивое желание помериться силами с достойными противниками.

«Я ждал случая, чтобы осуществить свое желание. И такой случай представился».

4

Весной 1896 года в городе появились афиши. На них был изображен человек в цилиндре и с бичом, вставшая на дыбы лошадь, клоун в колпаке с кисточкой и могучий усатый человек с выпяченной грудью.

«ЦИРК БЕСКОРОВАЙНОГО» — гласили громадные буквы. За перечнем цирковых номеров следовало обещание показать «русско-швейцарскую борьбу на поясах».

А на огромную базарную площадь уже потянулись подводы с деревянными щитами. По весне торговля была скудная. Перекупщики раскладывали на столах прошлогодний лук, громадную, как крышка от выварки, камбалу и с любопытством следили за строительной суетой.

Рабочие врыли в землю высокую мачту, вокруг нее насыпали толстый слой чернозема и опилок. Другие в это время сложили из щитов стены, устроили места для зрителей и покрыли все это шаткое сооружение брезентовой крышей. Манеж обнесли барьером, и цирк был готов.

Перед началом представлений по улицам города прошла невиданная процессия.

Впереди нее в пролетке ехал сам хозяин цирка Бескоровайный во фраке, с котелком на голове и цирковым бичом — шамберьером — в руке, за ним, нестерпимо блестя на солнце начищенными трубами, выступал духовой оркестр, следом приплясывали по три в ряд цирковые лошади, кувыркались акробаты и ловили мячи жонглеры, визгливо смеялся красноносый клоун, вперевалку шли могучие, затянутые в трико люди, удивляя простодушных феодосийских жителей шаровидными бичепсами и толстыми, собранными в многочисленные складки шеями.

Вот этих-то последних и разглядывали внимательно Иван с Антонином и даже шли за ними следом, расталкивая любопытную толпу. Они уже знали имена борцов.

Над всеми возвышался громадный поляк Петр Янковский, которого газеты называли «урсус» — медведь, а борцы — «папаша». Янковский вырывал каждой рукой по пять пудов, толкал двумя восемь с половиной пудов. Коронный номер у него был такой: сесть на пол и легко выжать на ладони трехпудовую гирию.

Остальные тоже были хороши — Лурих, Козуляк, Бороданов, Разумов, Глинкин, Матюшенко...

Иван с друзьями не пропускали ни одного представления. Сперва никакой борьбы не было. Атлеты ломали подковы, скручивали пальцами железные двухвершковые гвозди, подбрасывали и ловили двухпудовые гири, поднимали штанги с большими шарами на концах, в которые для веса подсыпалась дробь.

В афишах было объявлено, что в состязаниях силачей может принять участие любой желающий. Победителю полагался приз.

На третий день Иван Поддубный наконец отважился и записался у судьи.

«Но должен признаться, что на состязании они всыпали мне как следует, и я провалился».

Двадцатилетний красавец Георг Лурих лишь недавно установил в Петербурге несколько рекордов по поднятию тяжестей. Толкнул двумя руками 112-килограммовую штангу, перенес ее на правую руку, затем поднял с помоста 37-килограммовую гирию и выжал ее. 70 килограммов он толкал вверх правой рукой двадцать раз

подряд. Он любил изумлять публику, поднимая на спине лошадь со всадником.

Телосложение его было настолько совершенным, что впоследствии он позировал Родену, берлинскому скульптору Бегасу, пражанину Хюппе, эстонцу Адамсону...

Иван Поддубный уже понимал, что дело тут не в одной силе. Эстонец Лурих тоже родился в богатырской семье, но в детстве перенес тяжелую болезнь и рос хилым ребенком. Увидев как-то профессиональных атлетов, Георг решил стать таким же сильным, фанатично занялся спортом и в пятнадцать лет уже выжал на пари две килограммовые гантели четыре тысячи раз.

Упражнения развивали определенные мышцы и давали сноровку. А ее-то и не хватало новичку Поддубному.

— Дюже добре всыпали, чертяки,— признался Иван Максимович.

5

Посрамленный и освистанный галеркой, возлагавшей на «своего» большие надежды, он тяжело переживал поражение.

Но через несколько дней в цирке началась «русско-швейцарская борьба» на поясах, и Поддубный увидел, что она почти ничем не отличается от тех состязаний, которые устраивались в его родном селе. Только вместо кушаков на борцах были широкие кожаные ремни с двумя кожаными же ручками по бокам. А он, бывало, даже отца клал. Рост у него подходящий, сила... сила тоже есть, а главное — в борьбе, в азарте эта сила у него как бы удваивалась... Позже это неоценимое качество всякого крупного борца назовут «спортивным сердцем».

— Подывимось,— сказал Поддубный и пошел записываться.

Публика, разочарованная прежней неудачей Ивана, встретила его скептически.

По обычаю, существовавшему на подобных состязаниях, в противники ему назначили не самого сильного из борцов. Сейчас уже трудно установить, кто вышел против него. Борец был в трико, оттенявшем мускулатуру.

Иван, в сапогах, брюках и косоворотке, казался рядом с атлетом мужиковатым и неуклюжим. Но в его насупленной физиономии, во всей высокой и крепкой фигуре было столько решимости, что цирк умолк и замер.

Протягивая руку для традиционного рукопожатия, профессиональный борец улыбался. Улыбался он и тогда, когда оба они крепко взялись за ручки поясов и прижались друг к другу — плечо к плечу, голова к голове.

Борец рванул Ивана в сторону и... улыбка сползла с его лица. Малый стоял как вкопанный. Мало того, он сам надавил на борца. Циркач, или, как тогда называли, «циркист», тоже подался всем телом вперед.

Это была ошибка, и Поддубному не раз доводилось использовать ее. Он напрягся, резко выпрямился, оторвал борца от ковра и круто закинул... Спустя мгновение послышался глухой удар. Описав в воздухе дугу ногами, циркач упал на спину...

Ошеломленная столь быстрой победой, публика молчала. Потом она стала неистовствовать.

С этой минуты Иван Поддубный ощутил вкус успеха, вкус славы, этой призрачной власти над переменчивой толпой...

Теперь Иван снова был «свой», простой грузчик, одолевший — подумайте! — профессионального борца.

Иван спокойно повернулся к судье.

— Давайте другого, — сказал он.

«Другим» был борец-итальянец, приехавший позже всех.

Итальянец тоже вскоре лежал на ковре.

За несколько дней Иван Поддубный переборол всех атлетов. И даже благородная спина красивого Георга Луриха коснулась ковра. Только с Петром Янковским, который был на полголовы выше Ивана и весил девять пудов (144 килограмма), схватка не дала результата, окончилась вничью.

Фирма «Ливас» потеряла своего старшего рабочего. До самой осени, до конца сезона феодосийцы ходили в цирк «на Поддубного». Сборы в Феодосии были так велики, что впоследствии Бескоровайный построил там для своего цирка каменное здание.

Осенью Ивану пришлось вернуться в контору фирмы «Ливас». Но это было очень тоскливо — после побед и аплодисментов, после яркой арены и тушей духового

оркестра. Не мог он забыть и советов ловкого, умного Георга Луриха, который прочил ему карьеру борца-профессионала.

1 января 1897 года Поддубный взял в конторе расчет и уехал в Севастополь, в цирк Труцци, где уже знали о его успехах. В этом году его и не дождались к рождеству в родном селе.

«ВАМ ПИСЬМО...»

1

В Севастополе Иван снова встретился с борцом Лурихом. Тот повел Поддубного к самому господину директору Максимилиано Труцци, толстому лысому старику с эспаньолкой.

— Чего вам там хочет? — смешно коверкая слова, спросил Труцци.

Ему объяснили. Старик, привстав на цыпочки, похлопал Поддубного по плечу.

— Карош казак!

Иван Максимович снова вдыхал цирковой воздух, пахнувший лошадиным потом и дешевой парфюмерией.

В цирке к Поддубному относились уважительно. Клоун Петр Тарахно описывал свое впечатление от встречи с Поддубным в цирке Труцци такими словами:

«Я ахнул от восторга, увидев атлетические, грандиозные пропорции его тела. Все в нем было соразмерно, все исполнено повелительной мощи и грозной, мужественной красоты, все говорило о силе необыкновенной...»

Старик Труцци Ивану понравился. Понравилась вся семья Труцци, собиравшаяся в цирке с утра. Жена хозяина, ведавшая денежными делами, три сына с женами и детьми. Итальянцы степенно пили чай, а потом целый день репетировали. Рудольфо Труцци дрессировал лошадей. Энрико был жонглером на лошади, Жижетто — наездником. В цирке запрещалось распивать водку и картежничать...

По вечерам Иван любовался красавцем Энрико. Стоя на высокой лошади, покрытой атласным чепраком, он на ходу жонглировал тазами, свечами, подсвечниками. В конце номера он пускал лошадь карьером, схватывал три зажженных факела, подбрасывал и ловил их. Жижетто в шелковом трико, не скрывавшем мускулатуры его

гибкого стройного тела, делал на лошади сальто-мортале.

В программе цирка Труцци доживала последние дни пантомима «Тарас Бульба». Начиналась она с того, что на арену выезжала телега, запряженная быками. С нее слезали Остап и Андрей, которых играли Энрико и Жи-жетто Труцци. Их встречала мать — старуха и Тарас — старик Максимилиано Труцци. Прежде чем обняться, отец с сыновьями бились на кулачки...

Но пантомимы и прочие номера уже приелись сева-стопольцам. Сборы были чахлые.

И старик Труцци, ругая по-итальянски публику, не це-нившую тысячелетнего циркового искусства, выписал борцов.

«Ивана Великого» еще помнили в Севастополе, и по-тому решено было, что сперва он будет выступать как любитель.

Это был старый трюк. Профессиональный борец, ко-торому предстояло играть роль «любителя», обычно при-езжал в город недели за две, а то и за месяц до прибы-тия труппы, поступал куда-нибудь на работу грузчиком и успевал прославиться в городе своей силой. Когда же в цирке начиналась борьба, он бросал вызов профессио-налам и побеждал их одного за другим. Это подстегива-ло местный патриотизм. Публика, гордая за «своего груз-чика», валом валила в цирк.

Поддубный тоже устроился грузчиком, носил громад-ные тюки и ящики и за две недели работы в порту сни-скал такую славу, что посмотреть на его подвиги прихо-дили морские офицеры.

А тем временем в цирке началась борьба.

На третьем представлении арбитр объявил:

— Желающих бороться из публики прошу пожаловать на манеж! Приз — пятьдесят рублей.

Желающие нашлись. Борцы легко справились с ними.

Но вот с галерки послышался голос Поддубного:

— Я желаю!

Он вышел на арену в том же костюме, в котором вы-ступал во время феодосийского дебюта.

Против него выставили Разумова.

Но только Иван взялся за ручки и хотел поднять бор-ца, как ручки оторвались от пояса и остались у него в руках.

Публика взревела от восторга. Все решили, что это случилось из-за непомерной силы Поддубного. На самом же деле хитрый Труцци применил еще один старый трюк — подрезал ручки.

Арбитр объявил, что борьба откладывается до изготовления особенно прочных поясов.

В городе начался ажиотаж. Каждый вечер цирк был набит битком, а Иван исправно бросал борцов на арену.

Вскоре было объявлено, что Поддубный перешел в профессиональные борцы. Теперь он выступал в трико, подчеркивавшем его мощный торс. Но это уже не охладило публику, увлеченную схватками силачей.

2

Труппой борцов у Труцци руководил Георг Лурих. Он заранее определял, через сколько минут должна кончаться каждая схватка и, главное, чьей победой.

— Сегодня, Иван Максимович,— сказал он как-то,— вы подвалитесь под Матюшенко на пятнадцатой минуте, я дам знак...

— Чего это я буду подваливаться? Нехай положит,— отозвался Поддубный, исподлобья поглядывая на сильного, но грузного и неуклюжего Матюшенко.

— Вы человек умный, Иван Максимович,— продолжал, как ни в чем не бывало, обходительный Лурих,— и вы должны понять, что мы работаем для публики. А публика уже знает вас. Матюшенко только приехал. Публика его не знает. Сегодня он положит вас, и завтра публика придет посмотреть, возьмете ли вы реванш. Но вы с Матюшенко будете бороться до самого закрытия цирка, до полицейского часа. Вы будете показывать красивые приемы, но никто из вас не победит. Цирк будет иметь полную кассу, потому что публика придет посмотреть на вас с Матюшенко и в третий раз... И тогда вы его победите. Вы поняли меня, Иван Максимович?

— Я розумию, да тильки нехай он меня положит, если сможет,— упрямо отвечивал Поддубный, мешая русские и украинские слова.

Он еще в Феодосии понял законы профессиональной борьбы. Да, цирковые турниры — это чаще всего спектакли, имитация борьбы, каскады приемов, отработанных с акробатической точностью. Как бы ни был силен человек, он не может каждый вечер бороться всерьез. Посто-

янное громадное напряжение сил быстро подорвет его здоровье, а то и сведет в могилу. Да и публике неинтересно было бы смотреть, как двое пыхтят на арене, подолгу не давая друг другу провести ни одного эффективного приема.

Но понял он и другое. Равенства в силе и искусстве быть не может. Кто-то всегда сильнее и ловче других. Значит, он должен быть первым, какие бы условности ни существовали. Зарекомендовать себя так, чтобы никто не посмел даже предложить ему «подвалиться». Он — Поддубный. А если публике не любы его победы, пусть и не смотрит! Но право на особое положение среди профессионалов еще надо было отстаивать...

3

Через несколько лет жители знакомого нам украинского села увидели неизвестного господина. Был он в котелке, в щегольском господском костюме, по жилету его вилась золотая цепочка, под большим носом торчали рыжие пики нафабранных усов.

Это был Иван Поддубный. Встреча его с отцом, Максимом Ивановичем, по рассказу Митрофана Поддубного, совсем напоминала сцену из «Тараса Бульбы».

— А поворотись-ка, сын! Що це ты так смешно постригся? Не то поп, не то сатана...

— Слухай, батько, не замай...

— А то що?

— Та ничего...

— Сила заиграла? — Максим Иванович закатил рукава. — Спробуем?

— Да я те... Простите, тату.

Прибежала мать, Анна Даниловна.

— Ты что, старый, с ума сошел? И где ж это видано, щоб сын и батько боролись... А ну, марш в хату!..

Максим Иванович с самого начала ворчал только для острастки. Хорошие заработки сына и дорогие подарки примирили его с новой профессией Ивана. Худо-бедно, а Поддубные прикупили несколько десятин земли, и теперь в хате чувствовался достаток.

В тот приезд Ивану Поддубному исполнилось тридцать лет. Он уже считался опытным профессиональным борцом «на поясах». И ему, наверно, повезло, что начи-

нал он у Труцци, в одном из лучших провинциальных цирков России.

Из Севастополя Поддубный попал в Одессу. Этот полумиллионный город удивить было труднее. А тем более обмануть. Одесса росла на дрожжах мировой торговли, богатела на потоке товаров, изливавшемся из России и вливавшемся в нее через гигантский порт. Город изъяснялся на жаргоне. В кафе Фанкони говорили:

— Что вы слышали за нового борца?

— Так это ж наш, босяк с Молдаванки...

— Нет, как вам это нравится? Мне сказал знакомый борец, что он приехал из Севастополя. А я вам скажу, что он не найдет здесь ни на копейку успех, зато заработает полный карман неприятностей.

— Ах, зачем говорить такое за хорошего человека? Что вы с этого будете иметь? Я был в цирке, а вы не были. Посмотрите, какая у него грудь! Шестьдесят восьмого размера пиджак! И поверьте мне, сыну своего папы, лучшего портного в городе Одессе...

Одесса требовала себе место под солнцем. Удачливые и неудачливые коммерсанты заключали сделки, рассказывали анекдоты, пили сельтерскую у Фанкони, фланировали по Дерибасовской и увлекались цирком.

Считалось, очевидно, что в созерцании атлетической игры есть нечто вдохновляющее на коммерческие подвиги. Чувство собственной физической неполноценности заставляло многих искать общества могучих, преисполненных достоинства борцов.

Поддубного «Одесса буквально носила на руках», что при его солидном весе было, верно, нелегким трудом. Приглядываясь к своей свите, Иван приобрел внешний лоск, на всю жизнь усвоил некоторую щеголеватость в одежде и южную привычку ходить в начищенных до блеска башмаках.

Одесса щедра на славу. Когда Поддубного пригласили в Киев, он уехал туда уже знаменитостью.

4

Аким Александрович Никитин и его жена Юлия Михайловна были очень добрыми людьми.

В «Русском цирке братьев Никитиных» Поддубного встретили так радушно, что он долго еще бродил по улицам Киева и блаженно улыбался.

Аким Никитин меньше всего выглядел циркачом. Бонвиванский цилиндр и отлично сшитый фрак он носил с грацией прирожденного аристократа, хотя был сыном крепостного, зарабатывавшего на жизнь и оброк шарманкой.

Ярмарочные балаганы, в которых он выступал когда-то с братьями Петром и Дмитрием, отошли в недалекое, но уже туманное прошлое...

Прежде цирками в России владели только Чинизелли, Саламонские, Труцци, Суры... Сметливые дельцы Никитины заставили их потесниться, сделав ставку на русский антураж цирковых представлений. Лошади у них танцевали «Камаринскую». Жонглеры выступали в русских кафтанах, а наездницы — в сарафанах и кокошниках. Ставились пантомимы на сюжеты русских сказок. В Баку и Астрахани, Саратове и Казани, Харькове и Киеве выросли деревянные и каменные цирки Никитиных.

Заполучив Поддубного, Аким Никитин довольно потирал руки.

— Юлия, ты только посмотри на этого молодца! — говорил он, отступая, чтобы объять взглядом широченный торс богатыря. — Иван Максимович, вам непременно нужно носить черкеску. Мы сделаем ваш портрет в черкеске, и в афише будет написано: «Прославленный борец на поясах казак Иван Поддубный». Ну как?

Поддубный ухмылялся и смущенно поглядывал на Юлию Михайловну, которая влюбленно смотрела на своего мужа. На впалых щеках ее горел лихорадочный румянец.

«Худесенька, — подумал с жалостью Иван, — хворающая, видно». И ему как-то даже неловко стало за свой непомерно цветущий вид.

— Я вам писал, Иван Максимович, что выступать вы начнете с 1 декабря в Тифлисе, в великий пост — в Баку, потом на нашем пароходе отправимся давать гастроли от Астрахани по всей Волге и закончим их в Нижнем, в день закрытия ярмарки... У вас целый месяц свободный, но вы не беспокойтесь — жалованье вам все равно будут платить. Располагайте собой как хотите...

Поддубный искренне обрадовался никитинской щедрости. У него был целый месяц свободного времени и счастливая возможность поупражняться во французской

борьбе, которой суждено было вскоре потеснить борьбу «на поясах»...

Тот год, когда Поддубный впервые вышел на борцовскую арену, стал в некотором роде исходным для развития спорта во всем мире. В Афинах были возобновлены олимпийские игры, породившие обильную спортивную литературу и множество спортивных кружков.

Тогда же увидела свет и книга Владислава Пытлясинского, в которой он дал короткий, но прекрасный очерк истории спорта. «В законах, созданных Солоном, ясно сказано, что каждый гражданин обязан обучить своих детей гимнастике и между прочим борьбе»,— писал Пытлясинский, обосновывая необходимость «равновесия духовных и физических сил».

Но главная ценность книги Пытлясинского заключалась в том, что на пяти десятках «цинкографий», для которых атлет позировал вместе с русским борцом и художником Николаем Ивановичем Кравченко, были показаны приемы французской борьбы.

В русских летописях можно найти упоминания о богатырских схватках без оружия. Еще в XIII веке была известна борьба «на поясах». Позже в праздники любимым зрелищем стало «потешное мужицкое дело», где применялись броски через бедро и подсечка носком. В каждом городе были свои правила. В Москве, покосив противника на правую сторону, старались подбить правым носком его левую ногу. Оттого и родилась знаменитая поговорка: «Матушка Москва бьет, родимая, с носка».

Была и «вольная» борьба. Но к концу XIX века французская мода, диктовавшаяся дворянским Петербургом, стала брать верх и в борьбе.

С 1896 же года отсчитывало свое существование Санкт-Петербургское атлетическое общество, культивировавшее французскую борьбу. Оно конкурировало с «кружком любителей атлетики», созданным стараниями врача Владислава Францевича Краевского, филантропа и здоровяка, мечтавшего об искоренении недугов с помощью физического усовершенствования каждого человека. В Киеве врач Е. Ф. Гарнич-Гарницкий и писатель А. И. Куприн создают «клуб атлетов».

«Одно время он страстно увлекся цирком,— писал в «Этюде о Куприне» Ф. Батюшков,— организует в Киеве атлетическое общество, в котором получил первые уро-

ки известный впоследствии атлет Поддубный, «чемпион мира», близко сживается с деятелями цирковой арены и черпает отсюда материал для целого ряда очерков...»

Поддубному должен был нравиться коренастый и простецкий Куприн, узкие татарские глаза которого всегда смотрели так насмешливо и зорко. Ближе они сойтись не могли, потому что Александр Иванович не любил разговоров без обильных возлияний, а Иван Максимович берег себя для борьбы, строго соблюдал спортивный режим и не пил вовсе. Да и не очень разговорчив был Иван Поддубный, не всегда понимавший, о чем говорят между собой его интеллигентные почитатели. Но во всем, что касалось атлетики, Поддубный понимал неизмеримо больше писателя, которому приписывают едва ли не роль его крестного отца и советчика в новом виде борьбы, уже давно перенесенном на арену русского цирка Пытлясинским и другими.

5

Где же все-таки учился французской борьбе Поддубный, будущий «король» ее, «чемпион чемпионов»?

В свое время многие греческие города отстаивали право называться родиной Гомера. Много позже спортивные кружки различных русских городов приписывали себе посвящение Поддубного в рыцари французской борьбы.

Но если судить по любопытному объявлению, помещенному в газетах в апреле 1898 года, дело обстоит гораздо проще.

Предприимчивый Георг Лурих открыл в Севастополе «школу атлетики», в программе которой он обещал будущим ученикам научить их сорока девяти приемам французской борьбы, «до сих пор известных только профессиональным борцам».

Как профессиональный борец, Поддубный непременно знал их.

Многие были склонны видеть в Иване Поддубном воплощение грубой физической силы, что стало роковой ошибкой для всех его соперников по тогдашней цирковой борьбе. Поддубный учился, выспрашивал приемы, оттачивал их в изнурительных тренировках, которые он проводил с той крестьянской добросовестностью, с ка-

ной вспахивал бы родную ниву. В «русско-швейцарской» борьбе ему не стало равных, но он исподволь готовил себя к новому виду атлетической деятельности, рассматривал картинки в книге Пытлясинского, шептал про себя неудобопроизносимые французские термины и пробовал отбатывать приемы с товарищами.

— Тур де бра — захват руки и бросок через плечо... Тур де анш — поднятие на бедро с захватом головы...

У него получалось «тур де ганш» — «г» он произносил мягко, с придыханием.

Иван Поддубный никогда не упускал случая поучиться новинкам борцовского ковра. Даже когда ему было под семьдесят, он приглядывался к ловким трюкам легкового-«классиков» и, запершись в тренировочном зале с кем-нибудь из молодых друзей, пытался воспроизвести приемы, совсем не вязавшиеся с его размерами и грузностью.

Когда Поддубный уже был в славе, один из киевских любителей, отстаивая «приоритет» своего клуба в приобретении чемпиона к французской борьбе, писал:

«Помню, будто это случилось только вчера, как в один из тренировочных дней появилась в нашем клубе, в Киеве, гигантская фигура, произведшая впечатление и на нас, среди которых было немало людей, возвращенных благодатной украинской природой. Это был Поддубный. Он приехал в Киев с громким именем «поясного» борца. У нас он начал усердно разучивать сложные приемы французской борьбы, в которой был еще новичком и которые усваивались им удивительно легко и быстро.

Кроме колоссальной силы, большого роста и веса, Поддубный обладал и другими необходимыми для борца качествами: он отличался быстротой ориентировки, хорошо координировал свои движения, ему легко давались сложные комбинации приемов, с помощью которых опытный борец, подобно шахматному игроку, заранее замышляющему свои ходы и заманивающему противника нарочно допускаемыми ошибками, учитывает «мат» на такой-то минуте.

Ко всему этому у Поддубного было еще одно неоценимое для каждого спортсмена качество, которое знатоки спорта метко называют «спортивным сердцем», вкладывая в этот термин не физиологическое значение, ибо сердце должно быть физически здоровым у каждо-

го спортсмена, а психологическое. Поддубный способен был развивать в нужные минуты энергию, подобную взрыву (курсив мой.— Д. Ж.), и не терять «куража» в самые тяжелые и опасные минуты борьбы...

Вся эта счастливая совокупность физических и психических качеств и позволила ему, начавшему только у нас, в нашем клубе, изучение французской борьбы, через какой-нибудь месяц заложить прочный фундамент своего борцовского «образования» в этой новой для него отрасли спорта...»

Начиналась новая эпоха и в профессиональном, и в любительском спорте. Начиналось повальное увлечение французской борьбой, на гребне которого предстояло вознестись Ивану Поддубному. Среди прочих причин этого увлечения была одна, о которой Антон Павлович Чехов, с восторгом следивший за схваткой борцов в саду «Олимпия» июльским вечером 1903 года, сказал Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко:

— В наш инвалидный век этих здоровяков не мешает посмотреть...

6

1903 год застал Поддубного в Воронеже. Это был обыкновенный день на исходе зимы. Тусклый свет едва брезжил в окне номера. Проступали очертания громадной медной кровати с продавленной сеткой, шкафа, плюшевых стульев и залоснившихся обоев. Застоявшийся запах невымытого белья и керосина смешивался с испарениями, проникавшими во все уголки здания из первого этажа, где в трактирной кухне докисала в кадках прошлогодняя капуста.

И вид и запах были привычными. Сотни номеров сменил Иван Максимович за последние несколько лет. Но сегодня он как-то особенно почувствовал всю неприглядную тоскливость своего существования. Ужасно было оставаться вот так вечерами одному в номерах. Появлялось ощущение собственной ненужности и отчужденности от всего живого. В этом городе его никто не ждал, а идти в соседний номер, откуда уже доносились пьяные выкрики товарищей по труппе, не хотелось...

Поддубный, шевеля губами, перечитал последние

строки письма, над которым трудился вот уже битый час.

«...Я решил бросить цирк и поехать домой. Надоело уже ездить. Ездишь, а конца не видно. Хватит...»

Это младшему брату, Митрофану. Тот отбывал службу в Петербурге, взятый за рост и стать в гренадерский лейб-гвардии полк.

Вспомнилась родная Красёновка, Оленка... У нее с мужем в прошлый его приезд детей была уже полна кота. А он все бобыль-бобылем. Но может, не домой, а в Феодосию вернуться?.. Место старшого для него всегда найдется...

Вспомнился Киев и отъезд с цирком на гастроли...

У Никитиных тогда ему очень понравилось. Труппа была как большая дружная семья. Юлия Михайловна заботилась о семейных артистах, детей любила... Бывало, попросит Поддубного проводить ее и пройдет по всему поезду, когда переезжают. Если у какой из женщин роды в пути, она тут как тут, хлопочет, помогает, сует деньги Поддубному:

— На следующей станции стоять долго будем, идите, Иван Максимович, и купите приданое младенцу.

— Так я ж не могу, не знаю, що це воно таке...

Поддубный уже давно хорошо говорил на чистом русском языке, но в затруднительных случаях любил изобразить из себя деревенского увальня.

— Можете, можете. Вон Маша с вами пойдет...

Молодая красивая гимнастка Маша Дозмарова кокетливо просила его:

— Снимите меня.

Задержав дыхание, он смыкал свои мощные пальцы на тонкой талии гимнастки, снимал ее с площадки вагона и осторожно ставил на землю. Она была маленькая и упругая, как мячик. Он звал ее Маруся, а она всякий раз звонко смеялась.

— Если б вы знали, Иван Максимович,— говорила Маша,— какая душечка наша Юлия Михайловна! Ведь она всех детишек в труппе сама учит и учителей в городах приглашает. Только жаль ее. Больна она очень. Чажотка...

Поддубный всегда с замиранием сердца смотрел, как Маша работает на трапеции. Номер ее кончался опасным трюком. Она повисала вниз головой и крутилась вокруг штамбера — железной палки, на которую подвешивали

валась трапеция. В подошвах ее ботинок были штифты, вдвигавшиеся в отверстия штамбера.

Поддубный обычно выступал во втором отделении. Поигрывая гирями и штангой, он всюду срывал аплодисменты. В «поясной» борьбе никто не мог продержаться против него больше семи минут.

К концу лета, давая гастроли по пути от Астрахани, труппа доплыла до Нижнего Новгорода.

Цирк Никитиных стоял на Самокатской площади. Весной Волга, разливаясь, заливала Самокат. Вода доходила до уровня галерки. Даже летом в здании чувствовалась сырость, но под его куполом, расписанным в русском стиле, непременно бывал всякий, кто попадал на ярмарку.

От самого цирка начинались ряды балаганов, качелей, панорам, каруселей... И лавки, лавки, тысячи лавок.

Поднимался флаг ярмарки, и приходил в движение ее громадный механизм. С шести утра и до часа ночи шла угарная торговля, в которой наживались крупные состояния, и гульба, в которой спускались не меньшие...

Гул голосов и грохот оркестров валами разбивались о стены гостиницы, где жили цирковые артисты.

— Квасу! Квасу!..

— Кому пышки горячие!..

— Держи его, лови! Украли!..

— Караул! Убивают!..

— Мужчина, угостите папиросочкой!..

В Азиатском переулке шла торговля женским телом и обращение в «тринадцатую веру» — так называлась азартная карточная игра. На ярмарку съезжались воры и бандиты со всех концов России.

По ночам, после представлений, артистки возвращались в номера только под эскортом борцов. Маша Дозмарова шагала смело. Ее поддерживал под руку Иван Максимович, один вид которого заставлял умолкать и сторониться даже самых буйных гуляк...

Сезон кончился, и они расстались на несколько месяцев. Поддубный боролся в сибирских цирках.

Следующий год для никитинского цирка снова начался с представлений в Тифлисе. Борьба намечалась на март, но Поддубный приехал раньше.

Галерка в Каменном цирке на Головановском проспек-

та воспринимала все номера с южным темпераментом. Их было две галерки: маленькая и большая. Время от времени слышался крик:

— Большая галерка спит — рыжего давай!

Потом:

— Маленькая галерка спит — музыку давай!

Радушные южане, угощая артистов в духанах, производили витиеватые тосты и заставляли выпивать несметное количество терпкого вина.

Любимцем публики был укротитель Турнер, выступавший с громадным и добродушным львом Цезарем. Турнер часто напивался. Жена была его туфлей, и он спасался в клетке у льва.

— На-ка, выкуси, не достанешь! — говорил он, показывая кукиш сквозь решетку.

Если кто-нибудь, даже в шутку, пробовал ударить Турнера, Цезарь рычал и бросался на решетку. Во всех остальных случаях он был невозмутим.

Иван Максимович сдружился с Турнером. Тот как-то увлек борца в клетку ко льву.

— Ты не бойся. Цезарь у меня славный, Цезарь добрый. Ты погладь его, погладь, не бойся...

Поддубный с опаской дотронулся до гривы лежавшего льва, который уронил голову на лапы и равнодушно закрыл глаза.

Этот кроткий лев открыл счет тифлисским несчастьям.

Завершая номер, Турнер обычно ставил льва на тумбу передними лапами, открывал ему пасть и вкладывал в нее свою голову. Оркестр играл в это время нечто злое.

Однажды, когда голова Турнера была в пасти, Цезарь вдруг сомкнул челюсти. Цирк испуганно ахнул. Лев вытолкнул голову, Турнер рухнул на опилки. Цезарь слез с тумбы и стал лизать окровавленное лицо своего хозяина. Тот был мертв.

Артисты и публика в ужасе кричали. Льва едва загнали в клетку.

На другой день увидели, что губа Цезаря вздулась. Очевидно, его ужалила оса, случайно залетевшая в цирк. От боли он судорожно сжал челюсти...

Беда не приходит одна.

Через несколько дней Маша Дозмарова прицепила к штамберу штифты ботинок и бросилась вперед. Под

тяжестью ее тела оторвались подошвы. Она пролетела мимо сетки...

Иван Максимович выскочил на арену и схватил ее на руки. Маша была мертва.

С тех пор он всегда возил с собой в чемодане афишу, отпечатанную в день ее бенефиса. Там было ее имя, там было ее изображение... Непохожее на живую Машу. Но он благоговейно разглаживал афишу ладонями и шептал: «Маруся...»

А 11 марта 1902 года в том же Тифлисе скончалась Юлия Михайловна Никитина...

Иван Максимович бежал тогда из Тифлиса, работал в мелких цирках, тщетно пытался забытья...

В номере стало совсем темно, а Поддубный все сидел за столом, обхватив голову руками, и настойчиво думал о том, что надо сойти с арены, вернуться домой или в Феодосию.

Очнувшись, он поднял голову, долго вглядывался в темноту, а потом громко позвал:

— Мишка!

Послышался топот, и в дверь заглянул растрепанный коридорный.

— Лампу мне и... чаю!

Коридорный исчез, но вскоре его всклокоченная голова появилась снова. Он нес зажженную керосиновую лампу.

— Господин Поддубный, я давеча был в цирке... Супротив вас, сдается мне, никто не устоит. И сами господин Фосс... Они тут, в ефтом номере жили ж. Пятьдесят бутылок одного шампанского выпили. Съехали и не заплатили -с... Где им!..

— Ну ладно... Чай принес?

— Я мигом, господин Поддубный. Вам письмо, вот. Извольте получить.

Иван Максимович сунул в протянутую руку полтинник и взял письмо, не предполагая вовсе, что через несколько минут судьба его круто повернется — в нее вмешались люди из таких высоких сфер, о которых он даже не слышан толком не был.

«...Не откладывайте Вашего приезда, так как он связан с Вашей будущей карьерой...»

Выходя из Николаевского вокзала на Знаменскую площадь и отыскивая взглядом свободного извозчика, Иван Максимович повторял про себя выученные наизусть строки письма, полученного им в Воронеже.

— На Офицерскую, в Атлетическое общество, — сказал он, ступая на подножку и угрожающе перекосив тонкоколесый петербургский экипаж.

Ему не терпелось знать, почему его вызвали в Санкт-Петербургское атлетическое общество, состоявшее «под августейшим покровительством Е. И. В. Великого Князя Владимира Александровича». Письмо было подписано президентом общества графом Рибопьером.

Принял Поддубного вице-президент Николай Петрович Бабин, представивший его самому графу Георгию Ивановичу Рибопьеру.

Этот французский граф, родившийся в середине века в Царском Селе, сделал очень много для русского спорта. В пятнадцать лет он уже боролся с профессионалами в Лозанне, в шестнадцать был первым конькобежцем в Петербурге. Во время войны с турками гусарский офицер командовал конными разведчиками-охотниками и прослыл сорви-головой. Один из лучших наездников России, он одерживал победы на знаменитых рысаках Витязе, Грозном, Павлинчике, выращенных на его собственном конном заводе. Его стараниями было учреждено Общество любителей породистых собак.

Став после смерти «отца русской атлетики» доктора Краевского руководителем русского спорта, этот обрусевший француз-миллионер тратил до ста тысяч в год из своих личных средств на подготовку и состязания спортсменов, за что его называли «кормильцем русской атлетики».

Оказалось, что уже в течение двух лет Атлетическое общество пристально следило за успехами нескольких профессиональных борцов, среди которых был и Поддубный. И когда Парижское спортивное общество совместно с французским «Спортивным журналом» предло-

жило петербуржцам прислать своих представителей для участия в состязаниях на звание чемпиона мира по борьбе 1903 года, выбор пал на Ивана Максимовича.

Парижские соревнования собирали лучших борцов мира.

1898 год. Первым чемпионом стал Поль Понс, двухметровый богатырь, бывший слесарь. Он положил на лопатки чемпиона Америки, англичанина Тома Кэннона, который изобрел новый прием, названный им «нельсоном» — в честь великого адмирала. Второе место занял проигравший Понсу по очкам Пытлясинский.

1899 год. На соревнованиях появляются турки. Могучий Кара-Ахмет побеждает Понса и становится чемпионом мира. Но вскоре он получает дерзкий вызов от Пытлясинского. Технический поляк бросил турка через бедро («тур де анш ан тет»), как и Абса, но Кара-Ахмет упал на живот. Это было не последнее падение массивного турка — на восьмой минуте лопатки его коснулись ковра.

1900 год. Чемпион — француз Лоран Бокеруа.

1901 год. Год триумфа представителя России — эстонца Георга Гаккеншмидта, прозванного за феноменально развитую мускулатуру и ярость в схватках «русским львом».

1902 год. Снова Поль Понс.

Теперь Гаккеншмидт был болен и ехать в Париж не мог.

Иван Поддубный пока был непобедим только в борьбе «на поясах». Но время для учения и тренировки еще не упущено.

— Согласны, Иван Максимович? — спросил Рибоьер.

— Да, — ответил Поддубный, не осмеливаясь даже полезть «в потылицу», как это делают в затруднительных случаях его земляки.

Руководители Атлетического общества прекрасно знали Ивана, знали, что он не пьет и не курит, что он скромн и трудолюбив...

Граф Григорий Иванович сам был человек отменного здоровья и прекрасного сложения. И видывал здоровяков. Но и он с восхищением глядел на невероятно широкого Поддубного.

— А сейчас мы с Николаем Петровичем попросим вас раздеться...

Рибопьер с Бабиным ходили вокруг Поддубного, обмениваясь взглядами и довольными улыбками...

Мускулатура Ивана была не особенно рельефной — мышцы лежали по всему телу колоссальными пластами. Отменно хороши спина и икры. Такого перевести в партер будет очень трудно...

Тотчас Поддубного представили тренеру общества Эжену де Пари, сменившему на этом посту Пытлясинского. Де Пари, бывший борец-профессионал, воспитал во Франции немало знаменитых атлетов. Под приставкой «де» не подразумевалось ничего аристократического — он был просто «парижанин».

Начались обмеры и взвешивание. Секретарь общества Леонов записывал:

Рост — 185 сантиметров.

Вес — 114 килограммов.

Окружность груди — 134 сантиметра. (Невероятно! И это не напрягаясь, на выдохе!).

Бицепс — 45 сантиметров, предплечье — 36, запястье — 21, шея — 50, пояс — 104, бедро — 70, икры — 47, голень — 44...

2

Эжен де Пари плохо знал русский язык. Иван Поддубный совсем не знал французского. И все же можно предположить, как начал бы свои занятия Эжен, если бы не существовало этих препятствий:

— Жан, позвольте мне, старому и опытному тренеру, рассказать вам, что есть борьба. О, я учил приемам Поля Понса, великого Понса! Он завоевал венок победителя, и у ног его был весь Париж, вся Франция, весь мир! Борьба — это рыцарский спорт. Сколько надо проявить находчивости, воли, хитрости, силы и выносливости, чтобы по всем правилам нашего искусства положить противника на лопатки. Наше искусство складывается из владения приемами, но если вам скажут, что их несколько десятков, не верьте... Им несть числа, как несть числа движениям человеческого тела, как нет границ изобретательности талантливого борца...

Жан, я сказал, что борьба — это рыцарский спорт, потому что она закаляет тело, делает его бодрым и

сильным, воспитывает благородство. Приемы, которые могут изуродовать, искалечить человека, запрещены.

Жан, борьба, которой я буду вас учить, называется французской, хотя она есть не что иное, как классическая борьба древних греков и римлян. Еще в гомеровские времена она была королевой спорта и собирала самые большие толпы зрителей. Но пали древние государства, и забыт был их спорт. И только несколько десятков лет назад французы — великая нация — возродили греко-римскую борьбу, снова сделали королевой спорта, за что другие народы переименовали ее во французскую...

Жан, вы очень сильный человек, но не надейтесь только на свою силу. В борьбе есть своя тактика и стратегия. Перед схваткой постарайтесь узнать о противнике возможно больше, приобретите его фотографии, изучите его мышцы, составьте план схватки... Начиная схватку, прибегайте к разведывательным маневрам: захватив его руку за запястье, тяните, и если это вам удастся, несмотря на сопротивление, то это значит, что бицепс противника слабее вашего. Отводя руку противника назад, вы испытываете трицепс. Другими приемами вы узнаете силу дельтовидной мышцы плеча, широкой мышцы спины... Мозг борца все время напряжен, нужны мгновения, чтоб узнать уязвимые места противника и придумать обманную комбинацию, затем следует рывок, во время которого наши мышцы срабатывают с математической точностью и безжалостностью парового молота... О, Жан, борьба — это целая наука!

Возможно, Эжен де Пари изъяснялся с Иваном Максимовичем только французскими терминами, уже знакомыми Поддубному. Ясно одно — в постижении приемов и тактики борьбы требовалось не только лишь потное усердие...

Время от времени устраивались тренировочные схватки с каким-нибудь из русских борцов: так легче усваивались и сами приемы борьбы, и весь ее ритуал, за соблюдением которого Эжен следил неотступно.

Борцы выходили на ковер в тонких фуфайках, трико и высоких башмаках со шнуровкой.

У стен зала толпились члены атлетического общества и их гости. Выделялись судьи, один из которых громко объявлял:

— Господа, цель борьбы — опрокинуть противника

спиной на ковер и удержать его в этом положении несколько секунд. Падение за ковер не считается. Во время схватки борцы могут захватывать туловище до пояса и руки противника. Запрещается разговаривать во время схватки и обращаться к публике. Подняв руку, борец может прервать схватку и обратиться к судьям...

Безусловно запрещается: сгибать руки и пальцы в направлении, противоположном сгибанию суставов; захватывать пальцами лицо и горло и душить противника; делать подножки; смазывать перед борьбой тело жиром... Продолжительность схваток: первой — 30 минут, последующих — по 10 минут, между схватками — 1 минута перерыва... Решение судей протесту не подлежит.

Судья звонил.

Борцы начинали с салюта — обменивались рукопожатием и расходились.

— Ан гард! — кричал Эжен. — В позицию!

Руки поданы вперед, шаг правой... Надо противника «положить с ног». Один из борцов берет другого «на прямой пояс» — схватывает спереди за талию. Но следует «парад» — контрприем. Противник упирается в шею борцу и выскальзывает из объятий. Борцы пытаются захватывать шею и при этом иной раз больно бьют внутренней стороной руки по уху. Приемы, приемы... Пояс с захватом рук, захват руки через плечо, задний пояс, «нельсон» — обхват руками под мышками противника и за шею... Гнут голову к груди, в глазах темнеет. Но проности прием, бросить противника через бедро совсем не просто. Сколько приемов, столько и контрприемов. Но вот борец удачно обхватывает противника и бросает через себя, становясь при этом на голову... Мост. Тотчас уход с моста и попытка дожать противника. Это уже борьба «в партере». Противник стоит на коленях и на руках. Борец наваливается на него сверху и пытается перевернуть на спину, применяя «рычаг» или «ключ»...

Звонок судьи. Противники поднимаются и тотчас сходят с ковра.

Три месяца продолжалось учение. Оно было привычным и доставляло удовольствие. Хуже было с усвоением правил «хорошего тона». Научиться правильно держать ложку Ивану Максимовичу оказалось труднее, чем уложить на лопатки десяток гвардейских офицеров — непременных членов атлетического общества.

Эжен привез Поддубного в Париж за два месяца до начала состязаний. Вместе с другим русским борцом, Александром Абергом, его поселили в отеле на Рю Бланш. Ни тому, ни другому было не до красот Парижа так как снова начались тренировки столь жестокой интенсивности, что при одном чтении воспоминаний Ивана Максимовича бросает в дрожь:

«В продолжении целого месяца я ежедневно тренировался с тремя борцами: с первым 20 минут, со вторым 30, и с третьим 40—50 минут, пока каждый из них не оказывался окончательно изнуренным до такой степени, что даже не мог владеть руками. После этого 10—15 минут я бегал, держа пятифунтовые гантели, которые к концу становились непосильным грузом для моих усталых рук. Далее меня сажали в «докторский ящик», или попросту, в паровую ванну с температурой до пятидесяти градусов. После ванны я принимал душ: один день — ледяной, а другой — тридцатиградусный. Далее меня закутывали в простыню и теплый халат, дабы испарить из организма лишнюю влагу и достичь правильной циркуляции крови, а одновременно дать отдых телу перед десятикилометровой прогулкой, каковая производилась самым быстрым гимнастическим шагом. После этого мотона я возвращался в гостиницу настолько изнуренный что с трудом мог подняться на четвертый этаж...» *

За полтора месяца беспощадных тренировок нервная система борцов пришла в такое состояние, что они вздрагивали при любом стуке и перестали спать по ночам. Поддубный как-то потерял контроль над собой и едва не избил Эжена и переводчика Кадо, придравшись к пустяку... Эжен, увидев, что пересолит с тренировками, дал Поддубному и Абергу двухнедельный отдых.

Теперь-то Иван Максимович мог побродить по Парижу и увидеть... Но что увидел Поддубный в прекрасном городе Париже, так и осталось невыясненным. К восприятию музейных редкостей и архитектурных красот он не был готов, да и голова его была занята совсем другим — предстоящими состязаниями, будущими про-

* Записи Поддубного приводятся не дословно. Сохранена манера, но устранены повторы и погрешности в орфографии и синтаксисе.

тивниками. Вот об этих своих впечатлениях он не забывал никогда — имена, достоинства и недостатки каждого, манера бороться врезывались в его память очень прочно. Эрудиция односторонняя, но она говорит о целеустремленности, без которой Поддубный не был бы Поддубным...

Впрочем, Париж не мог не поразить его своей величавостью, просторными перспективами, венчающимися Триумфальной аркой, пестрой уличной толпой, разнообразием которой говорила о притягательной силе французской столицы для жителей многих стран и континентов...

Отель на Рю Бланш, узкой наклонной улице, находился неподалеку от значных мест, среди которых числилось и «Казино де Пари», где Поддубному и Абергу предстояло бороться во славу русского спорта.

От самого порога отеля была видна розовая мельница «Мулен Руж», а дальше, за бульваром Клиши, начинался крутой подъем на Монмартрский холм, увенчанный белым храмом. Вправо же бульвар выходил на площадь Пигаль с ее притонами, шпалерами продажных женщин у стен, красными фонарями в переулках, где дома были слепыми от всегда плотно закрытых жалюзи...

Иван Максимович приглядывался к своему возможному сопернику Алексу Абергу. Тому было всего двадцать два года, но он уже отлично зарекомендовал себя в схватках на ковре.

Эстония дала мировому спорту множество богатырей, среди которых ярче всех блистали Георг Гаккеншмидт, Георг Лурих и Александр Аберг, прозванный впоследствии «загадкой ковра».

Все они вышли из ревельского «Клуба любителей-атлетов», который содержал на свои скромные средства служащий окружного суда Адольф Андрушкевич. Этот щуплый энтузиаст пестовал своих питомцев в холодном амбаре, уставленном гирями и спортивными снарядами и украшенном портретом доктора Краевского, который некогда прислал «клубу» поздравительную телеграмму, адресовав ее: «Колыбели самых сильных людей в мире».

Аберг стал чемпионом Эстляндии и участвовал в больших соревнованиях, где уступал только Луриху, чемпиону Болгарии Петрову и немецкому чемпиону Эберле. Лурих взялся тренировать его.

Старый цирковой артист Дмитрий Альперов в своей автобиографической книге «На арене старого цирка» вспоминал:

«Шла борьба. Борцы Аберг и Лурих жили в одном доме с нами. Мне часто приходилось видеть, как рано утром в саду, разостлав на дорожке ковер, Лурих учил Аберга бороться, и если Аберг делал не то, что приказывал учитель, Лурих палкой бил Аберга. После репетиции они садились пить чай, выпивали несколько самоваров и съедали фунта четыре варенья зараз. Каковы были их аппетиты, можно судить по тому, что хозяйка каждый день варила им десять фунтов варенья и ведро компоту».

Зная о высоком интеллекте Луриха, его оборотистости, владении десятком языками и даже литературных способностях, что среди атлетов было редкостью, с удивлением читаешь это свидетельство простоты нравов и раблезианского аппетита борцов-эстонцев. Впрочем, одно другому не мешает.

В Париж Аберга послал тот же граф Рибопьер.

Белобрысый, остриженный наголо эстонец был, пожалуй, еще молчаливее Ивана Максимовича. Они скупо выражали свои мысли, но волновались оба, только теперь осознав, какая ответственность легла на их плечи.

4

На международный чемпионат «прибыли и записались» 130 борцов.

Среди них были такие испытанные бойцы как великан серб Антониц, бельгиец Омер де Бульон, датчанин Иесс Педерсен, немец Вебер, француз Рауль ле Буше, представитель Австро-Венгрии поляк Станислав Збышко-Цыганевич...

Но ни один из чемпионов и призеров прежних лет не явился. Кара-Ахмет умер в Константинополе от разрыва сердца во время схватки. Турок Юсуф, который некогда был атаманом разбойников, а потом наводил ужас на европейских борцов, возвращаясь из Америки, попал в кораблекрушение и погиб. Гаккеншмидт был болен...

В день открытия чемпионата Иван Максимович, приехавший вместе с Эженом, Абергом и Кадо в «Казино де Пари» к одиннадцати часам утра, был поражен обилием

и взволнованностью публики. Эжен, раскланивавшийся направо и налево, объяснял — тут борцы, спортсмены, любители борьбы, репортеры, художники, скульпторы...

Все 130 борцов были взвешены и разделены на две группы. Пятьдесят тяжеловесов (свыше 87 килограммов) получили право оспаривать звание чемпиона мира, остальным восьмидесяти предоставили возможность бороться за звание чемпиона Парижа.

В каждом весе разыгрывалось четыре приза. Правила были жесткие, иные, чем были приняты в Санкт-Петербургском атлетическом обществе. Если борец хоть на мгновение касался ковра лопатками («туше»), он считался проигравшим и выбывал из соревнований. Естественно, что внимание было приковано к тяжеловесам. Их измеряли, фотографировали, все это немедленно публиковалось журналами и газетами с приложением кратких биографий.

На сцене «Казино де Пари» начались поединки.

Александр Аберг встретился на ковре с французом Де-Вриендтом и мгновенно поверг его на лопатки. Эстонец весил всего 90 килограммов. Рядом со своими двадцатикилограммовыми соперниками он казался юношески стройным и хрупким.

Иван Максимович свою первую победу одержал над чемпионом Германии, претендентом на призовое место Эрнестом Зигфридом. На шестидесятой минуте он бросил немца на ковер.

Вторым он уложил звероподобного француза Фавуе, названного газетами «страшным кучером». Тот был неизмеримо силен, но неуклюж.

Петербургский журнал «Спорт» писал: «Относительно Аберга французские газеты не говорят ничего определенного. Они признают за ним видимое достоинство, но судить не берутся, так как его борьба с Де-Вриендтом была слишком коротка: Аберг моментально поймал его задним поясом, Де-Вриендт старается сделать мост, но Аберг сейчас же применяет боковой пояс, который и решает борьбу; борьба была так коротка, что даже не было взято время. О Поддубном французы очень высокого мнения; они сравнивают его с турками и находят, что он даст им много очков вперед по части силы».

Вторым противником Аберга был Рауль Мюссон, прозванный «мясником» (ле Буше). В шестнадцать лет он

оставил работу в мясной лавке, упорно занимался в спортивном зале, принадлежавшем Полю Понсу, и стал профессиональным борцом. В восемнадцать лет он занял четвертое место на мировом первенстве. Газеты называли его «любимцем Парижа». В 1903 году Раулю ле Буше исполнилось двадцать лет. По мнению парижан, он был красив и хорошо сложен, при росте 188 сантиметров он весил 121 килограмм.

В тот вечер, когда Рауль ле Буше боролся с Александром Абергом, Иван Максимович был свободен и тоже пошел в «Казино де Пари», чтобы еще раз посмотреть, как работает на ковре его будущий соперник...

5

— Иван Максимович, посмотрите, что у меня на спине, — сказал Аберг, переодеваясь перед уходом из гостиницы.

Поддубный крикнул с досады. На пояснице эстонец он увидел несколько красных бугров. Это был фурункулез. Бич всех борцов, возившихся на не совсем чистых коврах и часто заражавших друг друга (порой это делалось даже намеренно — сильному сопернику подсовывали больного, чтобы надолго вывести его из строя).

Аберга явно лихорадило. Но отказ от встречи засчитывался как поражение, и поэтому оба, не тратя лишних слов, оделись и вышли.

Уж на что были крепкие нервы у Ивана Максимовича, но и он порой отворачивался, чтобы не видеть мучений Аберга...

Рауль ле Буше зажимал и ломал Аберга так сильно, что на теле у того всякий раз оставались багрово-синие полосы. Но эстонец был ловок, и железные объятия француза не достигали цели. Мало того, Рауля дважды бросили на ковер.

Во время одного из зажимов Рауля нарыв на пояснице Аберга лопнул. Иван Максимович представлял себе, какую боль испытывает борец... Но Аберг не давал себя сломить французу.

Судьи прекратили схватку. Борьба была перенесена на другой день.

Иван Максимович и Эжен де Пари подошли к Абергу и вывели его из здания. Хотя до гостиницы было неда-

леко, они взяли извозчика и повезли эстонца на Рю Бланш. Еще на улице у борца началась сильная рвота. Болел уже не только раздавленный нарыв, а вся спина.

Он мучился всю ночь. Вызванный врач лишь к десяти утра компрессами и примочками смягчил невыносимую боль, и борец уснул. У Аберга оказалось заражение крови, называемое ныне септическим. Он попал на две недели в больницу, за неявку на ковер ему было зачтено поражение.

На Ивана Максимовича схватка Аберга с Раулем произвела сильное впечатление. У него появилась даже неуверенность в своих силах. Там, в России, от него ждут победы, а он может не справиться...

«Доходило до того,— вспоминал Поддубный,— что я хотел отказаться и уехать, но останавливало меня желание поддержать честь русского профессионального спорта и оправдать доверие Общества».

Иван Максимович одержал подряд одиннадцать побед. Двенадцатым его соперником был Рауль ле Буше, на котором споткнулся Аберг...

Волновался и тренер Эжен. Один из его подопечных уже сошел с круга. Терпят поражение борцы, терпит поражение и их тренер.

— Жан,— сказал он перед встречей с Раулем,— не жалейте сил, попытайтесь положить ле Буше в первые же пятнадцать минут.

6

Рауля ле Буше публика встретила восторженно. Улыбались и судьи, явно симпатизировавшие соотечественнику.

Советы Эжена оказались бесполезными. Рауль сам пошел на обострение борьбы. Зло и резко он бил Поддубного по шее и уху, выбирая удобный момент для проведения приема. Но Поддубный спокойно отражал все захваты француза.

«Получалось впечатление скалы, о которую тщетно бились морские волны»,— писал один из свидетелей схватки.

В обоих борцах было без малого четверть тонны. От натужных попыток обхватить друг друга дыхание их стало тяжелым. На третьей минуте Рауль стал глянцевым от

пота. Руки Поддубного скользили по его телу. Иван Максимович почувствовал недоброе.

Он поднял руку и заявил судьям, что его противник смазан жиром. Судьи проверили и обнаружили, что капельки пота, покрывавшие тело француза, и в самом деле маслянисты.

Однако борьба не была остановлена. Рауля обтерли полотенцем, но маслянистый пот выступил снова. Теперь француза терли полотенцем каждые пять минут. После тридцати минут бесплодных попыток бросить друг друга на ковер борцы получили передышку.

Она длилась вместо одной минуты целых пять.

Устроителям турнира хотелось помочь своему любимцу и вместе с тем соблюсти видимость нелицеприятности. Решено было назначить новую получасовую схватку и присудить победу по очкам. Естественно, что Поддубный, лишенный возможности схватить своего скользкого противника, проиграл одно очко и выбыл из дальнейших соревнований, хотя в схватке был более инициативен.

Но от сознания собственной правоты не становилось легче.

«Оказалось,— вспоминал Поддубный,— что до начала состязаний Рауль в продолжение трех месяцев тренировался с Антоничем, который всякий раз натирал его по турецкому способу оливковым маслом, что и дало свой результат при борьбе Рауля со мной; впитанное организмом масло начало выступать наружу вместе с потом и не дало возможности ничего сделать с Раулем».

Говорят, кожа становится очень жирна, если даже просто есть много оливкового масла.

Иван Максимович был совершенно убит. Он три дня не ел, не выходил из комнаты... Стыдно было возвращаться на родину с таким поражением. Может быть, не стоило бороться дальше, а надо было отказаться, заявить протест...

Эжен отправил телеграмму в Петербург с изложением всех обстоятельств... Атлетическое общество тотчас ответило. Оно предлагало Раулю ле Буше бороться с Поддубным вне чемпионата, гарантировав ему приз в 10 тысяч франков в случае победы. Рауль отказался.

Тот же «Спорт» в майском номере 1903 года писал: «В пульку не попали русские борцы Аберг и Поддуб-

ный. Они оба выбыли, не будучи положены. Любопытно, что оба срезались на одном и том же борце — Рауле ле Буше. Аберг боролся с ним 45 минут, а на следующий день отказался по болезни: у него был нарыв, мешавший ему бороться. Поддубный неожиданно был побит при помощи счета очков. Счет очков производится крайне произвольно, с расчетом, чтобы победил тот борец, который особенно нравится устроителям...»

Слабых неудачи ломают. Поддубный был сильным человеком не только физически. Он справился с собой и стал ходить в «Казино де Пари» на все остальные встречи. Наблюдал, запоминал приемы. Мало того, он посещал парижские атлетические клубы и учился, учился, учился...

На сороковой день чемпионат закончился. Десять тысяч франков и звание чемпиона мира получил Иесс Педерсен, вторым был Рауль ле Буше, третьим — Збышко-Цыганевич. Всем троим еще предстояло помериться силами с Иваном Поддубным.

ТРИУМФ В ЦИРКЕ ЧИНИЗЕЛЛИ

1

Нетрудно представить себе, что передумал Поддубный, возвращаясь на родину. Он не оправдал надежд графа Рибоьера. Да одного ли графа? Вся спортивная Россия теперь разочаровалась в нем...

Как быть? Иван Максимович не поехал в Петербург, а решил навестить родителей. В Киеве он купил русских газет и со страхом разворачивал их одну за другой. Но газеты писали лишь о несправедливости парижских судей.

Граф Рибоьер прислал Поддубному приглашение на большой чемпионат, который должен был состояться в Москве.

Москва встретила Поддубного очень тепло.

Он посетил Рибоьера в его собственном доме у ипподрома. Граф показал ему свою конюшню, где стояли знаменитые рысаки-рекордсмены.

— А вы знаете, Иван Максимович, — сказал Рибоьер, — я в вас верю. Это я предложил гарантировать ле

Буше десять тысяч франков... Но, по-моему, он бы их не увидел. А как вы сами думаете?

— Я, ваше сия...

— Зовите меня просто Георгием Ивановичем.

— Георгий Иванович, для меня в Париже многое было внове. Мы тут все попросту, силой больше действуем, а у них приемы уже новые...

— Вы хотите сказать, что у наших борцов не хватает опыта для участия в международных чемпионатах?

— У меня не было. Вон Лурих, так тот в Гамбурге победил, чемпионом мира считается. А какой чемпионат главнее — гамбургский или парижский?

— Парижский. Он представительнее. Кстати, Лурих поместил в газете открытое письмо ко мне. Он утверждает, что его не пригласили на московский чемпионат, так как я будто бы боюсь, как бы он не положил Поддубного...

Граф пожал плечами.

— Так это он, Георгий Иванович, для славы. Чтобы шуму побольше было. А что до того, чтоб ему меня побороть, так у нас говорят — не кажи гоп...

— Именно это я и хотел услышать. У меня не было и нет никакого предубеждения против Луриха, но раз он так рвется на чемпионат, пусть его...

Граф говорил с заметным раздражением.

В ту пору Иван Максимович был в своей лучшей форме. Прошли усталость и нервное расстройство после памятных тренировок с Эженом. Тело налилось силой, но казалось легким.

И началась в его жизни полоса удач, которая привела его на вершину всенародной славы.

Уже в первые дни московского чемпионата он легко кладет Михайлова, Абасова, Глинкина... Схватка с Лурихом, который вел себя вызывающе, была для Ивана Максимовича главной. Зная, что в партере эстонец очень силен, он постарался бросить его из стойки и мгновенно дожать своим огромным телом. В борьбе с Янковским Поддубный применил коронный луриховский прием — стал на «мост» и, внезапно перевернувшись, подмял «папашу» под себя.

Но многие еще не верили в мастерство Поддубного. Говорили, что он берет не умением, а природной силой. Иван Максимович никого не разубеждал. Он уехал бо-

роться в провинцию. Каждый день проводил в усиленных тренировках, без конца опробовал виденные им приемы. Изобретал новые.

Впоследствии Поддубный гордо заявлял: «Французскую борьбу в России создал Пытлясинский, развил и улучшил Лурих и окончательно усовершенствовал я». Он перечислял «швунги, толчки, подрывы», «заимствованные из татарской борьбы броски».

Трудно представить себе что-либо «окончательно усовершенствованное», но даже такой опытный борец, как олимпийский и мировой призер Александр Иваницкий, признает, что некоторые приемы Поддубного оказались для него откровением.

2

Огни цирка Чинизелли ложились сверкающими дорожками на зеркальный лед Фонтанки, отполированной петербургскими ветрами.

Господин директор Чипионе Чинизелли, облаченный во фрачную пару и цилиндр, прихрамывая, выходил сквозь строй униформистов на манеж, раскланивался, и под хлопки шамберьера на тырсу выбегали восемь соловых жеребцов завода князя Сангушко.

«Госпожа директор» Лиццие Чинизелли изящно «ездила высшую школу» на лошади Суженый, а из царской ложи, украшенной двуглавым орлом, на нее умильно взирал дядя царя, великий князь Владимир Александрович. Господин директор гордился связью своей жены с членом царствующей семьи и рассказывал о ней всем и каждому.

После своих выходов господин и госпожа директор переодевались и занимали свои традиционные места в первом ряду. «Госпожа директор», сменявшая амазонку последней модели на роскошный туалет от Диора, лорнировала знаменитую парижскую танцовщицу и куртизанку Клео де Мерод, гастролировавшую в Петербурге.

Париж, Париж... Господин директор Чипионе Чинизелли завидовал успеху парижских чемпионатов борьбы. Но он уже заключил сделку с борцом и антрепренером Шарлем Дюмоном, обязавшимся в начале 1904 года организовать в цирке Чинизелли международные состязания. Были приглашены семь русских борцов и двадцать

три иностранных, из которых самыми грозными считались болгарский чемпион Никола Петров, и трое французов — чемпион мира Поль Понс, Эмабль де ля Кальметт и... Рауль ле Буше.

Иван Шемякин, приглашенный на чемпионат прямо из солдатской казармы и впоследствии ставший одним из сильнейших борцов России, вспоминал:

«Никогда я до тех пор не видал таких сильных людей, особенно как Понс и Рауль ле Буше. Многие не верили, что Понс так был силен, но я переборолся почти со всеми борцами мира и уверяю вас, что Понс был одним из сильнейших людей, каких я только видал. Потом уже его стал забивать Рауль ле Буше, но Рауль был чем-то феноменальным по силе. Это уже был не человек, а стихия. Самое большое впечатление на меня произвел Понс, и обиднее всего мне было, что я, громадного роста человек, перед ним кажусь подростком...»

Иван Максимович Поддубный приехал в Петербург одним из первых.

Парижская неудача была как заноза в сердце. Неужели в России не найдется борца, который бы уложил заносчивых французов? Пожалуй, лучше других Шемякин, но ему не хватает опыта. У Ивана Максимовича был опыт схваток с французами, а главное — хорошая злость, желание взять реванш и доказать, что и русские не лыком шиты, что у них своя школа...

Он тренировался в Атлетическом обществе и продумывал каждую предстоящую схватку, не делясь своими мыслями даже с братом Митрофаном, которого навестил в казарме Гренадерского полка у Большой Невки.

Поддубный решил не показывать своего умения, в схватках больше защищаться, а не наступать, экономить силы для решающих встреч. И главное, пусть противники не защищаются, а наступают. Пусть упиваются своим превосходством и теряют осторожность...

Три тысячи зрителей, ежедневно собиравшиеся в цирк Чинизелли — и бархатные кресла, и «нечисленная» галерея, — были разочарованы вялой борьбой Поддубного, хотя всякий раз он побеждал. «Я делал искусственное дыхание (нарочно тяжело дышал. — Д. Ж.), показывая, что я борьбу не знаю. Был неповоротлив, неподвижен, и если я клал противника, то всем казалось, что это случайно».

В публике говорили:

— Поддубный не спортсмен, а медведь. Напорется на хорошего борца, и все...

— Неуклюж, куда ему против французов...

Как-то пришел к нему Митрофан.

— Ты що робишь! Над тобой весь Петербург смеется.

— Побачим, кто будет смеяться последним,— ответил Иван Максимович.— Тут, братишка, не цирк, а чемпионат. Надо голову иметь на плечах. Хай думают, что я разучился бороться.

К финалу чемпионата поражений не имели четверо — Петров, Понс, Рауль ле Буше и Поддубный.

Встреча Поддубного с Петровым продолжалась сорок минут. Победил Иван Максимович. И вот как он вспоминал об этой схватке:

«Здесь я уже показал кое-какие приемы, на которые обратили внимание сидящие борцы, говоря друг другу:

— Сперва Поддубный был какой-то чурбан, и вот за короткое время он так хорошо изучил французскую борьбу. Смотрите, какой он даровитый!

А я, стоя в манеже, на все это улыбался».

Как краток и точен Поддубный в последней фразе, словно бы сочиненной им для литературных гурманов! И в ней он весь — со своей крестьянской хитростью, с простодушным любованием собой...

До окончания чемпионата оставалось три дня. И две схватки. С Раулем ле Буше и Полем Понсом.

3

Чемпионат в цирке Чинизелли был коммерческим предприятием. Антрепренер Дюмон организовал его на паях с Раулем ле Буше и Полем Понсом. По контракту с Чинизелли он получил 24 тысячи рублей на расходы. Из них пять тысяч, по тому же контракту, выделялось на призы. За первое место — 3 тысячи рублей, за второе — тысяча, за третье — 600, за четвертое — 400.

Французы рассчитывали, что возьмут первые призы. Победы Поддубного смешали их карты. Он уже вышел на третье место. Дюмон встревожился: деньги уплывали из его рук.

Директор Чинизелли был настроен благодушно. Идея международного состязания борцов оправдала себя: касса была полна, расходы и хлопоты сравнительно неве-

лики. Сам великий князь Владимир Александрович благосклонно поблагодарил его за доставленное удовольствие.

Когда Дюмон вошел в директорский кабинет, Чинизелли приветливо махнул рукой: «Садитесь», но сам не встал — из-за искалеченной ноги он мог позволить себе эту невежливость.

— Я рад видеть вас у себя, месье Шарль,— сказал Чинизелли.— У меня сегодня был разговор с полицмейстером. Вчера схватка закончилась слишком поздно. Хочу напомнить вам, что зрелища в Петербурге разрешаются только до полицейского часа, до двенадцати ночи...

— Простите, господин директор, этого больше не повторится. Чемпионат идет к концу, и у меня возникло соображение, как повысить интерес к последним встречам. Если мы ликвидируем мелкие призы, объединим четыре приза в один и пообещаем пять тысяч победителю турнира, то публике это понравится, а борьба станет острее.

— Но как же контракт, месье Шарль? В нем сказано...

— Простите, господин директор, но этот контракт заключен между вами и мной. Можно изменить условия. При обоюдном согласии, разумеется.

— Я согласен.

Дюмон уже направился было к двери, как Чинизелли догнал его вопросом:

— А вы уверены, мой друг, в победе Понса или ле Буше?

Дюмон остановился как вкопанный и обернулся. Бычья шея его побагровела. Но ни в интонации Чинизелли, ни в его глазах антрепренер иронии не увидел. Ее и быть не могло. Чинизелли держал пари с графом Рибопьером, что победит француз. Граф ставил один к пяти на Поддубного.

— Да, господин директор.

Вскоре Дюмон был уже в номере гостиницы, где его ждали борцы-французы.

— Слушайте меня внимательно. Я добился ликвидации мелких призов. Пять тысяч — большие деньги, и если мы их проиграем, на вашу долю достанется только плата за выступления. Жалкими грошами, которые остались после всех расходов по организации чемпионата, я делиться с вами не намерен...

— Почему вдруг такая паника, Шарль? — сказал Рауль ле Буше, потягиваясь и щуря большие, навывкате, глаза.— Я с Поддубным боролся в Париже, и ты помнишь, чем это кончилось...

— Ты хороший борец, Рауль, но чемпионом тебе не быть никогда. Надо еще и думать! Я чувствую, что Поддубный показал не все, что умеет. Он в прекрасной форме. Не жалей сил. Если не сможешь положить, вымотай его как следует. Тогда Полю победа обеспечена. Ведь ты положишь его, Поль?

Гигант Поль Понс кивнул.

— Положу Поддубного я! — выкрикнул Рауль. Злобно тараща глаза, он вскочил со стула и сжал кулаки.— И не только Поддубного...

— Под Поля ты подвалишься. Это решено. Ты меня знаешь...

В голосе Дюмона прозвучала угроза. Рауль, ворча, сел на стул и яростно откинулся на спинку. Стул не выдержал такой тяжести и развалился. Рауль вскочил с пола и пнул обломки. Утолив ярость, он затих.

Дюмон — хозяин, антрепренер, и ссориться с ним было действительно опасно. Весь заработок Рауля, и немалый для молодого человека, зависел от Дюмона и еще двух-трех антрепренеров, которые при видимой вражде умели удивительно спеваться, когда дело касалось укрощения строптивых борцов.

4

Граф Рибопьер зашел к Поддубному. Тот подбрасывал и ловил чугунную «пирамидку», выполняя свой ежедневный урок.

— Иван Максимович, вы слышали историю с призами?

— Слышал. Выходит, они уже и победителя определили. Поперед бабки в пекло лезут. Французы проклятые... Ох, простите, Георгий Иванович!

— Ничего. Какой же я француз? У меня только фамилия французская... Мой предок служил еще у Суворова и погиб при штурме Измаила. И пришел я к вам, чтобы напомнить, что в ваших руках честь русского спорта. Дело не в деньгах, хотя я понимаю, что приз — это ваш заработок.

— Я уже думал об этом. Мне слава России дорога.

Поддубного бесило настроение публики из первых рядов партера, которая, как он выражался, «нас, русских борцов, не признавала за хороших борцов».

Гвардейские офицеры, золотая молодежь и молодые купчики, казалось, были заморожены французскими борцами. Они толклись в артистической уборной, делали гостям богатые подношения, упивались возможностью сказать по-французски несколько поощрительных слов. Так в Петербурге привечали все «парижское» — и посредственных музыкантов, и третьеразрядных шансонье.

Поддубный решил сломать это настроение. Но не сразу. Словно хороший шахматист, он продумал развитие событий на много ходов вперед.

Зная силу и лозкость Рауля, он не показал ему всей своей силы и умения. Все тридцать минут схватки Иван Максимович следил лишь за тем, чтобы не дать противнику провести ни одного приема. Новая схватка была назначена на следующий день. Решительная. До победы.

В артистической уборной, куда собрались все борцы, Рауль был весел и даже запел... Он был уверен в своих силах.

— Господин Поддубный, когда вы приезжали в Париж, вы были очень сильны... А теперь почему-то совсем не сильны,— сказал он Ивану Максимовичу.

— Вуй*,— ответил Поддубный, сокрушенно покачав головой, и добавил: — Побачим завтра...

5

Наступило завтра.

Рауль, вдохновленный вчерашним, сразу же набросился на Поддубного. Чувствовалось, что он хочет сломать противника в первые же минуты. Но теперь Иван Максимович тоже не сдерживался. Прием следовал за приемом. Рауль растерялся. От куража его не осталось и следа. На пятнадцатой минуте он попал в «партер». Еще двадцать семь минут ломал и выворачивал его Поддубный, то и дело поминая Париж и оливковое масло. На сорок второй минуте Рауль подал из-под Ивана Макси-

* Да (ломан. франц.).

мовича голос. Он хочет, мол, сделать заявление судьям. Но Поддубный не отпускал его.

— Он же убежит с манежа,— сказал Иван Максимович.

Но судьи настояли на том, чтобы он отпустил противника.

Рауль встал, подошел, шатаясь, к судейскому столу и заявил, что борьбу он больше продолжать не может.

Удалившись в директорскую комнату, Рауль плакал. Набившиеся туда же офицеры из публики уговаривали его продолжить схватку.

А на манеже Иван Максимович, стоя у судейского стола, доказывал, что убежавший противник — это противник побежденный. Довод был неотразимый. Ивана Поддубного признали победителем.

6

И вот последний противник. Двухметровый гигант Поль Понс. Объявили условия — пятнадцатиминутная схватка, две минуты отдыха, и дальше схватка без перерыва до полицейского часа, то есть почти двухчасовой бой.

Настороженность и предвзятость партера еще не прошла, но галерка встретила Ивана Поддубного шумно и дружелюбно. Весть о его предыдущей победе взбудоражила весь Петербург. «Победил француза!» Люди вспоминали, что они русские, волновались, шли толпами к переполненному цирку, ждали вестей.

Первые пятнадцать минут Поддубный снова хитрил, «щупал... слабые стороны» противника. После перерыва зрители увидели настоящего Поддубного. И вскоре не узнать было некогда могучего Понса. Один из очевидцев этой схватки вспоминал, что Поддубный «швырял его по ароне, постоянно заставляя переходить в «партер», чего Понс вообще не любил».

Весь цирк затаил дыхание, нервно сжимались кулаки, было ощущение большого события.

Понс уже не поднимался с ковра. «К концу борьбы на него было жалко смотреть,— говорил тот же очевидец,— его трико стало болтаться на нем, как будто Понс внезапно похудел сантиметров на двадцать в талии, ском-

калось и превратилось в тряпку, которую хотелось выжать».

И вот уже Поддубный окончательно «сбивает его в партер».

«Я применял всяческие технические приемы, даже злостные (очевидно, болевые.— Д. Ж.),— вспоминал Иван Максимович.— Весь свой опыт, всю силу и энергию я истратил до конца. Я прикладывал к левой стороне его груди свое ухо и слушал сердце...»

Впоследствии Иван Максимович не только себя, но и публику сравнивал с хищным зверем, ждущим добычи...

На сто пятнадцатой минуте борьбы Поддубный провел руку под мышку Понса, уперся кулаком в шею и, помогая себе другой рукой, перевернул противника на спину.

«Я держал его на лопатках, пока меня не стащили за ноги. Свистку арбитра я не подчинился: это я сделал, чтобы не было возражений со стороны публики... Я прекрасно сознавал, что это с моей стороны грубо и некультурно...»

Да, он сознавал, но делал это для первых рядов партера — нате, убедитесь!

Никогда еще Ивану Максимовичу не приходилось слышать таких аплодисментов, таких криков восторга, как в ту полночь. Все три тысячи зрителей вскочили со своих мест, размахивали руками. На манеж полетели и картузы, и котелки...

Поддубный отпустил Понса, встал и поднял руки. В цирке Чинизелли наступила тишина.

— В афишах объявлено, что победителю чемпионата полагается первый приз — пять тысяч рублей. Я боролся целый месяц и заслужил его. Прошу принести деньги сюда, на манеж, и вручить мне их при публике.

Поддубный сказал это, потому что видел уже лихорадочную возню организаторов чемпионата. Дюмон пытался доказать судьям, что Понс был положен вне ковра. Платить денег он, очевидно, не собирался.

На манеж выбежал Рауль ле Буше и, срывая с себя одежду, требовал, чтобы Поддубный боролся с ним сейчас же. Он кричал, что русский вчера не положил его.

Зрители смеялись. Несправедливость была очевидна. Борьба после двухчасовой схватки?..

Зрители скандировали, требуя вручения приза.

На арену вышел сам господин директор Чипионе Чинизелли и предложил Ивану Максимовичу пройти в контору для получения денег. Тот отказался.

Публика бушевала, вызывала полицию. На манеж спустился петербургский полицмейстер Галле и приказал арестовать кассу цирка. Наконец деньги принесли.

Поддубный снова поднял руки.

— Я прошу принести мое пальто сюда. За кулисы не пойду — убьют!

Он еще в Париже познакомился с нравами профессиональных борцов, знал их привычку носить с собой оружие.

Тотчас нашлись помощники и телохранители. Принесли пальто, купили в буфете салфетку, чтобы завернуть деньги, проводили до экипажа, который предоставил ему граф Рибопьер.

Был уже второй час ночи. Проезжая по Симеоновской улице и Литейному проспекту, вдоль которых стеной стояли ликующие петербуржцы, Иван Поддубный вдруг осознал, что произошло событие чрезвычайное. И не только для него лично. Это была победа России, его Родины. И с этой ночи ему оказывали такие почести, какими удостоивают только национальных героев.

И СНОВА ПАРИЖ

1

Поддубный был в расцвете сил. Он поставил рекорд в поднятии тяжестей. Окружающим казалось, что высшего развития человеческий организм достичь не может. Сам Поддубный относился к своим успехам более скромно. Все это было для него подготовкой к очередному парижскому чемпионату. Он говорил, что если и не положит на лопатки сильнейших, то себя во всяком случае положить не даст.

И снова собрались в Париже сто сорок знаменитейших борцов. Снова фаворитами были датчанин Иесс Педерсен, французы Лоран Бокеруа и Рауль ле Буше, бельгиец Омер де Бульон... Русский богатырь Иван Поддубный.

И все они претендовали на звание чемпиона мира 1905 года.

Одним из первых зал «Фоли Бержер», где в иные дни выступала жена Рауля, известная шансонетка, увидел новое поражение любимца Парижа, прочно преградившее ему путь к чемпионскому титулу.

Русский богатырь технично и быстро бросил на ковер своих грозных противников — одного за другим. Это был уже не тот увалень, каким он притворялся в Петербурге в 1904 году. Ловкий, быстрый, сильный, он срывал аплодисменты парижан, но ему еще было далеко до популярности чемпиона Иесса Педерсена, который тоже не имел ни одного поражения и вышел вместе с Поддубным в финал.

Иесс Педерсен был красив. Стройный, белокожий, высокий, с рельефными мышцами.

Про Поддубного же можно было сказать: неладно скроен, да крепко сшит.

Когда они оказались рядом на ковре, кто-то из публики выкрикнул:

— Иесс, хватай этот мешок с картошкой и кончай дело!

Педерсен был невероятно силен и вынослив, и Поддубный это знал. Но его рассердила насмешливость парижан. Он сразу же стал атаковать датчанина, щедро осыпая его своими знаменитыми «макаронами» — затрещинами, от которых падал на колени не один борец. Но у Педерсена была крепкая шея. Попытка обхватить Иесса тоже не получилась. Упершись ладонью в подбородок, а заодно давя и на горло Ивана Максимовича, датчанин высвободился из его железных объятий.

Борцы мяли друг другу мышцы. Час двадцать продолжались хождение по ковру и попытки провести какой-нибудь прием.

Иван Максимович решил пойти на хитрость.

Движения его замедлились: он стал симулировать учащенное дыхание, усталость... Педерсен оживился и взял его в обхват. Поддубный почувствовал, что руки датчанина еще невероятно сильны. Дважды обхватывал Педерсен Ивана Максимовича, а на третий раз русский борец внезапно зажал руки датчанина и «с полусуплеса так шибко его бросил, что сам через него перелетел»...

В одном из описаний этой схватки Иван Максимович

добавлял, что «применил собственный комбинированный прием из татарской борьбы и чисто бросил его на лопатки...»

Это случилось ровно через час тридцать шесть минут после начала схватки.

Приз в 10 тысяч франков и лента чемпиона мира были наградой победителю.

2

Вот теперь Париж воздал ему должное.

Чемпионат разбудил невиданные страсти. Парижане просыпались и засыпали со словом «борьба». Борцами интересовались все — от рабочего до президента республики. Во всех витринах были выставлены портреты Поддубного — папаха, усы, черкеска...

Теперь уже парижане любовались его сложением, изменив «железному Иессу». Под портретами, где Поддубный стоял в трико, подняв руки и напряжинив мышцы, красовалась подпись: «Спина его феноменальна».

Французы всех слоев общества считали Поддубного полубогом, осаждали, добивались знакомства. У Ивана Максимовича долго еще хранились сотни визитных карточек титулованных парижан, знакомство с которыми, по выражению репортера, могло бы сделать честь любому дипломату. Это был триумф России.

И надо отдать справедливость Ивану Максимовичу — не вскружила ему голову эта слава. Едва ли не на другой день после победы он потребовал, чтобы ему показали судейские журналы за все годы мировых чемпионатов. Он внимательно изучил все приемы, которыми побеждали на них.

Турецкие борцы буквально ломали своих противников, «русский лев» Гаккеншмидт лучше всего применял передний пояс... Поддубный же решил отработать до ювелирной тонкости все приемы. И применять. Ради этого он приглашал на свои тренировки всех борцов, находившихся тогда в Париже, и изучал их манеру борьбы. Ходил по любительским клубам, почитавшим за честь такие посещения.

Перед сном у себя в отеле Иван Максимович придумывал новые комбинации приемов, а по утрам показывал их борцам, которые восторженно называли его «ма-

гом» и даже верили в то, что он наделен какими-то сверхъестественными способностями...

Особенно подогрела это убеждение необычная схватка, которую предложил устроить некий «профессор японской борьбы» (в те времена едва ли не всякий преподаватель называл себя «профессором» — были «профессора атлетики» и даже «профессора бокса»). Об искусстве японца, открывшего в Париже школу джиу-джитсу, рассказывали чудеса. «Профессор» грозился в газетах победить Поддубного, и пришлось тому принять вызов.

Схватка кончилась для японца печально. Хитроумные приемы не помогли. С чудовищной силой он был смят и прижат к полу. Японец корчился и кричал от боли. Иван Максимович перестарался. У японца оказалась сломанной нога.

3

В Париже Поддубный получил приглашение на двухнедельный чемпионат в Ницце, после чего намечалась гастрольная поездка по Италии.

В Ницце, «этом сплошном человеческом недоразумении», по выражению Куприна, Поддубный показывал свое искусство респектабельной публике, числившейся и не числившейся в Готском альманахе, окунавшей свои тела в море и проигрывавшей кучи золота в недалеком Монте-Карло. На модном курорте, созданном на малярийном болоте «английским снобизмом, русским обезьянством, шальными деньгами американцев и вечной лакейской услужливостью французов», была и вилла семипудового красавца Рауля ле Буше.

Перед отъездом в турне по Италии с Поддубным случилось весьма странное происшествие...

Перескажем то, что рассказывал в своих записках Иван Максимович.

Киевский помещик Долинский то ли проматывал в Ницце свое состояние, то ли в либеральной лихорадке бежал под сень чахлах курортных пальм от «проклятой русской действительности». Однако появление Поддубного вызвало у него острый приступ ностальгии, он стал искать общества борца и завязал с ним короткие отношения.

Они встретились в очередной раз у театра, где выступал Поддубный, около пяти часов дня и зашли в ближайшее кафе. Едва они уселись за столик, как в дверях показались пятеро дюжих молодцов. Они уставились на Ивана Максимовича и поэтому, может быть, сразу показались ему подозрительными. Один из них, приволакивая ногу, подошел к столику и представился Ивану Максимовичу братом его учителя Эжена де Пари.

«Это навело меня на большие размышления», — вспоминал потом Поддубный, выражаясь, как всегда, неподражаемо. Короче говоря, он смекнул, что дело нечисто, поскольку брата у Эжена никогда не было.

Иван Максимович предложил Долинскому уйти из кафе. Но молодцы, в которых понаторевший уже во французских нравах Поддубный узнал апашей — местных бандитов, увязались за борцом и его знакомым. Иван Максимович с «братом Эжена» шли впереди. У входа в гостиницу тот стал, попросил у борца 200 франков, а заодно пригласил выпить с компанией «в одном месте, где есть вино и девочки».

Поддубный, кое-как изъяснявшийся по-французски, предложил ему подняться в номер, обещая угостить там как следует. А потом, обернувшись к Долинскому, сказал по-русски:

— Иди швидче, зови городского. Тут дело нечисто...

Именно «городского», а не «полисмена» или «полицейского», чтобы не было для французов знакомого созвучия.

Поддубный с «братом Эжена» поднялись на второй этаж и прошли по коридору мимо ресторанный зала, где сидели другие борцы, поздоровавшиеся с Поддубным. У двери в номер он сказал своему спутнику:

— Погодите, сейчас зажгу свет.

В номере у Ивана Максимовича было оружие.

— Антре! — сказал Поддубный, и вошедший апаш увидел в опасной близости от своего лба черное дуло револьвера.

Всю дорогу бандит хромал, но теперь он мчался по коридору весьма резво. Спутники его, уже поднявшиеся на второй этаж, тоже повернули обратно. Пробегая мимо ресторана, «брат Эжена» поднял бессмысленную стрельбу, загнав двух турецких борцов — Пенгаля и Мамута — под стол. На лестнице апашаи столкнулись с по-

лицейским, которого привел Долинский. Но в суматохе их не задержали...

В тот же вечер случилась беда с борцом Эмаблем де ля Кальметтом. Кстати, тем самым, который боролся в саду «Олимпия» в 1903 году и привел в восторг Антона Павловича Чехова, бросившего тогда свою крылатую фразу о «здоровяках». И еще раз кстати, тот же самый Эмабль во время чемпионата в цирке Чинизелли в 1904 году первым предупредил Поддубного о сговоре других французских борцов с директором цирка. Порядочность в нем взяла верх над деловой солидарностью. С тех пор их связывала с Иваном Максимовичем большая дружба. Рауль де Буше еще в Петербурге догадался о поступке Эмабля и стал относиться к нему неприязненно.

Ужиная с женой в ресторанчике, Эмабль де ля Кальметт услышал, как за соседним столом какая-то компания громко обсуждала происшествие с Поддубным и несколько не скрывала своего намерения убить русского борца. Эмабль возмутился и вмешался в разговор. Ссора была уже готова вылиться в драку, как вдруг борец увидел дуло направленного на него револьвера. Он похолодел. Перед огнестрельным оружием физическая сила — ничто. Однако жена Эмабля, крохотная, но очень ловкая итальянка, выбила револьвер из руки апаша. И тотчас другой бандит проломил борцу голову рукояткой своего револьвера...

В дело вмешались русский и турецкий консулы, требовавшие, чтобы французские власти обеспечили безопасность иностранных подданных Поддубного, Пенгаля и Мамута.

Теперь полиция действовала ретиво. Полицейский, которого привел киевский помещик, запомнил бандитов в лицо. Они были опознаны и арестованы. Двое оказались беглыми каторжниками. Главарем у них был «хромой брат Эжена». На допросе они показали, что будто бы хотели ограбить Поддубного...

Иван Максимович принял признание бандитов на веру и со спокойной душой отправился в турне по Италии. Он одерживал победы во Флоренции, Венеции, Турине, Вероне, Милане и добрался уже до самой Сицилии, где в Палермо его догнало письмо.

Неизвестный доброжелатель писал ему из Ниццы, что жизнь Поддубного и Эмабля де ла Кальметта находится

в опасности. Сообщники арестованных бандитов будут охотиться за ними... А надо сказать, что Эмабль уже успел залечить свою рану и присоединиться к Поддубному в одном из итальянских городов.

Иван Максимович стал догадываться об истинном смысле происшествия в Ницце... Пропади она пропадом, эта Европа! Померкло чистое небо Сицилии, подозрительными стали все эти шумные чернявые люди, тоскливо было высматривать, из-за какого же угла послышатся хлопки револьверных выстрелов...

И уехал бы на родину Иван Поддубный, так и не узнав до конца подоплеку происшествия в Ницце, если бы не встретился он в Палермо со старым знакомцем, борцом и антрепренером Шарлем Дюмоном.

Это был тот самый Дюмон, который затеял интригу против Поддубного в петербургском цирке Чинизелли и остался на бобах из-за силы и упорства русского борца. Дюмон не был мстителен и, увидев возможность нажиться, предложил Поддубному поехать в Африку с группой борцов, уверив, что во французских колониальных владениях тому нечего страшиться апашей.

Из намеков Дюмона было ясно, что ему известны кое-какие обстоятельства происшествия в Ницце.

В Тунисе Дюмон получил телеграмму Поля Понса о том, что в Ницце от воспаления мозга скончался двадцатичетырехлетний Рауль ле Буше.

А еще через десять дней пришло письмо, из которого Дюмон, имевший обширные связи и в преступном мире, узнал истинную причину смерти Рауля.

В свое время русские газеты рассказали об этой истории. Одна из заметок начиналась так:

«Нигде, ни в одной профессии слава не сопровождается таким хитросплетенным клубком опасностей, предательски подстерегающих ту или иную знаменитость, как в атлетическом мире.

Представители грубой мускульной силы завидуют и мстят друг другу по-своему. Опасного соперника они стараются либо совершенно «изъять» из употребления, либо искалечить. Борцы прибегают к тому и другому способу.

Особой бесчеловечностью в закулисной борьбе отличался самолюбивый француз Рауль ле Буше. Многим спортсменам памятен случай, когда парижские хулиганы-

взяточники сбросили с поезда в тоннель негритянского борца, победившего в поединке Рауля ле Буше...»

Нравы буржуазного спорта не изменились и по сей день.

И все же с трудом верится, что таким путем можно преуспеть даже в профессиональном спорте. Злодейство необъяснимым образом почти всегда оборачивается против злоумышленников.

«Ищите женщину»,— говорят французы, услышав о преступлении. И хотя во всей этой истории не было любовной интриги, женщина в ней все же была замешана. Честолюбивая и властная жена Рауля во что бы то ни стало хотела видеть своего мужа чемпионом. Это она в своей мстительной злобе заставила его снова обратиться к апашам, подрядившимся за деньги убить Поддубного.

Бандиты договора не выполнили, но понесли урон, а посему потребовали у Рауля деньги. Тот отказался платить. Тогда его подстерегли в той же Ницце... Несколько ударов резиновой палкой по голове вызвали сотрясение мозга, которое медицина приняла за простудный менингит.

Дюмон завершил свой рассказ сентенцией о возмездии за яму, которую копают ближнему, и от лица своего безвестного корреспондента заверил месье Поддубного, что отныне во Франции опасность ему не грозит. Он был очень осведомленный человек, этот Шарль Дюмон.

Двадцать дней продолжался чемпионат Дюмона в Тунисе и месяц в Алжире. Большая часть схваток была чистым надувательством, тщательно отрежиссированным антрепренером. И только Поддубный боролся в полную силу, неизменно завоевывая первые призы, теперь уже аккуратно выплачиваемые Дюмоном. Сборы от выступлений «русского казака Поддубного» были прекрасные.

В феврале 1906 года Иван Максимович снова в Париже. После новых побед в Льеже и Берлине он вернулся в апреле в Петербург, где его ждали восторженные почитатели и ученики.

ЧЕМПИОНАТЫ В РОССИИ

1

Историки цирка считают, что в России увлечение профессиональной борьбой началось едва ли не с того самого чемпионата в 1904 году, который завершился сенсационными победами Ивана Поддубного.

«...Спустя какие-нибудь два-три года успех таких чемпионатов возрос с чудовищной силой,— писал Е. М. Кузнецов, крупнейший историк русского и советского цирка.— Тысячные толпы проявляли лихорадочный интерес к борцам, заполняя цирки к десяти часам вечера, когда куца программа оканчивалась и начинался чемпионат. Чемпионаты растягивались до трех недель, до полутора месяцев, до трех месяцев, наконец; они переезжали из города в город, выделяли любимцев публики, обеспечивали им громадные гонорары и повышенное внимание бульварной прессы; цирк без весеннего чемпионата стал одинаково невыносим и в столице и в провинции, где, окончательно утрачивая спортивный характер, борьба принимала грубые, шантажные формы».

Впрочем, историки спорта отмечают увлечение петербуржцев борьбой еще в конце XIX века. Увы, борьбе не повезло ни в трудах историков цирка, ратовавших за «чистое» цирковое искусство, ни в трудах историков спорта, третирующих профессионализм.

И все-таки трудновато бывает уйти от успехов профессиональной борьбы, которая в свое время стала не только волнующим зрелищем, но и примером, побуждавшим тысячи и тысячи людей к овладению физической культурой.

Фотографии Поддубного, Гаккеншмидта, Збышко-Цыганевича и других борцов продавались тысячами. Молодые люди с бою заполняли цирки России.

Борьбе посвящал патетические строки Александр Блок.

В молодецкую забаву во время провинциальных состязаний профессиональных борцов увлекались и зрители.

Как-то Поддубный боролся в Ростове-на-Дону. Равных ему на этом состязании не было. Очевидность, или, выражаясь современным языком, «запрограммирован-

ность», его побед могла привести к снижению зрительного интереса. Тогда хозяева цирка с согласия Ивана Максимовича прибегли к старому, но испытанному способу повышения сборов.

Очевидцы рассказывают, что однажды по выходе борцов на арену арбитр объявил:

— Почтеннейшие граждане! Наш чемпион Иван Максимович Поддубный вызывает на борьбу десять борцов из числа любителей. Кто устоит против него пять минут, тот получит премию двадцать пять рублей.

Деньги эти в то время были немалые, народ в казачьей стороне водился дюжий. Не одна громадная рука, задубевшая от работы до твердости конского копыта, поднялась, чтобы поскрести затылок, переходящий в мощную жилистую шею.

После некоторого затишья из публики на арену цирка вышли три человека большого роста, по виду рабочие, донские грузчики.

Арбитр объявил условия: Иван Максимович Поддубный будет бороться с тремя любителями по очереди. Вначале он будет стоять посередине арены с поднятыми вверх руками; каждый из трех может подойти к нему вплотную, взять до пояса на любой прием и любым способом продолжать борьбу...

По свистку арбитра началась борьба.

Первого Иван Максимович взял «на крестки», мгновенно бросил спиной на ковер и прижал своим могучим корпусом. Второго схватил за правую руку, повернулся к нему спиной, бросил через плечо и придавил лопатками к коврику. Третьему дал возможность взять себя на передний пояс, а затем обхватил сверху руки любителя, крепко их зажал, поднял грузчика вверх на полметра от ковра и, быстро перебирая ногами, стал раскручивать его вокруг себя «мельницей». Потом вдруг резко рванул противника в обратную сторону и через бедро бросил на ковер...

На все это ушло около пяти минут.

— Сперва учись, а потом борись,— говаривал Иван Максимович, забывая о своем дебюте или, может быть, веря в свою исключительность, на что у него было весьма веское основание.

Такие выступления Поддубного буквально зажигали молодых людей. Мало того, что впечатление от одного

вида его оставалось на всю жизнь, многие начинали всерьез заниматься физической культурой.

В этой действенной пропаганде спорта имя Поддубного стоит рядом с именем Ивана Владимировича Лебедева, некогда известного всей России «Дяди Вани».

Недоучившийся правовед, ведущий гиревик Санкт-Петербурга, помощник доктора Краевского, лихой журналист, он открыл собственную спортивную школу и с тех пор обрел громкий титул «профессора атлетики». Дядя Ваня был ловким спортивным дельцом — организатором чемпионатов и издателем спортивных журналов, которые благодаря своей популярности немало способствовали развитию спорта в России.

Могучие атлеты певали на вечеринках песню, в которой были такие слова:

Краевский — основатель
Атлетики у нас.
Он — гирь изобретатель...
«Мерси» ему от нас.

Дядя Ваня считал себя прямым продолжателем дела доктора Краевского, в квартире у которого на Михайловской площади он был завсегдатаем. Там дважды в неделю собирались и состязались силачи в большой комнате с толстым красным ковром, с мраморной ванной в углу, с фотографиями атлетов на стенах, с гирями, бульдогами и штангами под широкими лавками. Всегда подвыпивший повар «отца русской атлетики» Ксаверий готовил для богатырей роскошные кровавые ростбифы.

В 1901 году Краевского не стало — он поскользнулся на Аничковом мосту и сломал ногу; неподвижность, как это часто бывает у спортсменов, привела к сердечной болезни. Врачи не смогли вылечить коллегу, который так успешно лечил других; причем, по рассказам, три четверти своих пациентов он выхаживал бесплатно...

Краевский передал своим ученикам великую любовь к спорту. «В то время,— писал позже Иван Владимирович Лебедев,— если бы любому из нас предложили министерский пост или всемирный рекорд, он, наверное, не задумываясь, отказался бы от портфеля министра».

Звезда Дяди Вани зажглась, когда ему минуло двадцать пять лет. В петербургском летнем саду «Фарс» он появился в качестве антрепренера и арбитра чемпионата борьбы. Широкое тело бывшего студента Петербургского университета было облачено в русскую поддевку, сапоги и картуз, что произвело на публику, привыкшую к фракам, впечатление неотразимое.

А когда Дядя Ваня снял картуз и картинно поклонился по-русски на все четыре стороны, восторгам не было предела.

В этот день, 8 июня 1905 года, под эгидой «Иллюстрированного журнала атлетики и спорта» открылся международный чемпионат, положивший начало регулярным международным состязаниям по борьбе в нашей стране.

В Петербург среди прочих приехали Георг Лурих, Алекс Аберг, Иван Поддубный... Успешно боролся немец Христов Турбан, имевший при росте 208 сантиметров 164 килограмма весу... Немного уступал ему польский силач Франц Беньковский, выступавший под прозвищем «Циклоп».

После 20 встреч Лурих споткнулся на Турбане и выбыл из игры...

Могучий Аберг, выжимавший ногами шестипудовый груз 106 раз, победил Риссбахера, Розенблюма, сделал ничью с Лурихом и вышел в финал.

Только он и Поддубный не имели поражений.

25 июля, на 48-й день чемпионата, Иван Максимович по жребию борется с Циклопом. На шестой минуте польский гигант прижат лопатками к коврику.

Аберг побеждает Турбана, и вот финальная встреча. С Поддубным.

Публика шумит, волнуется, спорит: одни считают эту борьбу излишней, другие, наоборот, требуют ее. Возбуждение публики передается и борцам. Поддубный яростно атакует Аберга и вышибает его толчком за веревку прямо под ноги судей и наваливается на борца всем телом. Раздается звонок, крики, но Поддубный и не думает отпускать Аберга.

Они начинают снова, но Аберг вдруг отказывается от дальнейшего состязания. Отказ этот жюри сочло за поражение.

Аберг понял безнадежность сопротивления на шестой минуте встречи, и это принесло Ивану Поддубному большую золотую медаль и тысячу пятьсот рублей. Вторым стал Аберг.

3

О чемпионатах говорилось и много дурного, и много хорошего.

Едва ли не каждый год то какая-нибудь газета, то журнал начинали публиковать «разоблачения» закулисной жизни борцовских чемпионатов. Писали о сделках, о том, что борьба — это чистое надувательство, тщательно отрежиссированное, с заранее известным исходом каждого поединка.

И, как это ни странно, всякий раз такие разоблачения только подогревали интерес публики. Она валом валила в цирки, враждебно настроенная, готовая учинить скандал, как только заметит жульничество, и... уходила довольная зрелищем, убежденная в правдивости борьбы, «заболевшая» ею, как сказали бы сейчас.

Публику привлекала не только сама борьба, но и торжественно приподнятая обстановка, в которой она проводилась. Был тщательно разработан ритуал представления борцов, судейства, схваток...

Великим мастером ритуала борцовских соревнований был Дядя Ваня.

Он возглашал:

— Парад, алле!

И под звуки «Марша гладиаторов», прогибая помост, выходили многопудовые борцы.

Зычный баритон Дяди Вани колотился в барабанные перепонки. Он представлял по одному «волжских богатырей», «русских силачей-самородков», «великанов-сибиряков», «чемпионов мира и его окрестностей».

— Парад, ретур!

Богатыри уходили с арены, и начиналась борьба живо и остроумно комментируемая Лебедевым. В своем журнале «Геркулес» Дядя Ваня писал о себе так:

«Окончил 3-ю петроградскую гимназию с несколькими медалями за атлетические рекорды. Будучи студентом юридического факультета Петербургского универси-

тета, продолжал обнаруживать такие же успехи в науках: выжал двумя руками 325 фунтов. С 1905 года хожу «вокруг и около» по сцене или арене, свищу и без запинки отвечаю на все возможные и невозможные вопросы. В течение 10 лет боролся 50 раз, причем когда 20 раз меня клали, публика говорила: «Вот так профессор!», — зато когда 30 раз клал я, публика говорила: «Конечно, хозяин!» Твердо верю в то, что я — «любимец публики», потому что всегда имею массу друзей и приятелей в дни полных сборов. К сожалению, не могу изобрести телефона и телеграфа, но зато изобрел первую «черную маску» в России, Святогора, Дядю Пуда, Саракики, Ивана Каина, Авеля и еще целый ряд других «живых аттракционов». По всем вероятностям, скопил громадное состояние, так как постоянно слышу вопрос: «И куда вы только деваете деньги?» По мнению многих, говорю всего две фразы: «парад алле» и «одна минута перерыва». Определенно счастливый человек, хотя рубашку имею, — поэтому улыбаюсь, если даже и грустно...»

По этой веселой болтовне можно составить представление и о стиле устных высказываний Дяди Вани во время чемпионатов.

Под Дядю Ваню стали работать арбитры цирковой борьбы во всех городах России, где она проводилась. Перенимался и его режиссерский почерк.

У всякого борца было свое амплуа.

Считалось обязательным выступление на чемпионатах борцов из Африки и других экзотических краев. Знамениты были Мурзук, Англио, Али-Абдала... За неимением таковых перекрашивали кого-нибудь из русских борцов.

Хозяин многих чемпионатов Лурих однажды уговорил борца Осипова выкраситься в коричневый цвет и выдавал его за «вождя вымирающего индейского племени». Перед борьбой Осипов испускал воинственный клич индейцев. Публика, любовавшаяся великаном, жестоко разочаровалась бы, если бы услышала, как в уборной он после схватки обращался к товарищам:

— Ну и упрел я, братцы, нынче... Ужаси!

Едва не разразился скандал, так как «индейцем» заинтересовались ученые.

Дядя Ваня «изобрел» Саракики. Этот тощий маленький китаец, выдаваемый за японца, был в моде после поражения России в войне с Японией. Лебедев рекламиро-

вал его и инсценировал победы щуплого «японца» над русскими гигантами... И аплодировали ведь!

Кого только не было на чемпионатах!

Были «звери», борцы косматого вида и дурного характера, нарушавшие непрестанно правила и возбуждавшие публику дикими выходками.

Были «благородные красавцы», снискавшие симпатии публики джентльменскими манерами и справедливостью. В конце чемпионата они непременно укладывали на лопатки «зверей», рвавшихся всеми правдами и неправдами к финалу.

Были «апостолы», статные и дородные борцы, но при своей массивности силой не отличавшиеся.

Были борцы-комики, устраивавшие пародийные схватки, во время которых публика задыхалась от смеха.

Были борцы, надевавшие красные и черные маски, чтобы заинтриговать зрителей...

В воспоминаниях пересказывают слова Поддубного:

«На самой высокой ступени борцовской иерархии стояли «техники», или, как их еще называли, «пируэтники», — борцы, в совершенстве владевшие техникой борьбы. Ниже их стояли «брусовозы», или «яшки». И на самой низкой ступени находились борцы, которых презрительно именовали «подкладкой», т. е. те, которые по приказу директора чемпионата проигрывали на туше».

Существовал целый мир цирковой борьбы, со своим жаргоном, обычаями, нравами. Ставились великолепные спектакли, в которых прекрасно обыгрывались и жадность, и зависть, и благородство, и горе — все человеческие чувства, способные тронуть за живое тогдашнего зрителя.

Умело составлял программы своих чемпионатов Лурих.

Любимцем публики был плохой борец, но оборотистый антрепренер Петр Крылов. Даже цирковые артисты, знавшие, чем окончится борьба на его чемпионате, все же смотрели на нее с удовольствием, как на хорошую артистическую игру.

Крылов прежде был штурманом дальнего плавания; в каком-то японском порту его сплошь покрыли татуировкой. Всех людей он делил на «джентльменов» и «паразитов», в число последних входили все, кто не мог поднять двух пудов.

Он гордился многочисленными складками на загривке толстой шеи. Стоило при нем похвалить какого-нибудь борца, как он возражал:

— Ну, какой это борец, когда у него воротник сорок два!

Крылов любил эффектные трюки. Однажды он не явился на финальную схватку. Публика волнуется. За пять минут до конца циркового представления Крылов вбегает, показывает всем свои золотые часы и кричит, что опоздал из-за их неправильного хода. Арбитр не разрешает ему бороться. Тогда он как хватит часами об арбитровский стол. Они разбиваются вдребезги, зрители расходятся до другого дня, веря Крылову. А тот в уборной спрашивает:

— Ну как, джентльмены? Здорово? Еще сбор обеспечен. А часы всего двадцать пять рублей стоят. Да еще золото в лом сдам. Не обманешь — не продашь, джентльмены!

Был еще некий «Дядя Пуд» — В. Н. Авдеев, который весил 210 килограммов. Этот жуликоватый антрепренер и арбитр был сущей находкой для карикатуристов...

Был буйный и лихой на выдумку гигант Николай де Фос...

Много было колоритных фигур — о всех не расскажешь...

И были чемпионы Поддубный, Заикин, Вахтуров, Шемякин...

4

Чемпионы с удовольствием принимали участие в инсценированных «сражениях», но по доброй воле ложиться на лопатки соглашались очень редко. Известен громкий скандал, который устроил Поддубный Луриху, который, как хозяин чемпионата, предложил Ивану Максимовичу «подвалиться»... Поддубный бросил вызов Луриху и Абергу, а когда те отказались бороться, ушел из чемпионата.

Знаменитый борец Заикин рассказывал: «Сохранять свою спортивную честь, не ложиться по приказу организатора чемпионата на определенной минуте могли лишь выдающиеся атлеты, такие, как Иван Поддубный, Иван Шемякин, Николай Вахтуров...»

Одна из ранних книг В. Шкловского начиналась так: «Гамбургский счет — чрезвычайно важное понятие.

Все борцы, когда борются, жулят и ложатся на лопатки по приказанию антрепренера.

Раз в году в гамбургском трактире собираются борцы.

Они борются при закрытых дверях и завешанных окнах.

Долго, некрасиво и тяжело.

Здесь устанавливаются истинные классы борцов, чтобы не исхалтуриться».

Возможно, гамбургский трактир — это лишь литературный прием. Не знаю. Но что-то вроде этого было...

Были международные чемпионаты, вроде парижского, где в решающих схватках на компромиссы не шли. Но единой системы, позволявшей определить абсолютного чемпиона мира, не существовало. Одновременно в какой-нибудь из европейских столиц в том же году проводился другой чемпионат, и если в нем участвовало приличное число национальных чемпионов, то и он присваивал звание «чемпиона мира».

Такой порядок был далек от совершенства, но сильнейших он все же выявлял. Эти-то «чемпионы» и пользовались исключительным положением на разных чемпионатах. Они получали очень высокие гонорары — сто и больше рублей за вечер против «яшек», боровшихся за пятерку.

Для возбуждения интереса публики на чемпионатах прибегали к различным уловкам. Борцы затевали при публике ссоры, грозили друг другу жестокой расправой. Иной раз прятали за щеку рыбий пузырь с красной краской, которая потом заливала лица, якобы вошедших в раж борцов...

На международном жаргоне борцов-профессионалов было два понятия: «шике» и «бур».

«Шике» — это борьба на публику, схватка живая, интересная. В ней приемы и контрприемы следуют чередой. Применяются всякие рискованные и эффектные трюки, которым нет места в серьезной борьбе.

«Бур» — это зрелище жестокое и порой отвратительное. В буровых схватках чемпионы выясняли, кто же из них сильнее. Шла борьба самолюбий, шла борьба за престиж, за право получать большие деньги... Тут уж было не до эффектов, борцы использовали всякую

оплошность противника, пускали в ход всю свою чудовищную силу, и нередко схватка кончалась даже увечьем.

«Борьба есть борьба,— говорил Иван Заикин.— Она может быть разной. Нельзя заставить борца каждый день выдерживать серьезные «буровые» схватки. Он просто не выдержит чрезмерного напряжения, да и публике это не доставит удовольствия».

Чемпионы берегли свои лопатки. Всякое поражение отодвигало их на вторые роли. Поэтому так редко встречались друг с другом лучшие борцы, и всякая их схватка становилась большим событием. Были случаи, когда вопрос престижа решался при пустом цирке, только в присутствии арбитров и борцов.

Иван Максимович Поддубный был великолепен в «шике», а в «буровой» борьбе считался непобедимым.

Боролся он резко, зло. Если замечал, что противник его в схватке прибегает к нечестным приемам, приходил в бешенство и тогда уж расправлялся беспощадно.

В старости Ивана Максимовича спрашивали:

— Говорят, что вы были жестоким в борьбе?

— Да,— отвечал он,— когда меня пытались поймать нечестным путем. Вообще же серьезная схватка борцов моего сложения и данных прежде всего может быть силовой.

ЧЕМПИОН ЧЕМПИОНОВ

1

Поддубный был ярким олицетворением физической мощи народа, его мужественности и смекалки.

Крестьянская Россия, наращивавшая мышцы в неистовой работе, проявляла силу и ловкость в кулачных боях, в сражениях «стенка на стенку», что было и развлечением, и «спортом» деревни. В этих драках утверждали себя беззлобно — лежачих не били...

Еще когда Поддубный только начинал, в цирках появлялись мужички, вроде воронежского великана Прони, который вышел на арену и легко, без всяких технических ухищрений, выжал снаряды, только что сброшенные на землю мировым рекордсменом. Оставшийся в

истории спорта бесфамильным, Проня согласился и побороться, но стать профессионалом отказывался. В страдную пору он возвращался в родную деревню...

Известным кулачным бойцом был волжанин Михаил Заикин. В боях улица на улицу бурлак валил соперников с первого же удара. Он стал даже чем-то вроде профессионала, разъезжая по ярмаркам и показывая свою силу.

Его сын Иван еще подростком удивлял своим могучим сложением крепких волжских грузчиков. В семнадцать лет Иван Заикин попробовал себя в самарском цирке, схватился с цирковым борцом Снежкиным за премию двадцать пять рублей. Опытный Снежкин положил бы молодого грузчика, если бы с галерки не раздавался голос Заикина-старшего:

— Клади его сынок, не то сам слезу! Клади!

Поднатужившись, Иван бросил борца на ковер.

Заикину было уже за двадцать, когда на него обратил внимание Константин Иванович Меркурьев, силач и организатор атлетической арены в Царицыне, совладелец крупной нефтяной фирмы «Братья Меркурьевы и компания». Богач взял Заикина в контору рассыльным, дал возможность тренироваться на арене, а в феврале 1904 года отправил в Петербург на всероссийский чемпионат спортсменов-любителей, проводившийся стараниями графа Рибопьера.

Там Иван Заикин толкнул правой рукой 190 фунтов, левой — 170 и стал чемпионом России.

Пытлясинский познакомил нового чемпиона по поднятию тяжестей Ивана Заикина с Поддубным тотчас после победы волжанина.

Иван Максимович с удовлетворением оглядел высокого и статного тезку. Ему нужен был партнер для тренировок, а Заикин охотно взялся изучать борьбу. В короткое время Иван Максимович сделал из Заикина великолепного борца.

«Он изрядно наломал мне бока,— вспоминал Заикин,— но эта наука не прошла даром...»

Расставаясь с ним, Поддубный сказал:

— Ну, Иван, вертаться тебе к Меркурьеву не трэба. Иди в цирк и за тренировки не забывай. Горилку не пей, бисову траву — табак не кури...

Заикин подписал контракт с Никитиным и, выступая в приволжских городах, носил пароходные якоря, дер-

жал на плечах платформу с десятками людей, гнул рельсы и двухтавровые балки. Особенным успехом пользовался номер, подсказанный ему Алексеем Максимовичем Горьким. На афишах он значился так:

«Бегство разбойника Чуркина из железной клетки в исполнении волжского богатыря Заикина будет показываться в цирке. Эту клетку он разломает и выйдет на волю. Тому, кто еще сумеет разогнуть решетку, будет выдана премия».

Номер в тогдашней революционной ситуации имел популярный подтекст. Ломание кандалов и клеток отдало Заикину симпатии либеральной публики и печати.

В 1905 году в московском саду «Аквариум» он впервые встретился на ковре с иностранными борцами и положил многих. В этом чемпионате он проиграл только Поддубному, бросившему его на лопатки на шестнадцатой минуте.

Впоследствии Заикин стал одним из первых русских авиаторов. Слава его в России не уступала славе Поддубного.

Дядя Ваня балагурил о нем так:

— Человек, у которого голова не только для мостов и пируэтов. Среди борцов носит почтительное прозвище «Кацап», что значит «палец в рот не клади». Страшно силен, очень ловок и очень хитер в борьбе. Снимался с Илиодором, Куприным, Распутиным, Жакомино, с Карлом Великим, с Наполеоном и Навуходоносором. Летал на аэроплане и поражал всех безумной храбростью...

Всех побивал Иван Заикин, но с Иваном Максимовичем Поддубным справиться не мог. Одна из схваток кончилась для волжанина весьма печально. Поддубный бросил его на ковер с такой силой, что из плеча гиганта стала хлестать кровь — порвались мышцы, был разбит сустав и повреждены связки. Иван Максимович очень переживал этот случай и часто навещал больного Заикина.

2

Ивана Максимовича теперь уже называли почтительно «батькой», и стал он главным среди богатырей, которыми никогда не оскудевала наша земля.

Самые рослые, самые статные молодцы служили в русской гвардии, и оттуда многие из них шли в профес-

сиональные борцы. Был когда-то вахмистром в лейб-гвардейском уланском полку Янковский. Иван Шемякин служил в Преображенском полку.

Иван Максимович часто наведывался в казармы к гренадерам, среди которых Митрофан Поддубный, поднимавший шестнадцать пудов, отнюдь не был самым сильным.

Пробовал старший брат приобщить к борьбе и Митрофана, но у того, кроме силы, не оказалось нужных борцовских качеств. Зато взводный Митрофана унтер-офицер Никандр Вахтуров оказался сущей находкой.

— Краще парубка не бачив. Злющий, як сто бисов,— сказал Митрофан.

— А ну покаж своего унтера!

Вахтуров оказался крепышом на редкость. Грудь как бочка, шеи почти не видно — короткая, сантиметров шестьдесят в обхвате. Лоб низкий, лицо будто топором тесано.

— Добре, добре,— сказал Иван Максимович, а когда гренадер уволился из армии, взял его к себе в ученики, тренировался с ним, возил с собой по чемпионатам. И стал Никандр всемирно известным борцом Николаем Вахтуровым.

«Николаем» потому, что имя Никандр показалось устроителям чемпионатов слишком простонародным и неблагозвучным.

— По силе даже не человек, а ихтиозавр и притом крутит двойные пируэты,— говорил о нем Дядя Ваня.— По натуре так же широк, как и в плечах...

3

Рядовой Иван Шемякин был лучшим гимнастом в Преображенском полку. Ростом он был за сто девяносто и очень широкоплеч. Недаром он еще до службы пользовался расположением доктора Краевского и брал призы на атлетических состязаниях. Редкие увольнения из казармы Шемякин использовал по-своему.

Однажды шла борьба в Михайловском манеже с участием чемпиона мира Гаккеншмидта, болгарина Николы Петрова и других русских и иностранных знаменитостей. Арбитром был Дядя Ваня.

Он заявился в казарму к Шемякину и попросил:

— Тезка, поборись сегодня с Жоржем Гаккеншмидтом вместо Трусова — он заболел... И вот тебе десятка. Я знаю, ты без денег и мать больна...

Для солдата и молодого борца это была великая честь — бороться с чемпионом мира.

Но нижним чинам запрещалось не только выступать, а даже посещать публичные зрелища. И все же Шемякин рискнул. Выпросил увольнительную до двенадцати ночи, поехал к борцу Трусову и взял у него костюм.

Дядя Ваня обрадовался ему и помог загримироваться — жженой пробкой превратил русого Шемякина в брюнета, нарисовал усы и бакенбарды...

Но только Шемякин вышел на ковер, как увидел своего ротного командира Дренталя, который в упор смотрел на него из ложи. Солдат боролся как в тумане и, лежа на лопатках от ловкого броска Гаккеншмидта, услышал голос Лебедева:

— На двадцать седьмой минуте, приемом тур-де...

Ночевал он в карцере. Тридцать суток ареста в сыром помещении кончились воспалением легких. В госпитале Шемякин отъелся и отоспался...

Офицеры-преображенцы не забыли, что их солдат продержался почти полчаса против «самого Гаккеншмидта», и по выписке из госпиталя заставили его бороться поочередно со всеми ротными силачами.

Шемякин исправно укладывал их на лопатки, а наиболее строптивых спрашивал с усмешкой:

— В какой угол прикажешь вас положить?

И клал.

Но хоть неуклюжи были преображенцы, а сильные. Да и ловчали они с каждым днем. Вскоре победы стали доставаться ему уже нелегко. Шемякин сам не имел еще профессионального опыта.

После военной службы Шемякин работал атлетом в цирке Чинизелли и учился у Эжена де Пари. Карьеру борца он начал с того самого чемпионата, на котором Поддубный победил Рауля ле Буше и Поля Понса. Тогда Шемякин свел вничью схватку со знаменитым болгаринном Николом Петровым и Анастасом Англио. Антрепренер Дюмон взял его в поездку по Европе и Америке. По возвращении Шемякин выступал во многих чемпионатах и прославился победами над сильнейшими борцами.

Дядя Ваня описывал его так:

— Грудь и плечи как у библейского Самсона, а руки что клещи... Был самым азартным спортсменом из всех борцов — чуть что, сейчас жарил вызов...

Иван Заикин, Николай Вахтуров, Иван Шемякин после Поддубного безусловно были самыми сильными борцами России. Слава их, как и слава знаменитых эстонцев Гаккеншмидта, Луриха и Аберга, дожила до наших дней.

4

Но хотя Поддубный и был обладателем «мировой короны», право на нее ему приходилось отстаивать вновь и вновь. И не только на чемпионатах.

По возвращении из-за границы в 1906 году Иван Максимович снова победил всех на чемпионате в цирке Чинизелли. Кумиром публики на проходившем одновременно чемпионате в саду «Наметти» был австро-венгерский чемпион поляк Станислав Збышко-Цыганевич.

Збышко-Цыганевич был уроженцем Кракова, принадлежавшего в то время Австро-Венгрии. Поляки-патриоты, страдая за свою разорванную на куски родину, часто брали имена героев знаменитых в то время романов Генриха Сенкевича. Из «Крестоносцев» появился «Збышко». Это же происхождение имело и прозвище Петра Янковского — «Урсус» (из «Камо грядеши»).

Петербургские любители борьбы разрывались между чемпионатами, лихорадочно обсуждая достоинства Поддубного и Збышко.

— Наш Поддубный... Какая грудь!

— Но Збышко моложе на двенадцать лет. У него бицепс 52 сантиметра! Сила чудовищная...

Поддубного раззадорили.

После чемпионата он послал вызов Збышко. Тот вызов принял и, мало того, поставил 500 рублей, если Поддубный его победит, и 200, если продержится против него, Збышки, в течение часа.

Борьба состоялась в саду «Неметти».

На ковре соперники вели себя осторожно. Ходили друг возле друга, щедро оделяя противника толчками и затрещинами. На 27-й минуте Поддубный сорвал Збышко на ковер. Публика встала и завопила. Но Збышко вско-

чил. Очень сильный, он всякий раз уходил из объятий Поддубного. На 47-й минуте обхватил противника сбоку, но тут же был брошен через плечо...

И снова борцы в стойке. Прошел час. Поддубный выиграл 200 рублей.

Второй вечер был решающим. На 37-й минуте Иван Максимович оказывается в «партере». Потом он тоже бросает Збышко через бедро. За несколько минут до конца схватки Поддубный обхватывает противника, берет «на передний пояс». Збышко, вырываясь, пятится. Тогда Иван Максимович, поднатужившись, отрывает его от земли и бросает на... судейский стол, который трещит и разваливается. Збышко на лопатках, но вне ковра. Ничья.

Через два года они снова встретились — в Лондоне. Поддубный внес в банк 5 тысяч франков, которые должны были достаться любому, кто победит его. Вызов принял Збышко. Председателем жюри был эстонец Георг Гаккеншмидт, навсегда поселившийся в Англии.

Первое появление Гаккеншмидта в Англии относится к самому началу века, когда известный борец Джек Кэррик продвинул классическую борьбу на подмостки крупнейших лондонских залов.

Однажды англичанин, выступая в «Альгамбре», бросил в зал вызов бороться с любым желающим. В одной из лож поднялся молодой человек в белом галстуке и щегольском фраке. На виду у изумленной публики он разделся и, оказавшись в борцовских трусах, вспрыгнул на сцену.

Кэррик тотчас узнал в двадцатитрехлетнем идеально сложенном незнакомце недавнего победителя в международных состязаниях, проходивших в парижском «Фоли Бержер».

— Вы англичанин? — спросил Кэррик.

Гаккеншмидт, уже названный газетами «русским пьвом», отрицательно покачал головой.

Кэррик решил уйти от встречи.

— Это знаменитый иностранный профессионал, — обратился он к публике. — Я с удовольствием встречусь с ним в специальном матче. Сегодня он ищет дешевой популярности. Я же посылаю вызов английским борцам...

Короче говоря, Гаккеншмидт был поставлен в неловкое положение. Он едва наскреб денег на обратный би-

лет, так как надежды его на заработки в Англии не оправдались.

Так бы и уехал он не солоно хлебавши, если бы не случайная встреча с неудавшимся актером Кокраном, который решил испытать себя на поприще зрелищного предпринимательства. Молодые люди оказались кладом друг для друга. Кокран уговорил знакомую журналистку поместить в «Дейли мейл» статью о Гаккеншмидте под громким заглавием «Гений силы». Затем последовали уговоры хозяев лондонских залов, и вот уже Гаккеншмидт совершает победное турне по Англии, обогащая себя и своего антрепренера (по-английски — менажера).

Особенно прославила его победа в Ливерпуле над популярным, но стареющим борцом Томми Кэнноном. В январе 1904 года в одном из залов на Пикадилли Гаккеншмидт в две минуты победил «чудовищного турка» Ахмеда Мадрали — поднял его на руки и высоко подбросил в воздух...

«Гакк» стал кумиром англичан, которые снова и снова ходили в кинематограф, где показывали эту встречу, заснятую на пленку.

Разбогатевший Кокран начал устраивать встречи не только Гаккеншмидту. Одним из его подопечных стал Станислав Збышко-Цыганевич.

Поддубный приехал в Англию вместе с Вахтуровым. Русских борцов пригласил известный менажер Пиерри, решивший показать их мастерство в Глазго, Манчестере, Ливерпуле и Лондоне.

Борцы прибыли из Аахена, славившегося своим курортом. Там Поддубный увидел мемориальные доски, золотыми буквами возвещавшие о том, что в Аахене лечились и русский царь Петр I, и шведский король Карл XII, которых история столкнула в решающей битве на родных борцу полтавских полях.

Логика у Ивана Максимовича по этому поводу была незатейливая, но железная. Коли лечились, значит, болели. А раз болели...

«Мраморные доски навели меня на грустные мысли, толкая меня к поддержанию в дальнейшем строжайшего режима, как спортсмена».

Такие же «грустные мысли» должны были возникать у него по поводу слабости, которую питал к горячительным напиткам его ученик и друг Николай Вахтуров.

— Опять вчера горилки налакался? — грозно спрашивал Поддубный, когда Вахтуров являлся на тренировку вялый и с покаянной гримасой на толстом лице.

— Ох, Иван Максимович, если б водка была, а то — виски, чтоб им пусто было! И как их только англичане пьют!

Вахтуров морщился и тер лоб.

— Я тебе, бисову сыну, мильон раз говорил — назвался борцом, соблюдай себя, держи режим. Вот зараз я тебя буду лечить... Побежали!

Они спускались из номера, пересекали улицу и оказывались в Гайд-парке. Топча вечнозеленую траву на широких лужайках среди дубов-великанов, они обгоняли всадников, церемонно подпрыгивавших в своих неудобных английских седлах. Никто не оборачивался им вслед. «Если джентльменам угодно бегать, пусть себе бегают». Всадники были невозмутимы, как и редкие прохожие, пересекавшие парк в столь ранний час.

Борцы уже в пятый раз огибали пруды. Поддубный дышал ровно, а Вахтуров задыхался.

— Постой, Максимыч, десятую версту бежим...

— Не десятую, а третью всего. А ну, геть в зал, я из тебя остатний хмель выжму!

На тренировках они так «жали» друг друга, что и Поддубный порой морщился от боли. Вахтуров был невероятно силен...

Менажер Пиерри довольно потирал руки. Глаза у Пиерри косили, а голова была голая, как бильярдный шар. Это он в свое время привез в Европу знаменитых турецких борцов. Его новая идея пригласить русских борцов на английский ковер явно имела успех.

— Мистер Поддубный, — сказал однажды Пиерри, — мистер Збышко будет бороться с вами через неделю. Судить матч согласился ваш соотечественник мистер Гаккеншмидт. Он — председатель жюри.

Иван Максимович лишь рукой махнул.

Сразу же по приезде в Англию он дал объявление в газете, что оставляет в ее редакции чек на 5 тысяч франков, который может получить любой борец, если вздумает оспаривать титул чемпиона мира и победит Поддубного.

Заодно он послал вызов Гаккеншмидту. Тот за последние годы, очевидно, сдал как борец. Им был отвергнут

вызов Аберга. Теперь он под благовидным предлогом отказался от поединка с Поддубным. Перчатку поднял Збышко-Цыганевич...

Поддубный был недоволен тем, что Гаккеншмидта назначили председателем жюри: он не мог быть беспристрастным после того, как сам отказался выйти на ковер.

Но Антонио Пиерри, которого называли «дуайеном менажеров», уже ничего не мог поделать. Его соперник менажер Кокран уже сделал Збышко большую рекламу, распространив даже слух, что тот свободно говорит на двадцати языках и мастерски играет в шахматы. Какое это имело отношение к борьбе — непонятно. Но для разговоров пища была.

Сейчас, по прошествии почти семидесяти лет, очевидно, что предстояла схватка не борцов, а скорее менажеров, в которой более молодой хищник собирался посрамить старого...

И все же матч поляка с Поддубным прочно вошел в анналы английского спорта, где мне и удалось узнать его подробности.

Интерес к встрече Збышко с Поддубным, «очевидно, самым сильным человеком в мире в то время», был громадным. Тысячи желающих попасть на матч не достали билетов в «Лондонский павильон», где они шли по гинее каждый.

Поддубный стал сразу же осыпать Збышко своими знаменитыми толчками. Тот не отступал ни на шаг и не давал сопернику провести ни одного приема. Лишь на 25-й минуте Иван Максимович сбил Станислава Збышко-Цыганевича в «партер».

Гаккеншмидт велел борцам подняться и тут же обвинил Ивана Максимовича в том, что тот применил запрещенную подножку.

За неповиновение жюри Поддубного дисквалифицировали.

Зрители, почувствовавшие явную несправедливость, забунтовались. Русского поддерживали такие известные спортсмены, как экс-чемпион боксер-тяжеловес Чарли Митчелл, известный борец-профессионал Аполлон...

«Они подняли страшный крик, протестуя против решения жюри,— пишет современный английский историк спорта,— по всему залу вспыхивали драки.

Лишь один человек не обращал внимание на взбун-

товавшийся зал. Это был С. Б. Кокран: его заботили более важные вещи.

Бросив Збышко на произвол судьбы, менажер пробился к редакции газеты, где хранился банковский чек, предназначавшийся победителю. Кокран завладел чеком в тот самый момент, когда Пиерри ворвался в редакцию. Пиерри заметил, что Кокран улизнул из зала, и гнался за ним до самой Флит-стрит * в кэбе.

Он приехал слишком поздно.

Не обращая внимания на его гнев и протесты, Кокран помчался обратно. Войдя во все еще неистовавший зал, Кокран окликнул Збышко и помахал чеком. Борец пробился к нему, и они вместе вышли из зала».

Эта сцена, с таким упоением рассказанная историком, характеризует нравы спортивных дельцов в «золотой век» борьбы. Впрочем, на уважительное отношение Поддубного к борцу Станиславу Збышко-Цыганевичу это не повлияло.

— У него спина круглая, положить его трудно,— говорил он.

Дядя Ваня подтверждал его слова:

— Збышко — один из самых сильных в мире. Противников ломает. Прямо создан для борьбы: длинная спина, короткие ноги, длинные руки. При этом гибок, точно змея...

Поддубный и Збышко стояли первыми в мировой классификации борцов. Их спор остался нерешенным. Но, пожалуй, Поддубный был единственным борцом в мире, лопатки которого до описываемого нами времени не касались ковра.

5

Своей парижской победой в 1905 году Иван Поддубный проложил широкую дорогу русским борцам на европейские чемпионаты, откуда они привозили призы и звания, закрепляя славу русского профессионального спорта.

Да и сам Иван Максимович не почил на лаврах.

В 1906 году он выехал в Бухарест и победил всех на тамошнем чемпионате. В ноябре он уже в Париже и снова оспаривает мировое первенство. В финале Поддубный встречается с немцем Генрихом Эберле, которого назы-

* Улица, где располагаются редакции всех главных лондонских газет.

вали «ярким олицетворением лучших физических достоинств своей нации». Эберле бросал на ковер Понса, Карв-Ахмета, Петрова, Пытлясинского...

Поддубный наблюдал за Эберле. Ощущения превосходства над немцем у него не было. Ни сложением, ни реакцией, ни стремлением к победе — ни в чем не уступал Эберле русскому борцу. Схватка их продолжалась больше часа. Победил опыт, тактическое умение Ивана Максимовича. Измотав немца, он прижал его лопатками к коврау.

В Милане он побеждает Педерсена. Затем Поддубный борется в Лондоне, Брюсселе, Амстердаме, Аахене.

В начале 1907 года в цирке Чинизелли по традиции состоялся чемпионат французской борьбы.

«Вначале чемпионат не делал сборов, так как не было Поддубного, который заканчивал борьбу в Берлине,— вспоминал клоун Альперов.— Но по приезде Поддубного интерес к борьбе поднялся, и цирк, как всегда, был полон.

В те годы был расцвет борьбы. Особенно увлекался ею граф Рибоьер. Он проводил в цирке целые дни и добился того, что борьба была разрешена и на четвертой неделе поста, когда все другие увлечения были закрыты. Он доказал, что борьба не зрелище, а спорт».

Для нас в этом свидетельстве важны два факта. Во-первых, популярность Ивана Максимовича, способного одним своим появлением вдохнуть энтузиазм в видавшую виды петербургскую публику. И, во-вторых, официальное признание борьбы спортом.

После Петербурга Поддубный боролся в Москве, в саду Щукина» (ныне «Эрмитаж»).

Потом, взяв с собой Николая Вахтурова, Поддубный едет в Вену, где в финале побеждает Зигфрида.

Вахтуров, не обладавший хладнокровием Ивана Максимовича, призового места не занял. Но с благословения учителя он тотчас принял участие в соревнованиях в немецком городе Герлице и вышел там на первое место.

В конце 1907 года в Париже Иван Поддубный снова становится чемпионом мира.

Вахтуров старается изо всех сил, но остается за флагом. Одна из его схваток в Париже окончилась трагически. Вахтуров победил турка Гамида, но тот заявил протест и потребовал немедленного реванша. Поддубный

посоветовал Вахтурову согласиться. Но турок задумал недоброе. Обозленный, он незаметно подвел Вахтурова к краю сцены и толкнул в оркестровую яму. Просто чудом русский борец удержался на краю, а в яму полетел турок. Через некоторое время он скончался от повреждения грудной клетки...

В феврале 1908 года Поддубный принял участие в чемпионате, организованном в Берлине через подставное лицо чемпионом Германии Якобом Кохом. Боролись сильные атлеты: Педерсен, Зигфрид, Пенгаль... Кох претендовал на первое место, но боялся Поддубного, и потому предложил ему сделку — 2 тысячи марок за проигрыш в финале. Иван Максимович согласился, но на сцене «Винтергартена» аккуратно положил Коха на обе лопатки. Прodelка Поддубного обнародовалась, и немец стал притчей во языцех.

6

Победы, победы, победы... В калейдоскопе городов, стран, имен побежденных вырисовывалось нечто совершенно грандиозное. Имя Поддубного не сходило со страниц европейских газет. Журналисты придумали для него доселе неслыханный титул — «чемпион чемпионов».

О борцах, которые хотя бы раз победили на одном из парижских чемпионатов, впоследствии их соотечественниками были написаны десятки монографий. Поддубному в этом отношении повезло меньше, хотя чемпионом мира в Париже он становился пять раз подряд. Была какая-то историческая несправедливость и в том, что русская печать говорила о Поддубном все глуше по мере того, как ширилась его народная слава...

7

Когда начался парижский чемпионат 1908 года, в России с удивлением прочли сообщение, напечатанное в декабрьском номере журнала «Спорт»:

«В спортивных кругах вызвало большой переполох известие из Парижа о поражении непобедимого Поддубного. Сообщают, что он два часа возился с русским борцом Кашеевым и отказался от схватки. Ему засчитали поражение...»

94

Вскоре, однако, последовало опровержение. В шестичасовой схватке «чемпион чемпионов» победил Кашеева.

Этот чемпионат стал триумфом русских борцов. В Париж выехали Иван Поддубный, Иван Заикин, Григорий Кашеев.

Парижане ходили смотреть на Кашеева как на чудо. Рост у него был 218 сантиметров, сила — невероятная.

В России про него ходили легенды.

Он был из Вятской губернии, которая дала много силачей и среди них знаменитого Василия Бабушкина, героя-моряка, выступавшего в провинциальных чемпионатах под именем... Ивана Максимовича Поддубного.

Григорий Косинский (настоящее имя Кашеева) удивлял односельчан — то поднимет и обнесет вокруг амбара двенадцать двухпудовых гирь, то потащит за дышло воз, которого никакой лошади-то не свезти. Вывез его из деревни гастролер Федор Бесов, развлекавший жителей захолустных городков тем, что рвал цепи, ломал подковы, гнул медные пятаки, вбивал ладонью гвозди и даже «сдвигал плечом паровоз». Кашеев стал напарником Бесова, который потом рассказывал Дяде Ване:

— Гриша ходил тогда с громадными волосами и длинной бородой. Приезжаю в глухой-преглухой городишко с Гришей... Там таких людей, как мы, и не видели. Кашеев косматый, как зверь, а моя фамилия Бесов... Облика человеческого в нас нет. Порешили, что мы оборотни... Не говоря дурного слова, заарканили нас, вывели за город и говорят: «Если не уйдете из нашего города добром, так пеняйте на себя». Так мы с Гришей — давай бог ноги...

Попав как-то на чемпионат, Кашеев поборол — неуклюже, но уверенно — знаменитых борцов. Споткнулся он на Заикине, который выучил его бороться по-настоящему. Только своему учителю и Поддубному уступал вятский гигант. Года через три после описываемых событий Гриша бросил ковер и вернулся в родную деревню Салтыки пахать землю...

Кашеев поглядывал на иностранных чемпионов как-то не очень уверенно. Тут были венгр Чае Янош, турок Пенгаль, негр Анастас Англио, француз Эмабль де ля Кальметт, итальянцы Джиованни и Эмилио Райчевичи, японец Оно Окитаро, немец Оскар Шнейдер...

Иван Максимович хлопнул Кашеева по спине.

— Не журишь, Гриша. Русские прусских всегда бивали.

И если к победам Поддубного уже привыкли, то успех Заикина, проигравшего только Ивану Максимовичу, производил ошеломляющее впечатление.

«Мягкой походкой крадущегося барса выходит русо-волосый, с подкрученными вверх усами Иван Заикин. Мускулатура Геркулеса Фарнезского».

Итальянский чемпион Джиованни Райчевич побаивался встречи с Заикиным, строил всякие закулисные козни. Заикин решил проучить его. Он обнадежил итальянца, обещав ему ничью, если тот продержится больше часа.

Райчевич хвастливо заявил репортерам парижских газет, что Заикин ему не соперник, что он положит русского за десять минут.

— Покажи ему, Ваня, где раки зимуют,— сказал Поддубный,— сбей спесь с хвостуна. Эх, жаль, не мне с ним бороться, я б ему...

— Ничего, Иван Максимович, справлюсь,— пообещал Заикин.— Уроки твои помню, до сих пор ребра болят.

Встреча заинтересовала даже борцов, которые все во главе с Поддубным собрались за кулисами.

Раздался свисток, и противники сошлись. Заикин сразу же сбил Райчевича в партер и обрушил на него всю тяжесть тела. Райчевич пополз за ковер, но Заикин перевернул соперника и стал дожимать... Лишь громкий окрик Поддубного заставил Заикина отпустить итальянского чемпиона. Схватка продолжалась всего пять минут.

Разъяренные итальянцы, которых было много в тот день в «Казино де Пари», бросились на сцену, чтобы расправиться с победителем. Григорий Кашеев выломал из стоящей за кулисами декорации саженное бревно и, размахивая им, бросился наперерез итальянцам.

Страсти были великие.

Брат итальянского чемпиона Эмилио Райчевич, тоже побежденный Заикиным, стрелял в него, но пуля лишь оцарапала левый бок...

Тридцать дней чемпионата закончились победой Поддубного. Второе место занял Заикин, третье — Кальметт, четвертое — Кашеев.

«В снежных просторах России,— писала парижская пресса,— рождаются великие спортсмены. Они обладают великолепной техникой и темпераментом. Европей-

ским атлетам следует поучиться у таких борцов, как Поддубный и Заикин».

В 1909 году Иван Максимович подтвердил свое звание, победив в финале франкфуртского чемпионата немца Вебера.

8

Очень важно понять то главное, что определяло линию поведения Поддубного в борьбе с любым противником и сделало его «чемпионом чемпионов».

Быть первым, доказать это в серьезной схватке и не отступаться от своего...

В Поддубном всегда было нечто величественное, само выражение лица его говорило о внутренней силе и собранности. Он был морально готов к каждой схватке, какой бы громкой репутацией ни обладал его противник.

Однажды в его жизни был такой случай.

В Россию приехал знаменитый борец. Кажется, его звали Констан ле Марен.

Встреченный русской публикой восторженно, он усердно выпячивал грудь и принимал напыщенные позы. Пальцы его были унизаны бриллиантовыми перстнями, на красивом лице тлеяла самодовольная улыбка.

На ковре он показал себя молодцом.

Люди жаждали увидеть его встречу с Поддубным. Посмотрев из ложи, как борется Иван Максимович, иностранец несколько побавил спесь и предложил сделку — в первой схватке он побеждает Поддубного, а во второй «подваливается».

Иван Максимович спокойно смерил его взглядом и сказал ту самую фразу, которой ознаменовал свое вступление на путь борца-профессионала в Севастополе:

— Нехай положит, если сможет.

Иностранец отказался от встречи на ковре.

Подлинное величие всегда питается верой в себя. И эта вера, колоссальное самообладание, помноженные на громадную физическую силу, большое борцовское мастерство и чувство ответственности, выражавшиеся и в неуклонном соблюдении спортивного режима, предопределяли его встречи с самыми могучими людьми земли.

Да, люди, физически более сильные, чем Поддубный, были, но силой духа и гордостью сравниться с ним не

мог никто. Это чувствовали все — и зрители, и борцы, единодушно признавшие его превосходство.

Уважение и почет, которыми пользовался Поддубный в народе, оказывала ему и русская интеллигенция. Множество именитых писателей, художников, актеров устремлялось к нему за кулисы в дни чемпионатов. И не только щуплых декадентов влекло поглядеть на богатырскую забаву, потыкать пальцами во вздувшиеся мышцы краснощеких здоровяков, забыть на время об обременительной моде, возглашавшей бледную немочь олицетворением духовности.

Поддубного не обходили своим вниманием и такие немаломощные представители человеческого рода, как Горький, Шаляпин, Немирович-Данченко, Куприн, но было бы неправомерно отыскивать в этом общении что-либо более серьезное, чем простое удивление, делать глубокомысленные выводы и искать следы «взаимного влияния».

К ЗАКАТУ

1

Нелегка была жизнь профессионального борца.

Известный в те годы атлет Иван Романов писал: «Половина волос у меня седые, а ведь жизни прошло еще очень немного, и мне всего лишь 32 года. Но судьба побросала меня по белому свету, помыкала везде и повсюду, и в результате — серебряные волосы. Мне кажется, что жизнь профессионального борца надо считать не годами, а месяцами, как участнику Севастопольской обороны».

Это в тридцать два. А Поддубному было под сорок. Но правильный образ жизни помогал ему всякий день быть в форме, быть готовым к схватке, отстаивать свое исключительное положение, свой титул «чемпиона чемпионов».

Однако он понимал, что его время близится к закату. Он еще полон сил, но все-таки ему лучше уйти в славе, непобежденным, чем дожидаться нового феномена профессиональной борьбы, который в честолюбивом за-

доре, полный молодых сил, отодвинул бы его на вторую роль.

К тому же Поддубному претило все усиливающееся торжество коммерческого духа над спортивными принципами.

Деньги у него были. И немалые: в последние годы он получал наивысшие гонорары в России. Иван Максимович исподволь присматривал и скупал землю в родных селах Красёновке и Богодуховке. И не какую-нибудь, а землю помещика Абеля, на которого работал в юные годы. Купил он у тогдашнего ее владельца Савина 120 черноземных десятин. «Абель, Абель! Чем мы хуже Абеля, сами себе помещики!»

В 1910 году Иван Максимович попрощался в Одессе с Уточкинм, Заикиным и Куприным, которые прогремели на всю Россию своими полетами на воздушном шаре и аэроплане, сделал предложение ветреной красавице Антонине Николаевне Квитко-Фоменко и уехал с ней на родную Полтавщину.

Была Нина Николаевна (так ее звали все) высокая, светловолосая. Играла в любительских спектаклях. Вот почти и все, что известно о ней. Иван Максимович любил ее за веселый нрав, статность и «существенность».

— И в ней и во мне по шесть пудов было. Вместе взвешивались,— рассказывала мне Евдокия Максимовна, сестра Поддубного.

В Богодуховке у них выросла усадьба — два дома да сад в тринадцать десятин.

— Выборол, с потом выборол,— мог сказать Поддубный словами Заикина, который тоже, думая о будущем, приобрел именье в Симбирской губернии.

Ушел с ковра Иван Поддубный, затих.

Цирковая публика придумывала сказки, будто он один ходит биться на кулачки с целой деревней, будто он толкнул плечом хату и повалил... Враки! Степенно жил Иван Максимович, разъезжал в щегольской коляске, хозяйствовал... Недаром он был прижимист, копил деньги.

Выписал из Австрии механика и построил вальцовую мельницу в Богодуховке. В Оржице тоже, а управляющим на ней поставил брата Митрофана. Хотел разбогатеть.

Изредка вспоминал Европу, шумиху вокруг себя и доставал ящик с золотыми медалями и значками — два

пуда золота. Надевал широкую, расшитую золотом ленту «чемпиона чемпионов», полученную за последние победы в Париже, и шумно вздыхал...

Отца с матерью, Митрофана, всех родственников Иван Максимович одарил землей. Правда, отец вскоре помер от аппендицита. И опять в городе что придумали? Будто возвращался Максим Иванович с ярмарки выпивши, гикнул на коней, те понесли и выкинули богатыря грудью на корягу. А он еще встал и погнался за лошадьми. Оттого будто бы и скончался.

Престарелые жители Красёновки и теперь еще помнят похороны. Помнят, как сбегались смотреть на красавца Ивана и его жинку. Стало ей тогда дурно, так Иван Максимович взял ее на руки, вынес из хаты и посадил на громадное дубовое бревно, что лежало с незапамятных пор на дворе.

В 1912 году Поддубный похоронил отца у церкви и поставил Максиму Ивановичу мраморный памятник. На том самом месте, где сегодня стоит красёновская школа и мраморный бюст «чемпиона чемпионов».

После похорон Иван Максимович стал подводить итог своей хозяйственной деятельности.

Не сбылись его надежды никак. Митрофан в Оржице запьянствовал. Большое хозяйство съело борцовские накопления. Преувеличил свои способности Иван Максимович, не мог углядеть за всем. Конкуренты Зархи и Рабинович тоже поставили мельницу и обставляли его во всем. Им легко — считай, каждый второй в округе им задолжал, как на их мельницу не поедешь?

Иван Максимович решил навести порядок и поехал в Оржицу. Застав Митрофана в непотребном виде, он в воспитательных целях крепко побил брата. А тот со зла мельницу спалил.

И надо же было случиться так, что последний страховый взнос из-за деловой нерасторопности не уплатили. Плакали денежки, пошло все прахом...

Не получился из Поддубного сельский капиталист. Продал он богодуховскую мельницу и имение тем же Зархи и Рабиновичу, расплатился с долгами и в 1913 году вернулся на ковер. К тому же, как он писал, его «снова потянуло бороться».

Ивану Максимовичу шел сорок третий год. В газетах писали всякое, а больше о рискованности его решения появиться на ковре, о «почтенном» возрасте, о нетренированности Поддубного...

Но вот снова чемпионат в цирке Чинизелли, снова яркие огни и «Марш гладиаторов», снова «парад-алле»...

«Восторженные овации публики говорят о том, что Поддубный и через десять лет будет для нас Поддубный».

Повержен на ковер громадный негр Англио. Уходят с манежа, пряча лопатки, французский чемпион Рауль де Руан, финн Ярвинен, чемпион России по борьбе и гилям Лука Копьев...

Школа у Копьева была та же, что и у Ивана Максимовича. Он ездил учиться борьбе в Париж, к нашему старому знакомому Эжену де Пари. Молодость и технику — все сокрушил Поддубный.

Уверенно и неуклонно шел без поражений в чемпионате Алекс Аберг. Его встречи с Поддубным ждали с нетерпением. Поддубный мощнее Аберга, но тот более ловок, тренирован и на одиннадцать лет моложе...

Они встретились 2 мая.

К этому дню все билеты: были распроданы, и барышники торговали не хуже, чем «на самого Шалапина».

Чтобы подчеркнуть некоммерческий, принципиальный характер боя, в жюри пригласили членов любительского атлетического общества «Санитас». Газеты писали, что оба борца были «внешне невозмутимы».

Десять лет они знают друг друга. Они — «друзья по несчастью», оба потерпели поражение в схватках с Раулом ле Буше в памятном 1903 году. Они встречались один раз на ковре, и Аберг сдался на шестой минуте...

Но недаром Аберга называли «загадкой ковра». Даже с Заикиным он свел несколько схваток вничью. Не раз Поддубный посылал вызовы Абергу, а тот Поддубному, но, видно, оба не торопились встретиться...

Не дала результата и эта встреча.

Больше часа шла упорная борьба между Абергом и Поддубным. Первое время Поддубный усиленно старался сломать Аберга силовым приемом, а тот все отсиживался на ковре и, видимо, ожидал, пока его противник вы-

дохнется. И в самом деле Иван Максимович заметно устал. Аберг сразу изменил свою тактику и резко пошел сам в атаку, но время схватки уже истекло...

«Схватку Поддубного с Абергом в цирке Чинизелли я видел,— вспоминает старый борец М. А. Яковлев.— Правда, Поддубный перевел его в партер, но сделать ничего не смог. После борьбы я ужинал с Абергом и спросил его мнение о Поддубном. Он сказал: «Иван Максимович очень сильный». На другой день я на Невском встретил Поддубного и задал ему вопрос об Аберге. Он кратко ответил: «Чухонец сильный». Это в устах немногословного и скупого на похвалы чемпиона было высокой оценкой Абергу».

4 мая они снова боролись. Встреча продолжалась два часа, но результата не дала.

После трехлетнего перерыва опять началась для Ивана Максимовича кочевая жизнь — с чемпионата на чемпионат, с чемпионата на чемпионат...

3

Поддубный стал с возрастом массивнее. Он весил теперь сто тридцать килограммов и был уже не столь подвижен. Быстрее уставал и сбивался с дыхания. Поэтому он старался как можно скорей закончить схватку каким-нибудь лишь ему известным приемом. Он так умело переплетал и захватывал своими руками руки противника, что во избежание перелома или вывиха тому оставался один выход — не оказывать сопротивления. В «партер» он никогда не ложился, а когда работал сверху, не было спасения от его мертвых «рычагов» и «нельсона».

От журналистов он теперь держался подальше, и они роптали на «эту исключительную, вечно замкнутую личность». Но им казалось «каким-то странным и жутким» то слабое сопротивление, которое оказывали Поддубному сильнейшие борцы.

Слава его не убывала, хотя кое-кто догадывался, что он уже перестал быть «чемпионом чемпионов». Но нового претендента на этот высокий титул история борьбы так и не увидела.

Имя Поддубного стало нарицательным. Это отразилось в немудреных, но популярных стихах:

То не туча колыхается
В ясном небе над леском —

Дядя Ваня появляется
На арене со свистком.
То не пыль-кура колышется
Ураганом по земле —
Молодецкий голос слышится
Над толпой: «Парад, алле!»
И идут под звуки трубные
Бодрым шагом на народ
Всевозможные «Поддубные»,
Выставляя грудь вперед...

Чувствуя слабину Ивана Максимовича, теперь все больше первоклассных борцов посылали ему вызовы в надежде на возможность вписать в свои афиши — «Победитель Ивана Поддубного».

Московский чемпионат 1913 года снова столкнул его с непрерывно совершенствовавшимся Абергом. И снова ничья.

Наверно, тогда была написана статья Георга Луриха «Борьба — источник здоровья», напечатанная впоследствии в журнале «Мейе Матс» и раскрывавшая подлинный смысл схваток.

«Смысл атлетики не в том, что тот или иной атлет нечто для себя завоюет, — скажем, славу и деньги, — и не в том, кто кого положит на лопатки — Аберг Поддубного или Поддубный Аберга, — ибо в любом случае человечество в целом вряд что-нибудь выиграет, так же как и отдельная страна, — даже если поборют ее сильнейшего сына, она переживет это. Главнейшее назначение спортивной борьбы состоит... в том, что мы, атлеты, почувствовали себя авангардом и обратились с серьезным предупреждением к физически слабеющему роду человеческому. Наш призыв таков: «Человек, сойди со своего безумного пути, посмотри на нас: разве мы состоим не из той же плоти и крови, что и ты?! Ты можешь, во всяком случае мог, стать таким же сильным, как мы, но ты не захотел этого. Ты пренебрег серьезнейшими и ценнейшими заповедями здоровья и должен расплачиваться за это сокращением своей жизни, кровью и деньгами.

Тысячи, сотни тысяч книг и речей, взывающих к человеческому разуму, не оказали никакого действия, словно глас вопиющего в пустыне. Если же им удалось принести какую-либо пользу, то лишь временную, скоропроходящую, — она исчезла как дым, а старая, но вечно новая песня начинается сначала. Отсюда вывод: ничто не ока-

зывает на широкие народные массы большего влияния, чем пример. Везде, где появляются первоклассные атлеты, их выступления вызывают повышенный интерес к спорту...»

Я прошу у читателя прощения за пространную выдержку из статьи Луриха, но эстонец сказал то главное, за что целое поколение должно быть благодарно профессиональной борьбе.

Она породила спортивную любительскую борьбу. Она, по утверждению историков спорта, «вызывая интерес самых широких слоев населения, содействовала появлению и развитию в стране и других видов спорта».

Ну что ж, тут историкам и карты в руки...

4

Борец Николай Турбас вспоминал об одном московском чемпионате, где первое место прочили Николаю Вахтурову, который был полн сил и здоров, как медведь.

Но неожиданно на турнир прибыл его учитель — Иван Поддубный. Он вошел в номер Вахтурова, где уже были Турбас и еще три борца, отличавшиеся огромным ростом, — Шемякин, Казбек-Гора и Циклоп.

Поддубный явился с женой, и все борцы нашли, что Нина Николаевна красива, но бледновата. Шемякин при виде Поддубного нахмурился. Завидуя «чемпиону чемпионов», Шемякин издавна недолюбливал его.

Иван Максимович подошел к своему ученику, и они дружески обнялись.

— Здоров, як леший! — проговорил Поддубный.

— До тебя далеко, — со вздохом ответил Вахтуров.

— Ще будешь...

Иван Максимович похлопал по бочкообразной вахтуровской груди широкой ладонью.

Вахтуров окинул взглядом учителя и предложил:

— А ну, Ваня, разденься.

И попросил Турбаса:

— Земляк, смеряй нас — кто шире.

Богатыри стали спина к спине. Борцы подошли поближе. Лишь Шемякин не тронулся с места.

— Ваня шире, — вынесла приговор Нина Николаевна.

— Зато Коля шире в грудной клетке, — возразил Тур-

бас, чтобы успокоить мнительного Вахтурова. Но тот теперь все поглядывал на Ивана Максимовича.

Тут кто-то сказал:

— Через пять дней борются Вахтуров с Поддубным! Тогда все и выяснится...

Иван Максимович ухмыльнулся. Но Вахтуров заволновался и как-то даже осунулся. Подойдя к столу, он налил полный стакан водки, выпил его залпом и закусил большим куском ветчины.

Поддубный отвел Турбаса в сторону.

— Слушай, що скажу. В этого человека я вкладывал всю свою душу! Радовался его успехам, его силе и не боялся, что он еще сильнее меня будет!.. Рывки и все приемы — все отдал ему. А он, як босяк, водку глушит!

Вахтуров побаивался встречи, хотя был моложе и физически не слабее своего учителя.

И снова переполненный цирк, люди стояли даже в проходах. Вахтуров в прошедшем году завоевал звание чемпиона мира. Поддубного удостаивали этого звания шесть раз...

Они боролись два часа сорок минут. Поддубный выиграл эту встречу, но только по очкам.

5

27 января 1915 года начался чемпионат в цирке Саламонского на Цветном бульваре в Москве.

Главным соперником Поддубного стал Иван Шемякин, высоченный, красиво сложенный и невероятно честолюбивый.

Оба они шли без поражений.

Положение Поддубного немного пошатнулось после схватки со Святогором. Гигант Святогор взял его «на задний пояс». Поддубный вырвался, по энергии сбежал с ковра и ударился грудью о барьер. Из рта показалась кровь.

Схватка была прекращена. Распаленная схваткой публика начала скандалить. Раздались крики: «Трус!».

Это было жестоко и омерзительно.

Через несколько дней Поддубный реабилитировал себя «крепким парадом против заднего пояса», бросив Святогора на 46-й минуте. Следующим он уложил Чуфистова.

Один из лучших борцов России Иван Шемякин рвался к победе в чемпионате всеми правдами и неправдами.

Он обвинил организатора состязаний Петрова в том, что тот будто бы предложил ему «упасть» под Поддубного за деньги. Петров обличал его во лжи, утверждая, что от поражения Поддубного ему была бы «чистая польза» — такая сенсация только разожгла бы интерес к чемпионату. В свою очередь, он объявил, что жена Шемякина (родом из Венгрии) — австрийская шпионка...

Из-за всех этих нелепиц страсти были накалены невероятно.

И вот наконец борьба двух гигантов. Типичный «бур», жестокий и бескомпромиссный. Это было в апреле 1915 года.

Помещая здесь газетный отчет об этой борьбе, мне бы хотелось обратить внимание читателя не только на характерные особенности Поддубного как борца, но и на его сдержанность и долгое нежелание отвечать на откровенно нечестные, «грязные приемы» противника...

«Необходимо сказать, — начинался репортаж, — что борьба этих чемпионов была самой серьезной и о каком-либо уговоре здесь не может быть и речи.

1-я схватка. Борьба начинается очень горячо и резко. Шемякин то и дело прибегает к сильным рывкам за шею и часто вместо шеи бьет Поддубного по уху. В рывках Шемякин показывает огромную силу, но Поддубный стоит непоколебимо. Шемякин несколько раз бьет Поддубного по шее предплечьем, и затем следует напряженный массаж рук. Поддубный улавливает момент и быстро нападает, Шемякин бежит за ковер и, вырываясь от захватов, ударяет противника коленом. Делается замечание. Кончают схватку борцы тихо. Все время в стойке.

2-я схватка. Поддубный, уступая Шемякину в росте, принужден изменить свою обычную стойку и часто меняет позицию. Но он все время стоит на середине ковра. Шемякин кружится вокруг него и то и дело отступает к барьеру, не забывая изредка наносить резкие удары. К концу схватки он разбивает Поддубному нос до крови. Вообще Шемякин держится более чем смело и вызывающе. Схватка, как и первая, прошла вся в стойке.

3-я схватка. Публика приветствует Поддубного. На второй минуте борцы схватываются в обхват крест-накрест, и Шемякин с трудом вырывается из тисков Поддубного.

Последний, казалось, мог бы его удержать при желании. Шемякин бросается на передний пояс, но Поддубный легко парирует. Тогда он снова прибегает к грубости и, держа все время своей левой рукой правую руку Поддубного, ударяет ему снизу в лицо головой. Все время схватка в стойке.

4-я схватка. Борцы сходятся, крепко упершись голова в голову. Через 2—3 минуты у Поддубного все лицо в крови, которая течет из разбитой переносицы. На пятой минуте он идет к столу жюри и умывается. Шемякин протестует против этой паузы, но сам подходит и пьет воду. По возобновлении борьбы он злоупотребляет головой и вызывает резкое замечание со стороны арбитра Мишина. Протестует и публика. В конце схватки больше нападает Шемякин и очень энергично работает...

5-я схватка. На третьей минуте Поддубный схватывает Шемякина накрест и ломает. Тот бежит, но Поддубный, не разжимая захвата, подымает его от земли (уже за ковром) и бросает в «партер». Бешеные аплодисменты публики. Перевод в «партер» за ковром не должен считаться, но жюри заставляет все-таки Шемякина идти вниз. Тот становится — после долгих, конечно, протестов — на низкую скамейку (то есть на локти и колени.— Д. Ж.). Поддубный работает сверху как-то особенно, находясь целиком на спине у противника.

6-я схватка. Шемякин все время лежит на низкой скамейке, вытянув вперед за голову сложенные руки и не дает их разорвать. Поддубный явно не хочет сильно работать, опасаясь попасться на парад, и закладывает только короткие «нельсоны», которые Шемякин, конечно, разрывает. В публике находятся типы, протестующие против такой борьбы — им «скучно»... Вся схватка проходит в «партере».

7-я схватка. Поддубный опять сверху, но теперь изменил свою позицию и работает с правой стороны Шемякина. Идет схватка живее предыдущей. Публика, в своем большинстве абсолютно не знающая точно правил борьбы, то и дело указывает арбитру и противникам на якобы неправильное положение их ног. В действительности никаких неправильностей не было. Поддубный начинает работать снизу и вдруг выдергивает до крови укушенную Шемякиным руку.

8-я схватка. Публика на стороне Поддубного. Шемякин, ссылаясь на то, что всего осталось на борьбу 10 минут, требует пустить эту схватку на очки и указывает на соответствующее правило в афише. Но жюри постановляет продолжать борьбу в «партере». Шемякин идет недовольный и сейчас же пытается встать с «нельсона» Поддубного, но это ему не удается. Тогда Шемякин ударяет снизу головой в лицо Поддубного, а Поддубный незаметно для публики бьет его рукой в подбородок. Затем Шемякин опять пытается встать и после неудачи снова делает сильный удар головой. Публика энергично протестует, а Поддубный делает незаметный трюк с ногами, заставляя Шемякина вскрикнуть от боли. В таком обмене проходят 10 минут, и арбитр объявляет в результате ничью.

Всего борьба продолжалась таким образом 1 час 20 минут, из них 43 минуты в стойке и 37 в «партере».

Для сравнения: вес Поддубного — 8 пудов, Шемякина — 7 пудов 10 фунтов, рост Поддубного — 183 сантиметра и Шемякина — 193 сантиметра».

Нешуточной и жестокой была борьба «королей ковра». Нелегко доставались им «тысячи», о которых любили поговорить обыватели. Но так бывало только тогда, когда коса находила на камень.

6

Спортивную печать в России питали борьба, конное дело и зарождавшиеся воздухоплавание и автомобилизм. Спортивные журналы насчитывались десятками. Одни терпели крах и закрывались едва ли не после нескольких номеров. Другие благодаря талантливым репортерам процветали. Журналы поддерживали многие начинания, и число видов спорта, культивировавшихся в России, все росло.

Репортер становился в спорте видной фигурой. На чемпионатах борьбы он был вездесущ, совал нос во все закулисные дела, приводил в трепет и организаторов состязаний, и борцов. От него зависела популярность, он владел рекламой. Устроители чемпионатов отводили репортерам почетные места, придумывали для «королей прессы» специальные «золотые кресла», платили журна-

листам солидную мзду. Не гнушались репортеры и взяточниками с борцов — кого-то выпячивали в отчетах, о ком-то умалчивали...

Иван Поддубный, как я уже говорил, журнальную братию не жаловал. Он не платил ей дани, а она вынуждена была писать о нем только потому, что о победителях и личностях, популярных в народе, умолчать невозможно. Дядя Ваня об Иване Поддубном умудрялся писать так, что не понять было сразу, то ли это похвала, то ли порицание. «Чемпион чемпионов, а поди ж ты...» — думал обыватель, ломая голову. Но у Дяди Вани с Поддубным были свои счета...

Один из столичных репортеров был влюблен в Ивана Максимовича вполне бескорыстно. Впрочем, это была странная любовь.

Репортер следовал за Поддубным с чемпионата на чемпионат, расписывал, захлебываясь, его победы. Но стоило Поддубному проявить себя в чем-либо не так, как проявил бы себя полубог, нарисованный воображением репортера, и его охватывала радость. «Так, так, — говорил он про себя, — а нас еще упрекают в отсутствии принципов. Когда вон какие дубы шатаются, как же нам-то не падать. Сам бог велел».

Схватки в тифлисском цирке Ефимова завершались. Только борец-виртуоз Клементий Буль и Поддубный не знали поражений. Они шли к встрече друг с другом, но организаторы чемпионата понимали, что Буль будет побежден. Знали это и зрители. А потому охладели к чемпионату, исход которого был ясен...

В день решающей встречи репортер увязался за Поддубным в ресторан, болтал, шутил. Но Иван Максимович был более молчалив и мрачен, чем всегда.

— Что за настроение, Максимыч? — спросил репортер.

— Дурная погода! — отмахнулся Поддубный.

На улице сияло солнце.

— Сегодня я упаду, — процедил вдруг сквозь зубы Иван Максимович, и репортер понял, что хозяева чемпионата уговорили богатыря поддаться Булю, а потом потребовать реванш: так и чемпионат продлится и сборы ввиду сенсации будут огромными.

Арбитром на этом чемпионате был известный в прошлом спортсмен Квятковский.

— Все же уговорили старика? — спросил его при встрече репортер, едва сдерживая ликование.

— Страшный человек! — сказал про Поддубного Квятковский. — Вы ведь знаете, сколько раз он давал такие обещания, а на ковре чуть не до слез доводил противника. Дашь свисток невпопад — живьем съест потом...

Клементий Буль перед встречей с Поддубным старался не смотреть людям в глаза.

Иван Максимович даже и не пытался изобразить сопротивление. На первых же секундах схватки Буль провел «полусуплес». Поддубный упал лопатками на ковер, но в то же мгновение стряхнул с себя Буля и вскочил на ноги. Квятковский уже дал свисток — зафиксировал поражение...

Зрители стали кричать, что это обман.

«Побежденному» в таких случаях полагалось подбежать к столу жюри, протестовать и просить реванша. Но Поддубный молча удалился.

— Батя! — сказал Квятковский за ужином. — Что же ты наделал? Разве так падают?

Иван Максимович хлопнул его по плечу.

— Падать тоже надо уметь, а я ж нэ научився...

Тайная радость репортера была неполной.

7

Время было тревожное — шла первая мировая война.

За границу Поддубный больше не ездил, зато успел снова исколесить всю Россию. Все чаще пожилой богатырь сводил вничью схватки с более молодыми и набравшимися опыта борцами.

Да, Поддубный был уже не тот. С ним уже меньше считались хозяева чемпионатов. Иногда «для дела» его клали под других чемпионов, давая потом возможность отыгаться.

В Краснодаре вспоминают, как у Ивана Максимовича был взят билет на поезд, а еще предстояла схватка с борцом Стерсом. Почитатели волновались, что он не успеет.

— Ну, раз Ванечка сказал, значит, успеет, — успокаивала их Нина Николаевна, путешествовавшая вместе с Поддубным. «Ванечка» положил Стерса за шесть минут.

— Бачили, хлопцы? От так я колысь и боролся. Нелегко давались Ивану Максимовичу даже такие, немногословные, признания.

В

Революция, а потом гражданская война были для Поддубного событиями чрезвычайно сложными.

Во время гражданской войны Иван Максимович продолжал бороться в цирках различных городов, которые то освобождались красными, то захватывались белыми, то подвергались налету зеленых...

Тяга к зрелищам не иссякала и в те беспокойные и голодные времена, доставляя борцам средства на пропитание. И хотя Иван Максимович не пил спиртного и ел мало мяса, предпочитая ему «бурячок та морковку», насытить громадное тело было совсем непросто.

Теперь Поддубный часто выступал и один, показывая красноармейцам и трудовому люду упражнения с гирями и поднимая на плечах по десятку человек. Местные советские власти выдавали ему усиленные пайки. Поддубному было легче, чем другим. Его имя знал каждый, при его появлении лица русских людей освещались улыбками.

Случалось Ивану Максимовичу попадать и в серьезные переделки, из которых его выручали крестьянская смекалка и опять же всероссийская известность.

Об одном из таких случаев рассказал в своих воспоминаниях борец Николай Разин (Фомичев):

«Помнится, в тревожные годы гражданской войны судьба забросила меня в Одессу. Город наводнен войсками. Здесь французы, англичане, итальянцы, турки. Тут же черные лозунги: «Анархия — мать порядка». Свиристствуют анархисты. Иду по Дерибасовской и вдруг вижу: навстречу — Поддубный. Обросший, похудавший, грязный...

— Иван Максимович!

Он вскидывает голову, устало улыбается.

— О, Николаша, вот колы мене повезло!

Я пригласил его к себе. По дороге он отрывочно и, как мне показалось, нехотя рассказывал о том, что случайно оказался в Одессе без денег и без вещей.

Видя, что он действительно еле держится на ногах,

я не особенно расспрашивал о подробностях, тем более что, судя по всему, Поддубный не особенно хотел распространяться на этот счет.

Пришли ко мне на квартиру. Пока я на скорую руку приготовил ужин, смотрю: Поддубный спит. Не стал будить. Двое суток спал Иван Максимович, просыпаясь лишь для того, чтобы съесть бутерброд и выпить чашку бульону. Отоспавшись, он наконец рассказал, что с ним произошло в Житомире.

Оказывается, его чуть не застрелили анархисты. Причина тому — лента чемпиона мира. Французский флаг по цветам такой же, как и русский: белая, синяя, красная полосы. Только полосы на французском флаге идут поперек поля. Но где же анархистам разбираться в этих тонкостях! Увидев во время парада традиционную ленту на груди Поддубного, один из анархистов стал кричать что Поддубный поддерживает царя, раз носит цвета царского флага. У цирка Ивана Максимовича караулила целая банда полупьяных анархистов. Пришлось с черного хода ехать на вокзал и, бросив все вещи, без денег, добраться до Одессы. Здесь мы и встретились.

О том, чтобы покинуть родину, Иван Максимович никогда не помышлял, хотя в таких предложениях недостатка не было.

— Що там нам делать? Давай шукать путей домой.

«Шукать» особенно не приходилось — не из чего было выбирать, и мы отправились в Керчь.

Этот небольшой приморский городок был также забит войсками. Встречалось много иностранцев. Русское офицерство пьяной толпой бродило по набережной. Вино лилось рекой, но с питанием город испытывал затруднения. Именно поэтому нам с Поддубным пришлось пережить несколько довольно неприятных минут.

Прогуливаясь вечером по набережной, мы повстречались с офицерами. Вид двух широкоплечих здоровяков подействовал на голодных офицеров так же, как красная тряпочка действует на быка.

Один из них, пошатываясь на тоненьких ножках, подошел к нам вплотную. Иван Максимович сощурил глаза и, заложив руки за спину, остановился. Усы опустились книзу. Он злился.

Офицер, презрительно улыбаясь, заорал:

— Разъели морду, мужичье! Стрелять вас надо!

Иван Максимович с деланным равнодушием спросил:
— Що господину офицеру треба?

— Що? Ах ты, хохляцкая твоя харя! — захохотал офицерик. — Мне треба в тебе сделать дырку.

Он вынул револьвер и приставил дуло к груди Поддубного. Ждать было нельзя. Спяну ему ничего не стоило спустить курок. И я, не раздумывая, левой рукой ударил по револьверу снизу вверх, а правой саданул офицера по челюсти.

Сделал я это вовремя, ибо тут же раздался выстрел, и пуля оцарапала Поддубному плечо.

Офицеры, как стадо баранов, бросились на нас. Мы били их кулаками куда попало. Они тут же валились, как снопы, и уже не поднимались. Иван Максимович, понимая, что значит в таком городе избить офицеров, закричал на всю набережную:

— Ратуйте, люди добрые! Убивают!

И тут же наносил удары такой силы, что трещали офицерские кости. Я стал вторить ему, делая вид, что разнимаю их.

— Да что же вы делаете, господа офицеры? Вы ведь убьете его!

И тоже бил по наглой морде кулаком. Кто-то пытался стрелять. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы не подоспел патруль. Нас, офицеров и старика грека, который продавал поблизости каштаны, забрали в комендатуру. Про офицеров можно сказать, что их не забрали, а унесли в комендатуру.

Комендант, красивый молодой полковник, сразу узнал Поддубного. Улыбаясь уголками губ, он допрашивал свидетеля, старого грека:

— Как было?

— Гаспада афицеры кидались на этих двух. Адин кричал: «Ратуйте!», другой разнэмал их...

Комендант, допросив побитых офицеров, которые, моментально протрезвев, держались за заплывшие глаза и вывихнутые челюсти, отпустил нас, сказав тихо на прощание:

— Я советую вам уехать сегодня же ночью, иначе вас застрелят эти подонки. Я распоряджусь, чтобы вам приготовили лодку и хорошего лодочника. А до того момента мне бы не хотелось вас выпускать из поля зре-

ния. Прошу оказать мне честь отужинать со мной у моего друга...

Этим другом оказался не кто иной, как грек Миксаксуди, табачная фирма которого славилась на всю Европу. Миксаксуди был большим поклонником борьбы. Поэтому, когда мы появились в его великолепно отделанном двухэтажном доме, нам был оказан самый радушный прием.

Стол был изысканный. Приходилось удивляться, откуда только в такое трудное время хозяин добывал разные яства. О винах и коньяках и говорить нечего. И тут меня снова удивил Иван Максимович.

Мы были довольно голодны. Но Поддубный, отказавшись от рюмки отличного коньяка, окинул взглядом роскошный стол и сказал:

— Мне бы винегретику та морковки.

...На рыбацкой фелюге мы добрались до Бердянска. На наше счастье, там происходил чемпионат борьбы. Нас охотно приняли, и мы на несколько дней обрели покой. Кончился чемпионат тогда, когда банда Махно ворвалась в город...»

9

Банда Махно и в самом деле совершила налет на город Бердянск в 1919 году. Арестовав местных коммунистов, Махно наложил на город «контрибуцию» в 25 миллионов рублей.

На площади против махновской комендатуры Поддубный мог увидеть сцену отправления бандитского правосудия. Сотня махновцев внимала молодому матросу, возведенному в ранг коменданта города.

— Братва! — кричал он, встав на скамейку. — Мой помощник Кушнир сегодня ночью произвел самочинный обыск и ограбил вот эту штуку. — Он показал золотой портсигар. — Что ему за это полагается?

Из толпы выкрикнули:

— Расстрелять!

Толпа зашумела и поддержала это предложение.

Комендант спрыгнул со скамейки и тут же из револьвера застрелил Кушнира.

Махновцы, только что оравшие «расстрелять», теперь уже выражали свое недовольство:

— Ишь, сволочи, не поделили!

Комендант же спокойно опустил портсигар в карман брюк и пошел враскачку прочь.

Документов о пребывании Поддубного в Бердянске, естественно, и быть не могло, но есть несколько легенд, запечатленных в воспоминаниях цирковых артистов и борцов. Брать их на веру не стоит, поскольку имена участников событий приводятся произвольно, а подробности отдают фантастикой, но непреклонный характер и манеры Ивана Максимовича Поддубного рисуются в них весьма похоже. К разряду воспоминаний-легенд относятся рассказы и Николая Разина, и циркового артиста Петра Тарахно, которого Поддубный знал еще со времени своих первых выступлений в севастопольском цирке Труцци.

Клоун Тарахно по поручению знаменитого командира Павла Дыбенко пробирался в Керчь, чтобы изучить там обстановку перед наступлением Красной Армии. Под Бердянском поезд, в котором ехал Тарахно, остановили махновцы. Узнав, что Тарахно циркач, они отвели его в городской кинотеатр, где до налета бандитов проходили схватки борцов и где Махно надумал устроить для своей вольницы «концерт».

Тарахно уверяет, что здесь он увидел Луриха, Загоруйко, Дядю Ваню Лебедева и прочих знаменитостей. Они уныло сидели у стола и ели хлеб, запивая его кипятком. У стены на скамейке, завернувшись в теплый халат, лежал Поддубный. Им было приказано вечером показать свое искусство махновцам, что не предвещало ничего хорошего — нравы бандитов были известны.

Вечером зал кинотеатра был полон. Махновцы сидели в креслах, на подоконниках и просто на полу. Курили и сквернословили. Ждали «батьку».

И вот он вошел неверной походкой, откинул с лица длинные волосы и сощурился — в зале было дымно, как в преисподней. За ним ввалился одутловатый Левка Задов. В выпученных глазах «начальника контрразведки» застыла жестокость. Суетились тут же председатель гуляйпольского «совета» Коган и «теоретик» анархистов Эйхенбаум.

Нестор Махно упал в подставленное кресло. На сцене появился его адъютант и сказал:

— Хай будэ тыхо, позаяк здеся присуствуе наш атаман батько Махно своей собственной персоной и кото-

рый, будучи большим знатоком и ценителем всякой концерты, соблаговолыв дать нам представление актерщиков.

Махновцы колотили в ладоши.

Тарахно спел популярного тогда «Хаз-Булата». Потом началась борьба.

На сцену вышли шестнадцать борцов. Дядя Ваня объявил их имена. Когда представили Поддубного, Махно вскочил с кресла и зааплодировал. Толпа взвыла от восторга.

На сцене боролись вяло. Махно быстро надоело это зрелище, и он подозвал адъютанта.

Тот снова появился на сцене и прервал схватку Стецуры с Лапиным.

— Батько велив, щоб с етым вот актерщиком,— он показал на Стецуру,— боролся наш Грыцко. Выходь, Грыцку!

Под свист зала вышел здоровенный детина, весь в пулеметных лентах, и стал раздеваться.

— Покажи ему, Грыцку, дэ раки зимують! — кричали из зала.

— На кендюх его клады!

— Що там з ным боротысь! Заидь в рыло та на мыло!

Адъютант поднял руку:

— А еще наш атаман батько Махно велив сказать тебе, Грыцку, що ежели ты, шельма, не покладешь этого актерщика на лопатки, он собственноручно пристрелит тебя, як собаку.

Махно забавлялся, но шутки его, как знали все, кончались кровью...

Дядя Ваня решил не обострять событий. Тут он был в своей стихии.

— Надо красиво провести игру,— наставлял он Стецуру.— Подвалишься на десятой минуте. А то еще стрелять начнут...

Поддубный слушал его и морщился.

Стецура, повозившись немного с махновцем, лег на спину. Верзила уселся на него верхом под одобрительные вопли зала.

Но для Махно забава еще не кончилась. Он поднялся на сцену и пожал руку Грыцку.

— Молодец,— процедил он сквозь зубы.— Теперь я

вижу, что ты любого из этих борцов заткнешь за пояс. Верно?

— Так воно и е, батьку. Серед них не знайдеться такого, кого б я не розп'яв, як Исуса Христа...

Тарахно говорит, что Поддубный не стерпел, вышел и сказал:

— Найдется такой! Вот он я!

Скорее всего, Иван Максимович недовольно хмыкнул, а этого только и надо было Махно.

— Не делай глупости, Максимыч,— уговаривал Лебедев...

Схватка продолжалась недолго. Поддубный шмякнул Грицка на ковер так, что затряслась сцена...

Бандиты орали и стреляли в потолок. Махно удовлетворенно хлопал в ладоши и шептал что-то адъютанту. Тот снова поднял руку.

— Батько Махно великодушно прощает Грицкови его поражение, позаяк вин каже, що треба маты не тилько волячу силу, но и разуметь всякую технику. Батько Махно велив Грицкови завтра чистыты нужники, а актерщикам выдать из склада Милевича двадцать бутылок вина, пять килец ковбасы и три хунты керенок. На етом концерту закрываем. Р-р-разойдись!

Махновцы вывалились из зала. На сцену принесли вино, колбасу и весы. Адъютант отвесил три фунта керенок. К Поддубному подошел Махно.

— А я тебя видел в Тифлисе,— сказал он.— Ты тогда боролся с Кожемякой. Ловкач ты!

Он достал из кармана пачку ассигнаций и положил ее на стол.

— Это тебе мой личный приз. Так сказать от почитателя и любителя искусства,— бросил Махно и вышел.

Поддубный разглядывал подарок.

— Петруша,— позвал он Тарахно,— ты видел это? Чудеса!

Каждая ассигнация, оставленная Махно, была величиной с ладонь. Под тускло напечатанной цифрой «25» виднелась подпись: «Чем наши хуже ваших?». На некоторых были неприличные изображения и слова: «Гоп, кума, не журыся, в Махна гроши завелься».

Вскоре махновцев выбили из Бердянска.

В рассказе Николая Разина об этом случае незадачливого махновского борца звали не Грицко, а Филькой

и был он «огромный рыжеволосый детина, без рубашки, в каких-то неимоверно больших трусах фуксинового цвета».

10

В начале двадцатого года Одесская ЧК, во главе которой стоял Юзефович-Северный, арестовывала и расстреливала всех, кто подозревался в антисемитизме. Имелись сведения, что борец Поддубов принимал участие в еврейских погромах. По созвучию имен взяли Поддубного, но разобрались и отпустили (Поддубов бежал с белыми за границу). Сохранилась справка Одесской губернской Чрезвычайной следственной комиссии от 20 февраля 1920 года, реабилитировавшая Поддубного.

Иван Максимович уже не боролся. Настигла его в Одессе злая весть о том, что Нина Николаевна, оставшаяся в Золотоноше, ушла к другому. А уж как он ее любил, как носился с ней — «Нина — красавица, весь свет затмила!» Мало ушла — прихватила с собой большую часть золотых медалей, что получал Иван Максимович за свои победы. Судьба обошлась с Ниной Николаевной лихо: ее новые связи не были крепкими, прожила она вконец, бедствовала...

Потом она писала Ивану Максимовичу: «На коленях пройду весь путь к тебе, Ванюшка». Он не отвечал ей, а сестре в Золотоношу сообщил: «Я напишу ответ, когда буду сильно злой. А ты знаешь, что я никогда не бываю сильно злой».

Тогда же, в Одессе, узнав о ее измене, Иван Максимович заболел и едва не умер — не ел, не пил, не разговаривал, никого не узнавал...

ЕСТЬ ЕЩЕ ПОРОХ В ПОРОХОВНИЦАХ

1

В давно нетопленном московском цирке шла репетиция. Время от времени то один, то другой артист бегали в кабинет директора, где была установлена железная печка — «буржуйка». Нагреть ее было легко — достаточно сунуть газету и поджечь.

Вскоре все собрались вокруг печки, тянули к ней озябшие руки и молчали.

Артисты были одеты очень странно: к кумачовой рубахе прислонился фрак с котелком, напротив пристроился видавший виды генеральский мундир. «Классовых врагов» объединил холод...

Артист в мундире поднял листок, лежавший в кучке бумажной макулатуры, и собирался было отправить в печку, как вдруг его внимание привлекли крупные буквы заглавия какой-то статьи.

— «Грядущий цирк»,— прочел он.— Послушайте. «Революционные эпохи не знают нюансов... Наша эпоха бесстрашная из бесстрашных, театр великих страстей и театр беззаботной радости... Все, что между ними, должно быть уничтожено».

— М-да,— сказала Кумачовая рубаха.— Беззаботная радость... Кто это сочинил?

— Какой-то Дон Форе из Пролеткульта.

— В печку его, в печку!

— Пойдем, что ли, бороться,— предложил Генерал.

— Какая у нас с тобой борьба! Поддубного бы сюда, Вахтурова, Луриха... или Циклопа, на худой конец. Дядю Ваню настоящего... Где-то они теперь? Живы ли?..

Вечером в цирке было теплее. Приходили организованно рабочие с заводов и красноармейцы. Сидели в пальто и шинелях. Воздух согревали дыханием.

На афишах у цирка, помимо прочего, значился номер: «Чемпионат всемирной классовой борьбы. Автор текста В. Маяковский».

Ведущий в кожаной куртке и затянутый ремнями выкрикивал барственным цирковым баритоном:

Смотрите все, кто падки,—
Лазаренко в роли Дяди Вани
любого борца положит на лопатки,
конечно, ежели он на диване.

Клоун Виталий Лазаренко в сапогах и поддевке арбитра Дяди Вани Лебедева представлял борцов: чемпиона Антанты Ллойд-Джорджа, чемпиона США Вильсона, чемпиона Крыма Врангеля... Капиталисты боролись за «прибыли от капиталистической бойни». Но вот арбитр объявил:

Революция —
чемпион мира.
Последний выход.

«Революция» боролась с «Антантой», перебрасывала ее через себя приемом «тур де тет». Но положить «Антанту» на обе лопатки у нее не хватало сил.

И тогда арбитр снова выкрикивал:

Не может побороть
ни эта сторона, ни та,
Перемирие.
ТЬфу!
Перерыв на десять минут.
Все, кто хочет,
чтоб
красные победили через десять минут,
пусть идут по домам —
А завтра на фронт добровольцами —
И Врангелю шею намнут...

«Борцы» уходили, а потом снова появлялись в своей каждодневной одежде и с винтовками «на плечо» маршировали по арене.

Зрители аплодировали в такт маршу...

2

Кончилась гражданская война. Жизнь в цирке входила в мирную колею, стали проводиться настоящие борцовские чемпионаты.

В 1922 году Иван Максимович Поддубный был приглашен в московский, а потом в петроградский Госцирк.

В угоду «сытому нэповскому зрителю» возродились все прежние трюки на чемпионатах. Появились маски, но теперь они назывались в духе времени: маска «Металлист», маска «Инженер»... Борец Чуфистов боролся с быком, Дядя Ваня (Лебедев) руками удерживал на месте автомобиль с пассажирами. Газеты писали: «...дикая, перенесенная в наше время из средневековья борьба, бой гладиаторов и бокс — кому это нужно?».

Чемпионаты отдали под контроль физкультурных организаций. Иван Максимович был рад этому новшеству. К мнениям его прислушивались, имя его с уважением упоминали в газетах, журналах, книгах. Почитатели Поддубного просили его выступить с воспоминаниями.

В одном из писем, сохранившихся в архиве Поддубного, говорилось:

«Русское общество, в частности же спортивные круги

его, вправе ожидать от Вас особого выступления на арене общественной жизни России — выступления, которое явилось бы достойным завершением Вашего многолетнего победного шествия по цирковой арене и на аренах разных спортивных обществ и организаций во славу русского народа (более того — славянства) и его исторической мощи».

Раз уж речь зашла о мемуарах, «достойно завершающих» жизненный путь, то, значит, наступал закат...

Не слышно уже о многих друзьях-соперниках.

Заикин где-то за границей...

Николай Вихтуров погиб в Тифлисе. С борцом Разумовым они ехали в автомобиле. Шофер не успел затормозить на повороте, и машина на большой скорости презалась в телеграфный столб. Разумова выбросило на мостовую, Вахтуров скончался сразу. Тифлис проводил своего любимца в последний путь торжественно — в этот день были закрыты магазины и распущены по домам учащиеся...

Неразлучные Лурих и Аберг после большого и успешного турне по Америке в 1917 году вернулись в Россию и выступали в революционном Петрограде. К началу 1920 года они с группой борцов оказались в Армавире. И здесь их обоих захватила эпидемия сыпного тифа. 22 января в тифозном бараке скончался Георг Лурих. Не прошло и месяца, как за ним последовал Александр Аберг. Нелепа была смерть могучих атлетов, погибших от укусов ничтожных вшей...

Иван Максимович никак не мог прийти в себя после душевной травмы, едва не приведшей его в сумасшедший дом. И хотя жизнь вокруг расцветала новыми, яркими красками, хотя прежняя слава надежно укрывала его от неурядиц становления житейского, он все еще был в каком-то оцепенении, и мир виделся ему будто сквозь густую вуаль перенесенного страдания. Взгляд у него был отсутствующий, в лице появилось нечто утонченное, совсем не вязавшееся с грубыми чертами и всею мощью его гигантского тела.

Временами ему казалось, что и бороться вроде бы ни к чему, и не поднималась уже в нем прежняя ярость, удваивавшая его силы в критические моменты схваток.

В 1924 году в Москве во 2-м Госцирке Поддубный боролся с Иваном Чуфистовым и был им побежден.

Иван Поддубный сказал тогда своему тезке:

— Видишь, старею. Старость ты мою положил, Иван. Иначе ни за что не сдался бы, честное слово.

Однако вскоре течение его жизни повернулось так, что он предпочитал уже не говорить о своей старости...

3

Как-то Иван Максимович, выступая в Ростове-на-Дону, остался ночевать в доме у молодого борца Ивана Романовича Машошина. Здесь он и познакомился с его матерью Марией Семеновной Машошиной, которая жила на вдовьем положении и работала булочницей в пекарне. Встала она еще до света и хлопотала по дому, легко неся свое полное, при небольшом росточке, тело.

Иван Максимович тоже проснулся рано и, наблюдая за Марией Семеновной, вдруг остро почувствовал свое одиночество: не было у него ни дома, ни семьи. Позавтракав стряпней Марии Семеновны, он смущенно покашливал в кулак и расправлял свои рыжие усы...

С тех пор Иван Максимович зачастил в дом Машошиных.

— Вон жених идет,— говорили при виде него соседки.

Мария Семеновна краснела и отвечала им:

— Тоже мне жених. Чучело, а не жених...

Однако принимала она Ивана Максимовича радушно. Когда он наконец сделал предложение, она сказала ему, что уж не те у нее годы. Ей ли думать о замужестве, имея сорок три года за плечами и взрослого сына? На это Иван Максимович ответил, что сыну он будет вместо отца, а насчет своих лет Мария Семеновна грешит — женщина она такая, в самый раз под венец...

Уломал он Марию Семеновну, но только поймала она его на слове: согласилась стать его женой при условии, если они повенчаются. Пришлось Ивану Максимовичу пойти на это, хоть он и был равнодушен к религии.

К церкви он подкатил в автомобиле с еще двумя представительными борцами...

4

Вот так появилась у него семья. Сын — борец, выступавший под именем Яна Романыча, «красивый, а дельный». Хорошая жена.

На обустройство хозяйством молодоженам нужны были деньги, а потому Иван Максимович принял приглашение поехать на гастроли в Германию.

— Приезжаю. Встречают с опаской, выкладывают условия. Тех вот положить, а под такого-то лечь. Я им говорю: «Вы что, Поддубного забыли? Кто положит — под того я лягу». А они отвечают: «Ну, дело ваше, не согласны — так и бороться не будете». Я — в другой цирк. Потом в другой город, в третий. Всюду одно и то же. У них трест. Борцы борются, а хозяева расписывают, кто кого должен положить, — вспоминал Иван Максимович.

Так мытарился он целый год, пока не подписал контракта с чикагским антрепренером Джеком Пфефером и не сел 20 ноября 1925 года в Гамбурге на пароход «Дойчланд», отплывавший в Америку.

...Нью-Йорк вырос из тумана внезапно. Небоскребы его были похожи на могильные памятники, и весь он гляделся кладбищем лучших надежд человечества.

В мрачных осенних улицах гудел ветер, катя по мостовой скомканные газеты и всякую гниль. Шуршал поток пешеходов, одетых в дождевики. На уровне третьего этажа грохотали поезда надземной железной дороги. Проносились серые «форды». С афиш на прохожих темно глядела кинозвезда Глория Свенсон.

Поддубный не строил никаких иллюзий насчет этого турне, хотя у него не было такого советчика, как Куприн, который писал своему другу Ивану Заикину, поехавшему в США в том же году:

«Ты не напрасно боишься Америки. Это страна жулья. Антрепренер выжмет из человека все соки и выбросит. Но зато там, если понравиться, — только знай собирай доллары, как бабки, а у тебя этот дар — нравиться — есть в очень высокой степени, да и изобретателен ты на рекламу. Умные люди подписывают с американцами очень точные и жесткие контракты».

Такой контракт лежал у Поддубного в кармане, газетных репортеров он сразу же удивил своим внушительным видом и чугунной «тросточкой».

Рассказывают, что он дал ее подержать одному из них, и тот от неожиданной тяжести выпустил палицу из рук. Если это еще одна легенда, то все равно придумано неплохо.

Антрепренера расстроил возраст Ивана Максимовича. По американским законам атлеты старше тридцати восьми лет могли выступать только с разрешения специальной врачебной комиссии.

Поддубному было пятьдесят четыре.

Но и это обернулось удачей. Комиссия освидетельствовала Ивана Максимовича и установила, что по здоровью и прочим статьям ему не дать больше сорока лет. Вот это была реклама! Падкие на сенсации американцы с нетерпением ожидали выступлений Поддубного, которого газеты уже окрестили «Иваном Грозным».

Иван Максимович рассказывал:

— Мое первое выступление было встречено страшным шумом. Я даже растерялся. Объяснение дал мне один гражданин, говоривший по-русски, а затем мой менажер... Ларчик открывался просто. Все дело было в том, что меня представили публике как советского подданного и сильнейшего в мире борца. Американцы, большие шовинисты, не смогли снести этого укола национального самолюбия, подогреваемого вдобавок антисоветской кликой. Отсюда крик и шум, требование немедленного удаления не только со сцены, но и из Нью-Йорка. Я стал думать, как мне бороться с этим отношением нью-йоркской публики. И в следующем выступлении, на второй день, выйдя победителем, я в ответ на шум и крики лишь деликатно, с улыбкой раскланялся, сделав вид, что это не касается меня. И так продолжалось полторы недели. Но зато в прессе я получил наилучшие отзывы, как джентльмен и культурный борец...

В США классическая борьба была не в почете. Пришлось учиться вольной борьбе, почти не стесненной правилами. Чем жестче и свирепей схватка, тем больше успеха она имеет у американских зрителей.

«Золотой век» борьбы кончился, и она вырождалась. Американская публика увидела на ковре безобразных карликов, женщин, барахтавшихся в жидкой грязи, и звероподобных космачей, делавших вид, что сокрушают друг другу ребра, выламывают руки и зубы... Все это была фальшивка, рассчитанная на низкопробные вкусы.

Теперь уже все было в руках антрепренеров, не считавшихся ни с какими борцовскими авторитетами.

Поддубного преподносили как архаизм и сперва дали ему порезвиться.

Иван Максимович боролся на совесть. Летели на ковер и впечатывались в него лопатками известные борцы: Колоф, Гешто, Тормаши, Фогель, Мартинсон, Тафсалпос, Томпсон.

Вскоре Ивану Машошину пришло в Ростов из Америки письмо:

«Милый Ваня! Приветствую тебя и мамашу... Хочу с вами поделиться. Главный менажер Америки Курлей составил для меня и Владека Збышко контракт, который мы подписали и обязались бороться 18 января 1926 года. При подписании договора и обязательства нас сфотографировали с менажерами на рекламной почтовой карточке, которую посылаю вам на память...»

Карточка эта сохранилась. Текст на английском языке призывал американцев не пропустить «крупнейшую встречу всех времен». После лестной характеристики Ивана Максимовича была дана рекламная оценка его противника:

«Збышко окажет ему (Поддубному) самое упорное сопротивление в своей жизни. Именно Збышко встал на пути известного Заикина в его марше к титулу, и это он осилил немецкого борца Зигфрида, когда этот тевтонский завоеватель грозился увезти с собой мировую борцовскую корону...»

Владек Збышко был младшим братом того самого Станислава Збышко-Цыганевича, с которым когда-то мерился силами русский гигант. Младший Збышко быстро приспособился к американским нравам, был напорист и жесток. В борьбе с Заикиным, попав в почти безвыходное положение, он схватил русского борца за ухо и надорвал... Залитый кровью Заикин отказался от продолжения борьбы, заявив, что мог бы разорвать Збышко пополам, если бы ему не претили такие зверские обычаи... Американские судьи зачли Заикину поражение.

Иван Максимович тоже испытал прелести «грязной борьбы». Канадец Джо Гешто, которого Поддубный быстро бросил на ковер и дожимал грудью схватил его за усы... Но это не помогло. Поддубный разделался с ним по-своему...

О его встрече с Мартинсоном в Кливленде местный репортер писал:

«Поддубный раскланивается, добродушно улыбается публике. Так же тепло здороваются со своим противни-

ком, который волком смотрит на русского. Поддубный атакует. Мартинсон защищается. Он пускает в ход запрещенные приемы...»

Можно ли назвать «приемом» удар кулаком по лицу? Мало того, Мартинсон исполосовал лицо Поддубного ногтями. Правда, за это Иван Максимович едва не свернул ему шею, положив на лопатки вполне законным способом, но в сердцах...

Владек Збышко похвалялся, что положит Поддубного в десять минут, но вскоре жена и сын Ивана Максимовича получили новое письмо: «Матч со Збышко закончился в мою пользу. Потребовалось всего сорок четыре секунды (!), и победа за мной...»

Збышко пытался применить прием, который в свое время был описан Куприным в рассказе «В цирке»: «Там (в Америке.— Д. Ж.) борцы давят друг друга за горло, зажимают противнику рот и нос, охватывая его голову страшным приемом, называемым железным ошейником, лишают его сознания искусным нажатием на сонные артерии...»

Поддубный высвободил голову одним поворотом могучей шеи и поспешил уложить Збышко на ковер, чтобы не вводить того в соблазн пустить в ход новое «секретное оружие»...

Соединенные Штаты были в самом разгаре своих «ревущих двадцатых». Капиталистический бум наполнял кошельки американцев, пускавших во все тяжкие. Они благословляли президентство Кулиджа, не подозревая, что близится час расплаты — великий кризис и разорение 1929 года.

А пока американцы в жажде зрелищ заполняли подпольные кабаре и спортивные залы. Кумиром болельщиков вот уже десяток лет был борец Джо Стечер, бывший фермер из штата Небраска. Его «открыл» спортивный предприниматель Джек Кэрли, тот самый «главный менеджер Америки Курлей», о котором писал родным Иван Максимович.

Кэрли называли в Америке «королем борьбы». В развитии заокеанского атлетизма он сыграл ту же роль, что и Дядя Ваня в России. Благодаря ему мир узнал о Гоче, победителе Станислава Збышко и Гаккеншмидта, он организовывал матчи с участием Эда Льюиса, прозванного «Душителем» за его захват головы, после чего против-

нику оставалось либо сдаться, либо быть действительно задушенным.

После войны титул чемпиона мира с переменным успехом оспаривался в основном Льюисом и Стечером. Помехой в работе этого отлаженного американского механизма было появление в Америке старика Станислава Збышко-Цыганевича, который, потренировавшись, вызвал на бой «Душителя» — Льюиса. Первую схватку «Душитель» выиграл по очкам. Во второй схватке Льюис бросился на поляка, как тигр, но старый Збышко спокойно сделал шаг в сторону и придавил промахнувшегося «Душителя» к коврику.

«Старая гвардия» показала, что у нее есть еще порох в пороховницах. Но этот порох уже иссякал — Збышко следом проиграл несколько встреч не первоклассным борцам.

Разбогател Збышко чисто по-американски. В одном из нью-йоркских иллюстрированных журналов появилась статья о дарвиновской теории, и для вящего доказательства происхождения человека от обезьяны журналисты поместили рядом фотографии гориллы и... Збышко-Цыганевича. Борец возмутился и предъявил издателям журнала иск. Суд счел такое сопоставление насмешкой над знаменитым борцом, и моральный ущерб по настоянию адвокатов Збышко был оценен в... 240 тысяч долларов, каковые и были уплачены поляку издателями журнала.

Во время пребывания в США Поддубного чемпионом считался Джо Стечер. Он был долговяз, сутул, с маленькой головой и глубоко сидящими бесцветными глазами. Ноги у него были невероятной толщины и цепкости. Им-то и был обязан Джо Стечер своей славой. Меланхолично жуя резинку, он оплетал противников своими могучими ногами, и разжать их было почти невозможно.

«Небрасские ножницы» приносили мистеру Кэрли немалые доходы. Он успешно испытал их на Заикине, а теперь решил устроить встречу Стечера с Поддубным.

Реклама была самая звонкая. Она привлекла на встречу «Небрасских ножниц» с «Русским медведем» небывалое число зрителей.

Иван Максимович разжал «ножницы». Но когда он взял американца за передний пояс и хотел перекинуть через себя, став на мост, ноги Стечера оплели его ноги,

и прием не удался... Ему не удалось провести чисто ни одного приема. А Стечер действовал вообще однообразно — только ногами. Но он приводил этим публику в бешеный восторг.

Газеты объявили победившего Стечера «чемпионом мира», а Поддубному в утешение дали титул «чемпиона Америки».

«Поддубный, русский гигант с бледной кожей и подкрученными казацкими усами, боролся на ковре 2000 раз и через двадцать лет после встречи со Збышко (в Лондоне.— Д. Ж.) был еще способен выстоять двадцать девять минут против чемпиона мира Стечера в Нью-Йорке»,— говорится в «Иллюстрированной истории борьбы», изданной недавно в Лондоне.

Иван Максимович боролся в Чикаго, Филадельфии, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско и других городах. Он прекрасно понимал, что становится марионеткой в надувательских спектаклях, которые устраивали ради наживы американские менажеры...

В феврале 1927 года Поддубный выехал на родину. Его уговаривали остаться в США насовсем, шантажировали, задерживали выплату денег... Но Поддубный был готов отказаться даже от целого состояния, которое причиталось ему за американское турне. Он тосковал по дому, писал в письмах, что хочется ему отведать черной редьки, которой тут не сыщешь.

«И сирень здесь совсем не пахнет».

Больше всего не полюбились ему американские нравы. Он потом часто вспоминал о жестокосердии американцев, о торгашеском духе, пропитавшем все их существование. Вспоминал драки во время матчей, «страшный вой», летящие на ринг трости и бутылки, издевательства над побежденными.

Русская публика, говорил он, «культурно встречает противников и добродушно смотрит на спорт». В острые моменты она не шумит, ожидает результата и награждает победителя аплодисментами только в том случае, если он сражался справедливо.

«А у американской публики получается наоборот в тех случаях, когда один из противников попадает в опасное положение, а другой не в силах его скоро положить, то есть дожать... Эти джентльмены, прекрасно одетые, в хороших шляпах, цилиндрах, с пенсне на глазах, при

моноклях, встают на ноги и с ярим темпераментом орут дикими голосами так, что у некоторых даже со рта появляется слюна: «Скорей! Скорей! Скорей! Дожимай! Делай ключ! Ломай руку!..»

5

Родина встретила своего знаменитого патриота торжественно.

Мария Семеновна приехала встречать мужа в Ленинград. Когда пароход из Штеттина подошел к пристани, грянул оркестр. Посмотрела Мария Семеновна на своего мужа-богатыря, на великое множество людей, собравшихся на пристани, и, по ее словам, ужаснулась. За кого же она вышла замуж? А ведь когда он ухаживал, она еще раздумывала, ломалась, соседкам говорила: «Не пойду я за это чучело с усами»...

Иван Максимович стоял рядом с ней в толпе горой и улыбался от счастья...

В честь Поддубного на стадионе имени Ленина был устроен спортивный праздник.

На Петровском проспекте, который идет к стадиону, все деревья были облеплены мальчишками, жаждавшими увидеть «чемпиона чемпионов». Собрались все спортсмены Ленинграда — состязались легкоатлеты, устроили гонки велосипедисты. И, наконец, на ковер вышли борцы.

Иван Максимович боролся с «русским самородком» Петром Лютовым.

Когда показался виновник праздника, кто-то из публики крикнул:

— Крепок еще старик, не подкачает!

Борьба проводилась по «вольно-американской» системе. На девятой минуте Поддубный положил Лютова. После пятиминутного перерыва совершенно свежий Поддубный бросил Лютова еще раз на седьмой минуте.

«Публика, желая поближе увидеть Поддубного, прорвала милицейскую цепь и сгрудилась у ринга. Поддубному под оглушительный рев толпы поднесли приветственный адрес ленинградских спортсменов».

17 июня Иван Максимович боролся на открытой сцене Таврического сада с известным московским борцом Александром Калишевичем и одержал победу.

В Ленинграде же Поддубный обнародовал такое заявление:

«Я, борец Иван Поддубный, возвратившись из Америки в СССР, считаю своим долгом оповестить всех спортсменов, что ввиду своих солидных лет решил оставить свою профессию борца, проработав еще короткое время лишь для того, чтобы найти себе среди русских борцов **настоящего преемника и передать** ему звание **настоящего чемпиона мира**, которое я сумел до сих пор удержать, а потому предлагаю молодежи подтянуться и потренироваться, чтобы выступить со мной в борьбе...»

В 1928 году пришел из Соединенных Штатов пакет с бланком контракта. Некий Рудольф Миллер, спортивный антрепренер из Нью-Йорка, предлагал ему 65 процентов со сбора за новые выступления в Америке.

В США Поддубный больше не поехал, зато охотно принимал приглашения из разных наших городов, вплоть до Кзыл-Орды, откуда рабочие местной типографии потом прислали ему письмо с благодарностью за «прекрасное спортивное искусство».

В конце сентября 1928 года его пригласили принять участие в матчах французской борьбы в курском цирке «братьев Танти».

9 октября цирк был полон — куряне пришли посмотреть на мировую знаменитость. Поддубного встретили овацией. Дядя Ваня, как встарь, провозгласил все титулы Ивана Максимовича, прочитал приветствия от жюри, местных спортсменов и любителей борьбы. Иван Владимирович побывал в эмиграции и хлебнул там горя. Теперь он откровенно радовался встрече с «Максимычем», хотя до революции они были не особенно дружны.

Для начала Поддубный встретился с Елисеем Жилиным, известным борцом, прославившимся тогда в Москве своими победами под маской «Динамо». На 19-й минуте Иван Максимович «рычагом» перевернул его на спину.

«Этой первой борьбой с крупным борцом,— восторженно писал местный спортивный летописец,— Поддубный показал, что «батяка» еще не сдает, несмотря на возраст, а находится в хорошей форме. Когда медведь насядет на человека, когда последнего начинают воро-

чать чудовищно сильные лапы — «страшно становится за человека...»

Но впереди была еще встреча с Клементием Булем, борцом невероятно ловким и упорным, а главное, считавшимся победителем Ивана Максимовича.

В первой схватке они лишь изучали друг друга. Во второй Буль стал ловить «папашу» на прием. Но Поддубный довольно легко освободился от захватов — он был на 28 килограммов тяжелее противника, весившего «все-го» 96 килограммов. Буль приемом «тур-де-тет» пытался перебросить своего громадного соперника, но сил у него не хватило, и он сам оказался в «партере». Поддубный навалился на него, зажал коленями ногу и перевернул на лопатки. Это было против правил. Борцы встали, и Иван Максимович еще 60 минут напрасно пытался положить ловкого Буля.

Встреча была признана ничейной, но Дядя Ваня, согласно правилам, объявил победителем Буля, как более легкого. Всех остальных борцов Иван Максимович положил без труда.

«ЛИШЬ СМЕРТЬ НЕ МОГ ОН ПОБЕДИТЬ»

1

По возвращении из-за границы Иван Максимович с женой поехали в курортный городок Ейск и купили там просторный дом с садом.

Этот дом на углу Керченской и Сенной улиц, переименованных ныне в Пушкинскую и Советов, полюбился им сразу. Под окнами росли тогда еще небольшие акации и начинался спуск к тихой воде лимана, на которой застыли сотни рыбацких лодок.

У себя в саду Поддубный ежедневно тренировался с теннисным мячом, штангой и гирями.

Матери Поддубного было уже за восемьдесят. Она по-прежнему жила в Красёновке, в той самой старой хате, в которой шестьдесят лет назад родила своего первенца. Иван Максимович часто писал ей, звал жить к себе, а она все не соглашалась. Он рассказывал ей о своем новом доме, о благодатной жизни на берегу Азовского моря и все-таки уговаривал.

Анна Даниловна приехала вместе с дочерью Евдокией. Сын поселил ее в отдельной комнате. Невестка всякий день покупала ей на базаре южные фрукты, которыми Иван Максимович потчевал старушку настойчиво и трогательно.

— Кушайте, мама, таких в Красенивке нэма...

Но уже через неделю старушка затосковала и стала причитать:

— А як хата моя там, груша да слива? И кто там теперь хозяйнует?

Так и уехала обратно в Красёновку. Умерла Анна Даниловна на восемьдесят шестом году жизни.

В родное село Иван Максимович больше не наезжал. Однажды боролся неподалеку, в Кременчуге, и на встречу с ним поехала его младшая сестра — Евдокия. Она рассказывает об этом так:

— Встретились. Он мне говорит: «Ты, Дуся, вечером приезжай ко мне в цирк. Извозчика спросишь, он меня найдет. Только не забудь, возьми с собой кошелку». Думаю, зачем ему кошелка? Поехала. Лезу сразу на галерку, а то я горячая: если внизу сяду, на арену выскочу, брату помогать начну. Отборолись... Брат говорит: «Давай кошелку». Ушел куда-то и выносит полную кошелку рублей. Вышли мы из цирка, а там его уж сотня беспризорников ждет. Все чумазые, рваные... И стал он им деньги бросать. Они хватают, борются друг с другом, а он смеется. Пособирали. Подъехала бричка, мы сели и поехали на квартиру. Беспризорники за нами побежали. Приехали мы, а они молча выстроились у двери и проводили нас. Иван говорит мне: «Дуся, я всегда с беспризорниками дружу, они сироты, это надо понимать... И ты знаешь, у меня ни разу никто часов не снял, и они еще следят, чтобы никто другой меня не обокрал...»

В Ейске Поддубного терпеливо ждала Мария Семеновна. Дом у нее был в образцовом порядке. Старики приобрели простую, но прочную мебель. По вечерам принимали знакомых, пили чай из тульского самовара с медалями Баташевского завода...

Но Ивану Максимовичу все не сидится на месте. На улицу Советов, 153 то и дело приходят телеграммы и письма с приглашениями на гастроли. И всякий год Мария Семеновна провожает мужа в дальние странствия. Баку, Воронеж, Сталинград, Одесса, Астрахань, Иркутск,

Казань, Челябинск, Архангельск — вот далеко не полный перечень городов, в которых выступает Иван Максимович. И на всех чемпионатах его встречают с восторгом.

Таких чемпионатов в цирках тридцатых годов проводилось одновременно до двенадцати. Они делали полные сборы. Не говоря уже о Поддубном, борцы Василий Ялков, Василий Боровский, Осман Абдурахман, Франк Гуд, Федор Кожемяка, Петр Чуркин, Ян Цыган, Орленок, Владимир Плясуля были в славе не меньшей, чем футболисты. И они делали доброе дело — были примером для тех, кто желал стать сильным.

В 1937 году исполнилось сорок лет победам феодосийского грузчика в цирке Бескоровайного, а он в свои шестьдесят шесть все не покидал ковра. Поразительно это спортивное долголетие. Правда, молодые борцы старались не ставить его в неловкое положение, берегли его имя, «увесистое, как жернов», по выражению чемпиона мира Александра Мазура, который был тогда профессионалом и выступал в цирковых чемпионатах, значась на афишах Богатыревым.

— С этого хохла выйдет толк, жаль только, что у него сердца не хватает...— сказал как-то Иван Максимович.

У многих борцов тогда были не настоящие имена, а, по традиции, псевдонимы. Некоторые присваивали себе имена знаменитых дореволюционных борцов — Георга Луриха или Александра Богатырева, другие — имена иностранные. А третьи брали имена в то время модные. Так, борец Леонид Тихомиров выступал под именем Льва Бродского.

Очень популярен был Ян Цыган, он же Иван Карпович Куксенко. «Нашли» его на пляже в Сухуми, где этот моторист с теплохода «Грузия» удивлял загорающую публику своим богатырским сложением. При росте метр восемьдесят два грудь у него была 124 сантиметра. Он вместе с Иваном Максимовичем был награжден орденом.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 ноября 1939 года о награждении Ивана Максимовича Поддубного за выдающиеся заслуги в деле развития советского спорта орденом Трудового Красного Знамени и о присвоении ему звания заслуженного артиста РСФСР вызвал поток поздравительных писем. В те годы орде-

ноносцев было сравнительно мало, они пользовались необыкновенным почетом и уважением.

Вручал орден сам «всесоюзный староста» — Михаил Иванович Калинин.

Этому награждению предшествовало событие, которое как бы всколыхнуло память современников Поддубного, заставило заговорить о нем даже в Кремле. Нет, он не совершил никакого нового подвига на цирковой арене. Просто произошло то, что и должно было произойти: народное признание повлекло за собой признание официальное. Очевидцы в своих воспоминаниях не противоречат друг другу, и поэтому я выбрал из их рассказов наиболее красочный.

Занимаясь поисками материалов о Поддубном, я нашел в государственном фотоархиве снимок: на каком-то помосте, опершись на вазу с цветами, стоят два гиганта. Один — молодой, красивый, другой — пожилой, с усами. Позади молодого щит с надписью: «Чемпион СССР по борьбе 1939 года Александр Сенаторов». А позади пожилого написано: «Чемпион мира по борьбе 1898—1939 гг. Иван Поддубный».

Александр Андреевич Сенаторов и сейчас связан со спортом — работает в Комитете по физкультуре и спорту. Ему шестьдесят пять лет, но он по-прежнему красив, подтянут, выглядит молодо.

— Вот она где, молодость-то, — сказал он и, взявшись за ручку двухпудовой гири, стоявшей рядом с его служебным креслом, легко выжал ее несколько раз. — Не расстанусь с гирькой...

— Смотри ты, какой я был в тридцать девятом, — продолжал он, разглядывая фотографию и показывая ее сослуживцам. — Помню, где снимали. У Красной площади. Тут и гостиница «Москва» видна. Иван Максимович Поддубный приехал из Ейска на физкультурный парад и жил как раз в этой гостинице. Сборный пункт нашей колонны, спартаковцев, был у Никитских ворот. Я зашел за Иваном Максимовичем, а у него уже сидит Чесноков, журналист старый... Мы разделись и в трико вышли из «Москвы». Дошли до Университета, но там улицу Герцена перегородила цепь милиции, а пропусков у нас с собой нет — в трико ведь! Тут кто-то и крикнул: «Да это же Поддубный! Смотрите, Поддубный!» Милиция тотчас взяла под козырек и пропустила нас, а Чеснокова

задержали. Идем, люди кругом аплодируют, кричат: «Поддубный! Поддубный!»

— А на чем же вы тут стоите? — спросил я Сенаторова, показывая на фотографию.

— На колеснице. Ее должны были на руках прокатить по Красной площади спортсмены. Это Старостин придумал. Поддубный и я на колеснице — передача эстафеты от поколения к поколению. Как только въехали на Красную площадь, Ивана Максимовича узнали — кричат, аплодируют. На Мавзолее первым его заметил Михаил Иванович Калинин и первым же начал аплодировать. Михаил Иванович любил сильных и здоровых. Ведь это он сказал: «Какое же может быть счастье без хорошего, крепкого здоровья?» Только парад чуть не кончился для нас трагически...

— Как! — едва ли не хором воскликнули слушатели Сенаторова.

— А так. Проехали мы Красную площадь, миновали Василия Блаженного, а там народ опять Поддубного узнал, кричат, цепь прорвали и к нам... Вижу, дело плохо: помнут или совсем задавят! У меня глаз наметанный: я прежде в милиции служил. Говорю: «Иван Максимович, спасаемся!» Он посмотрел и тоже говорит: «Тикать надо, Саша». Не помню уж, как мы выбрались из этой переделки... Вот какая слава была у Ивана Максимовича Поддубного...

2

Мне, что называется, повезло. Едва ли не на другой день Александр Андреевич Сенаторов сообщил мне, что ровно через неделю, а именно 7 октября 1971 года, в курортном городе Ейске будет торжественно отмечаться столетие со дня рождения Поддубного и что туда приглашены его родственники и борцы-ветераны.

— Кто приглашен? — уточнял я.

— Посланы приглашения почти всем, кто хоть как-то был связан с Поддубным. А кто приедет — не знаю. Помните, что Ивану Максимовичу было бы сейчас сто лет...

Через несколько дней я уже был в Ростове-на-Дону.

Капризная осень, поившая багрец подмосковных лесов несильным, но устойчивым солнечным светом, дохнула холодом на южные края, и я шел по ростовскому

аэродрому, утопая по щиколотку в снегу. Местные рейсы были отменены. Радио спокойно объявило, что ейское летное поле погребено под снегом и над ним гуляет порывистый ветер, способный перевернуть легкие бипланы, которые летали на этой линии.

Огорчен был не я один. В толпе, осаждавшей дежурного, я заметил кряжистого пожилого человека и с первого же взгляда на его могучий затылок, сливавшийся без всякого перехода со складчатой широкой шеей, понял, что это бывший борец. Он прислушивался к нервным вопросам пассажиров и полным неопределенности ответам дежурного.

— И завтра, наверно, самолетов не будет. Погода, снег...

На массивном розовом, без единой морщинки лице борца не дрогнул ни один мускул, но из внезапно потемневших глаз брызнула такая досада, что я невольно подался вперед и оказался рядом с ним.

— Вы тоже на праздник! В Ейск? — спросил он, разглядев во мне товарища по несчастью.

— Да. А вы знали Поддубного?

— Ивана-то Максимовича? Еще бы! Я ж его крестник. Позвольте представиться — Михаил Иванович Греков. Бывший борец. Я с Ростова. Наши все еще вчера поездом уехали, а я решил самолетом... Так что же мы стоим? Сядем, подождем. Может, что и прояснится...

Усевшись в глубокое металлическое кресло, он согнул руку, и ткань его просторного пиджака оттопырилась бицепсом величиной с человеческую голову.

— Сила и здоровье! — с простодушной гордостью произнес Греков. — Ивана Максимовича Поддубного школа... Тренируюсь каждый день с гирями и мячиком, как он учил. Ну как?

— Завидно, — признался я.

— Не скажу, что был его другом... Где нам до него — как на бога смотрели! А вот на жизнь мою он повлиял сильно. Я ведь начал спортом заниматься, потому что совсем еще пацаном увидел Поддубного. Что у нас в Ростове творилось, когда он приезжал! Билетов в цирк не достанешь ни за какие деньги. Вокруг цирка — конный заслон... И разговоры все о нем, все о нем... Хотите верьте, хотите нет, а выпало мне тогда такое счастье, что и передать вам не могу. Верчусь я, знаете ли, возле цир-

ка, мечтаю попасть и вдруг... глазам своим не верю: сам Поддубный идет с чемоданчиком, усы и все такое... Я к нему: «Разрешите ваш чемоданчик поднести», а он посмотрел на меня сверху и усмехнулся: «Ну что ж, поднеси». Прошел я с ним в цирк. Вот тут-то все и началось... Красиво боролся Иван Максимович, я прямо обмирал от восторга! На другой день я пришел к нему в гостиницу. Он оглядел меня и говорит: «Вот что. Я тебе дам рекомендательную записку в спортивное общество, будешь заниматься борьбой». Многим он так-то дорогу в спорт указал. Я и теперь еще выступаю.

Греков извлек из чемоданчика афишу, на которой большими красными буквами было напечатано:

«Выступление старейшего спортсмена Дона Михаила Грекова. Путь к здоровью, силе и долголетию...»

Под надписью на неясной синей фотографии Греков держал над головой две громадные гири. Рядом он же делал мост. На груди Грекова лежала широкая доска, а на ней сидели и стояли десятка два парней.

В памяти всплыла картина двадцатипятилетней давности. Гарнизонный клуб, куда я привел солдат своей роты; на сцене пожилой, но могучий дядя подбрасывает и ловит двухпудовые гири, поднимает целую гроздь облепивших его солдат... И ведь заразил, заразил же такой вот Греков всю роту, появились в казарме гири, началась азартная накачка мускулов и борьба за первенство!

Уже через месяц командир батальона тихо подошел к солдатам, которые столпились вокруг ротного силача, казалось без всякого усилия выжимавшего двухпудовую гирю второй десяткой раз. Постояв немного, батальонный удивленно спросил:

— Да что она у тебя, Фетисов, картонная, что ли?

И я было подумал, уж не сам ли Греков выступал тогда в клубе, как старый атлет достал из кармана пиджака какое-то письмо, аккуратно завернутое в целлофан.

— А ведь мы с Иваном Максимовичем Поддубным вместе выступали со спортивно-оздоровительной программой. Ему уж тогда за семьдесят пять было. Потом с ним случилась беда... Прислал он мне в Ростов письмо...

Письмо Греков держал своими толстыми, могучими пальцами бережно, как величайшую драгоценность, да оно и было для него бесценной реликвией, воскрешав-

шей его связь с самым замечательным борцом прошлого. Выпустил из рук письмо он неохотно, а я сразу впился глазами в листки, исписанные каким-то квадратным рубленным почерком, во фразы, где не было иных знаков препинания, кроме точек, в слова, не подчиняющиеся признанной орфографии...

Я заставил себя оторваться от письма и взглянул на Грекова. Глаза его были тоскливы: для него столетие Поддубного было не просто датой в календаре...

Фортуна бывает снисходительна к отчаявшимся так часто, что уже начинаешь не верить в закон, подтвержденный ныне даже учеными математиками и называемый в просторечии «законом бутерброда». И вот уже десятиместный биПЛЕН, раскачиваясь, помчался по заснеженному полю.

Оторвавшись от земли, он как бы повис над окраинами Ростова. Скорость его была невелика, и потому внизу еще долго виднелась темная широкая лента Дона...

В самолете Греков стал самим собой. Уныния как не бывало, он похихатывал. Чувствовалось, что для самоутверждения ему не хватает небольшой похвалы. И Михаил Иванович напросился на нее сам...

— Как вы думаете, сколько мне лет?

— Пятьдесят... Ну, пятьдесят пять,— ответил я.

— Ха-ха-ха! Семьдесят три! — почти выкрикнул он торжествующе.

3

В Ейске был мертвый сезон.

Азовские лиманы уже не влекли к себе курортников. Но многоэтажная гостиница была набита битком, и коридоры ее казались особенно узкими, потому что ходили по ним люди очень крупные, настоящие богатыри.

Казалось, сюда втиснулась вся история классической борьбы последнего полувека. Ожили страницы газет и победные репортажи со спортивных ристалищ, ожили и громкие афиши времен цирковой борьбы. Изячно и легко двигался Иоганнес Коткас, чудо-спортсмен, который не только был чемпионом по борьбе в тяжелом весе, но и поражал своими результатами в беге на короткие дистанции. Из Прибалтики же приехал старый цирковой борец Бригманис. Из

Москвы прилетели Алексей Катулин, Александр Сенаторов и Александр Мазур, из Ростова — Виктор Соколов и Михаил Греков. Тут же были Михаил Стрижак и Владимир Плясуля... Им почтительно уступали дорогу двухметровые молодые тяжеловесы, которым предстояло помериться силами в турнире, посвященном столетию Ивана Максимовича Поддубного.

Превозмогая старческую немощь, приехали почитатели Поддубного с дореволюционных времен. Собрались и родственники великого борца, среди которых выделялась дородностью круглолицая его племянница Мария Степановна. Взволнованная дальней поездкой и всеобщим вниманием, она теребила вышитые украинские рушники, что привезла в музей своего дяди.

— Як телеграмма прийшла, я чоботы намысто надела и вот я туточки. Мама моя старенька, Евдокия Максимовна, плачет. Я ей: «Що вы, мама?», — а вона: «Як же ты, дочка, на чужині будешь?.. Говорите, на дядю похожа? Та похожа ж, у нас, у Золотоноше, уси так говорить...

Торжество и в самом деле заваривалось нешуточное — тут тебе и турнир, и состязания на стадионе, и открытие мемориальной доски на доме, где жил и умер Поддубный, и торжественное заседание с вручением наград, и, наконец, открытие целого мемориального комплекса в парке его имени...

Я пошел зеленой улицей мимо уже угомонившегося базара к дому Ивана Максимовича. Проглянувшее солнце выискивало просветы в листве громадных деревьев иставляло празднично сверкать вздыбившуюся грязь весенней мостовой. Невысокие заборы отделяли от улицы дворы, затененные разросшейся лозой, добротные дома.

Таким был и дом Ивана Максимовича на перекрестье улиц, где уже выстроились пионеры из окрестных школ, оппились горожане. У калитки стояли новые хозяева дома, пустившие меня в комнаты, в которых уже ничего не осталось от Поддубных: все перешло наследникам, а остатки немудреной мебели взял музей.

Но это всегда интересно — знать что-либо по документам и вдруг очутиться на месте и увидеть все своими глазами, как бы услышать далекие голоса, запечатленные, может быть, в верчении атомов, из которых составлено все, и стены дома тоже. За штукатуркой не много увидишь, но я точно знаю, что они из бревен, что с на-

ружной стороны они обложены кирпичом, я знаю, как улучшал свой дом Иван Максимович и как росла страховка, отражая возраставшую стоимость этой недвижимости.

И еще я знаю многое про обиды и про радости семейные и несемейные, которым пока не место и не время всплывать на всеобщее обозрение. Я слышу легенды, которые бродят и по Ейску. Уже кто-то рассказал мне, что во время немецкой оккупации Поддубный из гордости ходил по городу при своем ордене Красного Знамени и даже будто бы ударил фашиста, ухватившегося за орден... Чтобы прокормить семью и себя, всемирно известный «чемпион чемпионов» был вынужден работать маркером в городской бильярдной. Как только Ейск освободили, городской исполком позаботился о выдаче ему карточек в столовую и вдобавок сухого пайка по литературе «Б», который получали тогда нужные специалисты.

В 1945 году семидесятичетырехлетнему Поддубному присвоили звание заслуженного мастера спорта СССР.

Иван Максимович был нужен стране в тяжелые годы, и он это понимал. Старик ездил по воинским частям, и его слово, слово Поддубного, принималось бойцами душевно. Местная газета запечатлела его речь перед курсантами Ейского авиационного училища.

— Силу, мужество и способность побеждать, — сказал Иван Максимович, — эти черты русского народа, который меня взрастил, наши красные богатыри показали и в боях... Хорошим летчиком можно стать при высокой физической подготовке. Мой совет вам, будущим летчикам: серьезно и повседневно заниматься спортом.

Популярность — штука не совсем изученная. Она не всегда навязывается рекламой, и специалисты в этой области часто осекались, сталкиваясь с народной психологией. Заметка в газете пройдет незамеченной, а вот такой случай, услышанный в солдатской курилке, западет в память навсегда:

Какие-то бандиты, не знавшие Поддубного, остановили будто бы Ивана Максимовича на темной улице.

— А ну, раздевайся, давай сюда пальто!

Их было трое.

— Да что ж вы, хлопцы? Старик же я, — сказал Иван Максимович и развел руками.

Схватить двоих бандитов за шиворот и стукнуть голо-

нами было для него делом одного мгновения. Перебросив их через забор, Поддубный напал на третьего, пустившемуся было бежать, ногой так, что тот взвился в воздух и упал без сознания...

Возможно, это анекдот, придуманный ейскими жителями или курсантами, а может быть, правда... Ведь приводят же в серьезных книгах подобный случай с Ломоносовым, а уж Поддубному отличиться в такой ситуации и сам бог велел!

Он и в семьдесят пять лет был бодр, выступал с воспоминаниями, вел обширную переписку, давал советы, чем и как питаться спортсменам, как закалять организм...

В его «Слове к черноморцам» говорится:

«Моя система заключается в следующем: прежде всего, я всегда вел умеренный образ жизни. Особенное предпочтение отдавал водолечению. Снимаю халат и даю телу охладиться, затем мою голову, обтираю все тело влажным полотенцем и только после этого, подготовив организм, выливаю на себя ведро воды или же принимаю в холодной воде минутную ванну...»

Там же он сообщал: «Перед ответственными выступлениями прекращаю тренировки за 48 часов...»

У многих до сих пор хранятся листочки с его советами.

Люди, видевшие его впервые, смотрели на старика как на чудо — Поддубный принадлежал уже истории.

Его радовали победы, которые одержали на первенстве Европы в 1947 году Белов, Коберидзе, Коткас. Поддубный, обращаясь к советским борцам, писал:

«Мои дорогие сыны! Я счастлив видеть свое имя рядом с вашими именами. Вы принесли такие победы нашему родному спорту, какие нам, старикам, и не снились. И я знаю, что это только начало...»

Всю свою жизнь я отдал тому, чтобы поддержать спортивную честь своей Родины, которую я любил и люблю больше всего на свете. Сейчас я уже стар, выступать на манеже не могу, но вижу, какая талантливая молодежь меня заменила. И как ее много! С гордостью и радостью я слежу за вашими победами и говорю себе: «Можешь быть спокоен, Иван Максимович. Дело, которому ты отдал всю жизнь, перешло в надежные руки.»

Подписывался он так: «Русский Богатырь Иван Поддубный», считая этот титул скромным. В одном из пи-

сем он объяснял, что «богатырь — это русское название сильного человека, но силачей очень много, а чемпионов вообще мало было во всем мире, чемпионство связано с искусством, техникой и т. д.». Снова наивная хитрость — очень уж гордился Иван Максимович своим уникальным титулом «чемпиона чемпионов»!

...И вот уже сдернуто полотно с доски. Пионеры стоят подняв руки в салюте...

В ЭТОМ ДОМЕ С 1927 ПО 1949 ГОД
ЖИЛ РУССКИЙ БОГАТЫРЬ
ИВАН МАКСИМОВИЧ
ПОДДУБНЫЙ

Заслуженный артист РСФСР. Заслуженный мастер спорта СССР.
Чемпион мира по классической борьбе.

Я ухожу, оглядываясь на дом. Вымытые окна его отражают деревья и голубое небо. Мне надо спешить на встречу старых борцов с курсантами военного училища...

Александр Сенаторов поднимал мизинцем двухпудовые гири, свивал пальцами громадные гвозди, которые сами были толщиной в палец. Потом курсантов увлек веселой силовой игрой Михаил Греков...

Глядя на возбужденные лица юношей, на их невольно напрягавшиеся мышцы, я видел знакомые симптомы полевой атлетической болезни...

4

Хозяева постарались на славу.

Мемориал Поддубного — просторное здание с громадными окнами, с широкой лестницей и козырьком над ней — стоит в центре старого парка. В нижнем этаже его оборудовали зал для тренировки борцов, а в верхнем разместился музей великого борца. Инициативу создания этого мемориала взяло на себя местное отделение Общества охраны памятников. Оно сделало первый взнос и пустило «шапку по кругу». Директора местных предприятий и окрестных богатых кубанских колхозов поддержали начинание.

На торжество открытия здания собрались тысячи людей. Говорились речи.

В тот день музей посетил весь Ейск. У подножия лестницы выстроилась длинная очередь. Люди входили в зал, украшенный портретами и афишами чемпионатов. Они увидели реконструированные комнаты дома Поддубного, его личные вещи. Глядя на громадные «борцовки» Ивана Максимовича — специальную обувь для борьбы, я не мог не вспомнить рассказ своего отца о том, как он видел Поддубного в Кисловодске и как мальчишки — чистильщики сапог брали с борца двойную плату за наведение глянца на его непомерные ботинки.

Из музея люди шли к могиле Поддубного, которая была тут же, в парке...

Жить бы и здравствовать Ивану Максимовичу до ста лет, если бы не прискорбный случай — неудачное падение и перелом бедра на семьдесят седьмом году жизни. Кость не срасталась очень долго. Постельный режим оказался губительным для человека, который всю жизнь испытывал громадные физические нагрузки и до самой старости проделывал ежедневно упражнения с двухпудовыми гирями.

Но Поддубный не хотел сдаваться. Он лечился травами. Как только встал на костыли, тотчас принялся вышибать клин клином. Нельзя без громадного уважения читать такие строки из его письма Михаилу Грекову:

«Тренировку делаю на одном костыле и даже с палочкой иногда пробую. Улучшение чувствую, так как при большой нагрузке воспаление прекратилось, стопа перестала опухать. Если я много хожу, получается небольшое воспаление. Я сразу же делаю сидячую ванну, двадцатиградусную, холодную... и этим жару убиваю...»

Но разрушительный процесс был необратим. Стало шалить сердце. Поддубный ослаб и затосковал.

Иван Максимович с Марией Семеновной не чаяли души друг в друге. Вместе они горевали о сыне Марии Семеновны: Иван Машошин, ставший главным инженером крупного ростовского завода, погиб во время войны.

Вечером 7 августа 1949 года Иван Максимович был весел, рассказывал байки, а на другой день утром ему вдруг стало очень плохо. В шесть часов он скончался.

В те дни в Ейск прилетели Климентий Буль, Александр Мазур, Арсен Мекокишвили...

Они с трудом протолкались в Дом культуры, где стоял гроб с телом Поддубного. Все окрестные улицы были сплошь заполнены народом — не только жителями Ейска, но и крестьянами из соседних сел и деревень. Дюжие хлеборобы, загорелые дочерна на кубанском солнце, стояли молча, ждали очереди, чтобы проститься с человеком, который стал еще при жизни легендой. И тут же творились новые легенды, которые будут передаваться из уст в уста и запоминаться покрепче, чем любое книжное слово. Это была народная слава — живая и, как любят говорить сейчас, неуправляемая.

Поддубного похоронили в городском парке, который теперь носит его имя. В 1955 году на могиле поставили памятник. На черном камне надгробья было высечено:
«ЗДЕСЬ РУССКИЙ БОГАТЫРЬ ЛЕЖИТ»

Местный поэт сочинил стихи, запечатленные на камне. Они кончаются такими словами:

Пройдут года... Не увядая,
В сердцах он наших будет жить!
Себе соперников не зная,
Лишь смерть не мог он победить.

С самого начала нашего века и до середины его, не поддаваясь никаким превратностям, гремела слава богатыря, наделенного, казалось, неизбывной силой. В пору своей спортивной зрелости, расцвета физических сил Иван Максимович Поддубный был непобедим. С 1904 по 1909 год он заставил поверить весь мир, что самые сильные люди на земле живут в России. И это было время, когда борьба имела титул «королевы спорта», когда ею занимались лучшие из лучших, самые могучие люди всех наций. Именно этим объясняется неувядаемость славы Поддубного. И еще тем, что он не дал сломить себя ни годам, ни обстоятельствам.

Иван Максимович Поддубный пережил несколько поколений русских людей, на долю которых выпало невероятно много суровых испытаний — войн и революций... На земле, пропитанной кровью и застланной дымом пожарищ, все стояла могучая фигура — символ воли и негибкости великого народа.

И в этой стойкости, оваянной непреходящей славой, есть нечто вселяющее великую надежду во всех людей, которые живут ради победы над злом.

Вот и закончена
повесть о великом борце
Иване Максимовиче
Поддубном.

Осталось всмотреться
в кадры фотолетописи
и увидеть воочию село,
где он провел детство,
его родителей,
знаменитых соперников,
друзей и самого
чемпиона чемпионов
в различные годы его
богатой событиями жизни.

Перед вами
наглядная история
профессиональной
борьбы,
которая когда-то была
самым популярным
зрелищем России.
Многие фотографии
представлены
автором книги, который
просматривал
семейные альбомы
и фотографировал
памятные места.

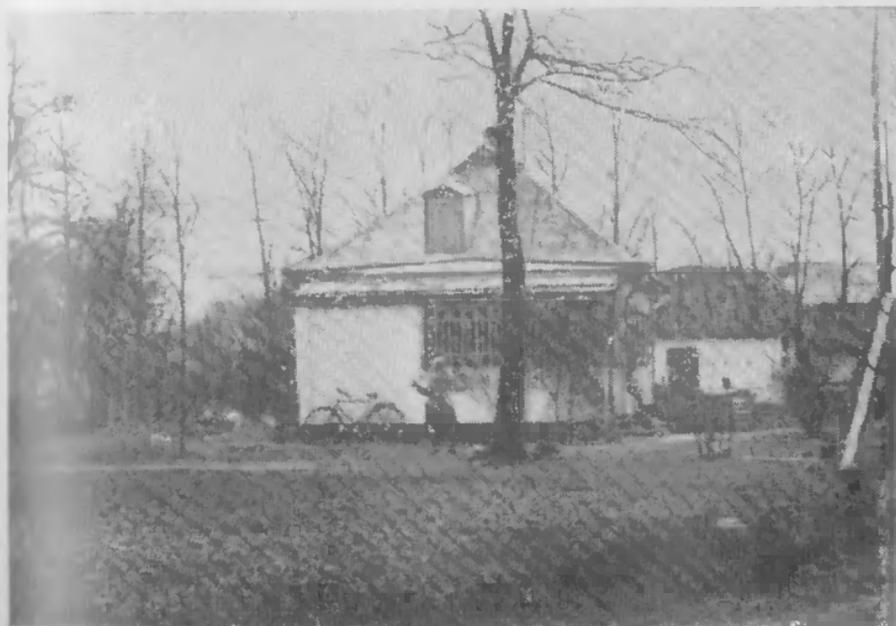

● Семья И. М. Поддубного
Мать Анна Даниловна,
отец Максим Иванович
и брат Митрофан

● Школа в сегодняшней Красёновке

● Село Красёновка. Здесь, у пеньков старых акаций, была хата Поддубных

● «Прославленный борец
на поясах
казак Иван Поддубный»

ВЫСТАВКА ВЪ ПАРИЖЕ 1889 г. СЪБИТИЕ 25-го МАЯ 1891

ПАРАДИМНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ

СЪ ЗЕМЕЛНОЮ И ЧЕЛОВѢЧЕЮ СИЛОЮ И МОЩНОЮ ВОЛЮЮ ПУТИЛОЮ

Акимъ Александровича Никитина.

Российскаго императора Николая II, Императрицы Александры Федоровны, Великихъ Князей Александра и Николая, и Великихъ Князей Кирилла и Константина ВЕЛИКОЛЕПНО

ЧУДО ЛОШАДЬ ЛИНУСЬ

made in his honor Akim Nikitin's strength

«Аким Никитин
меньше всего
выглядел циркачом...»

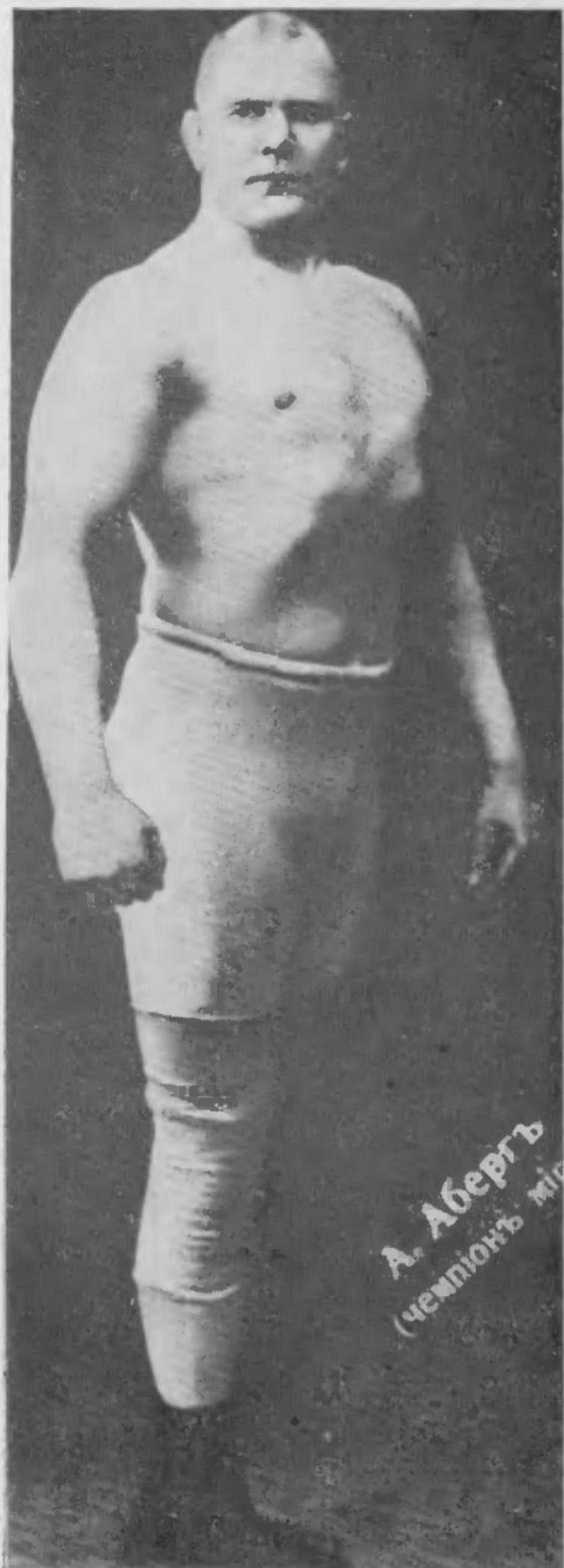
Прославленный Георг Лурих

Создатель
«Кружка любителей атлетики»
Владислав Францевич
Краевский

Борец
Владислав
Пытлясинский

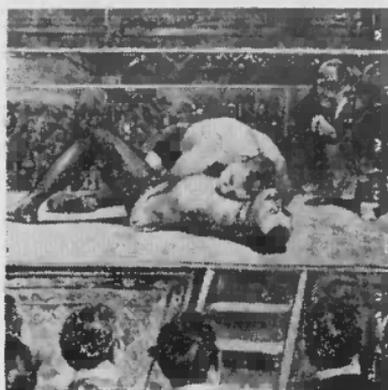

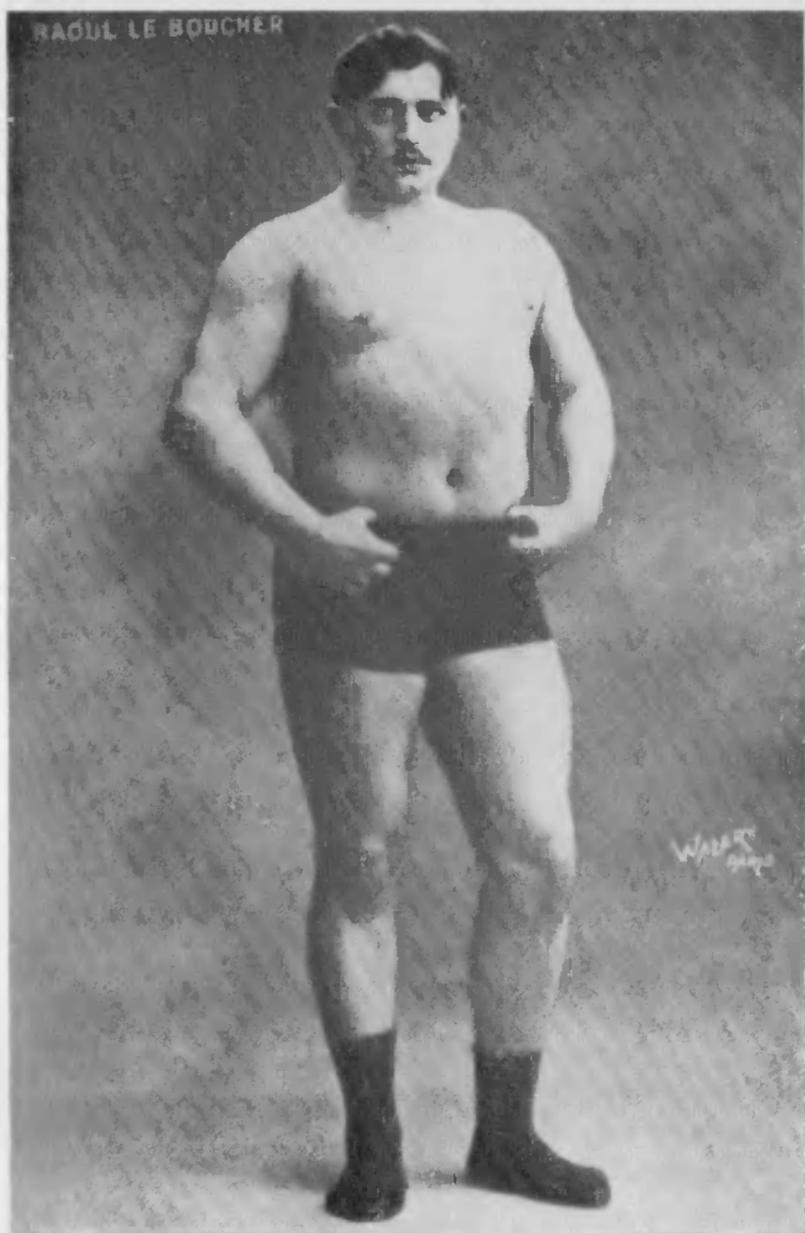
А. Абергъ
(чемпионъ мѣ)

●
Александр Аберг
«Загадка ковра»

• «Русский лев» Георг Гаккеншмидт

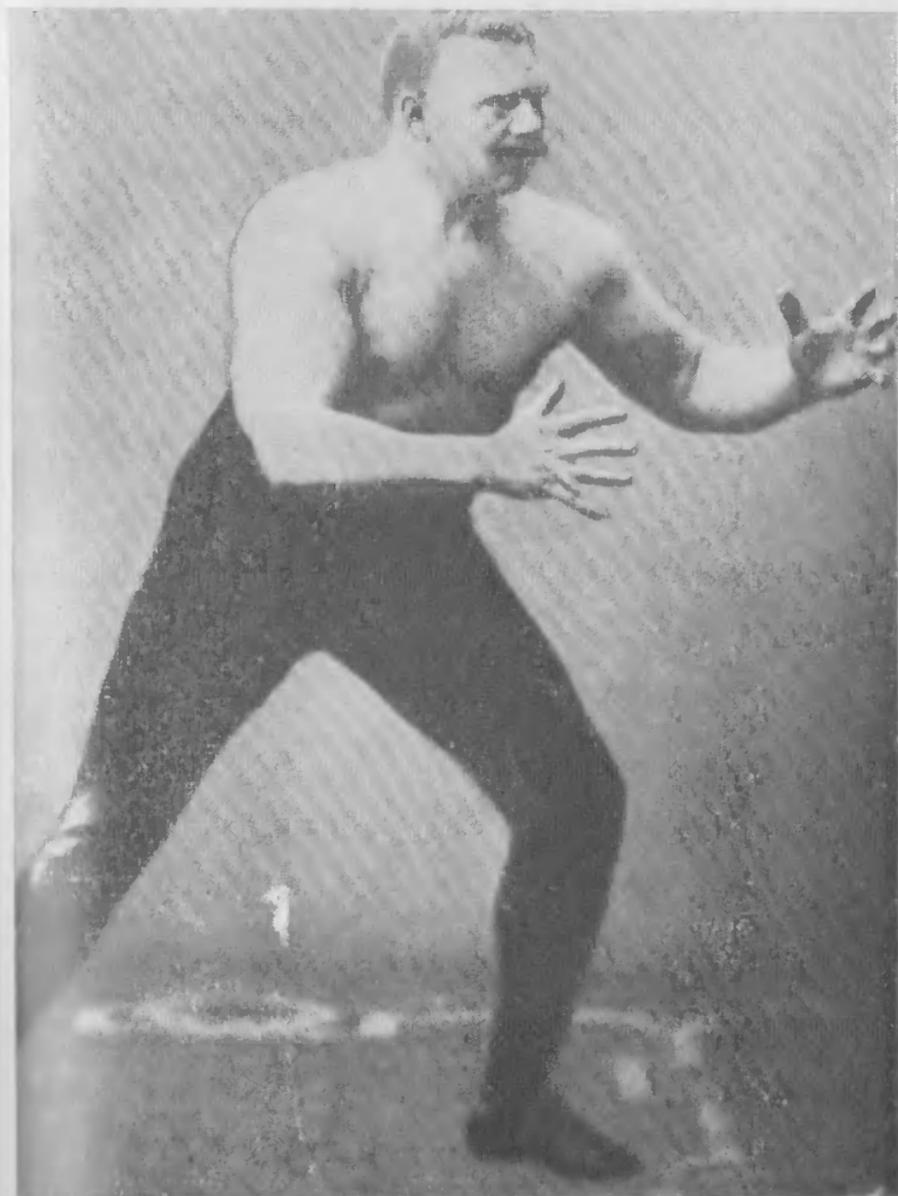

● «Любимец Парижа»
Рауль ле Буше

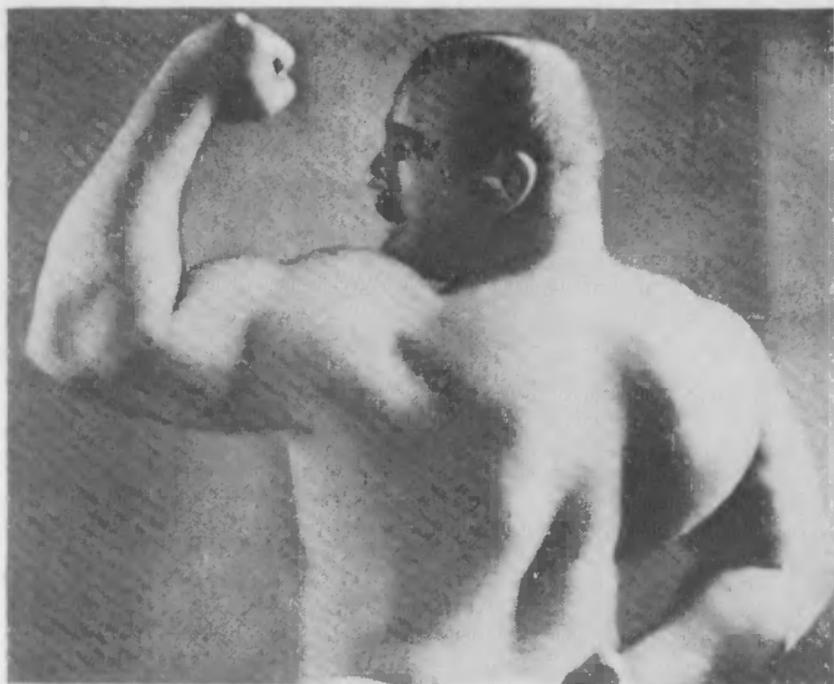
● Иван Поддубный во времена первых побед

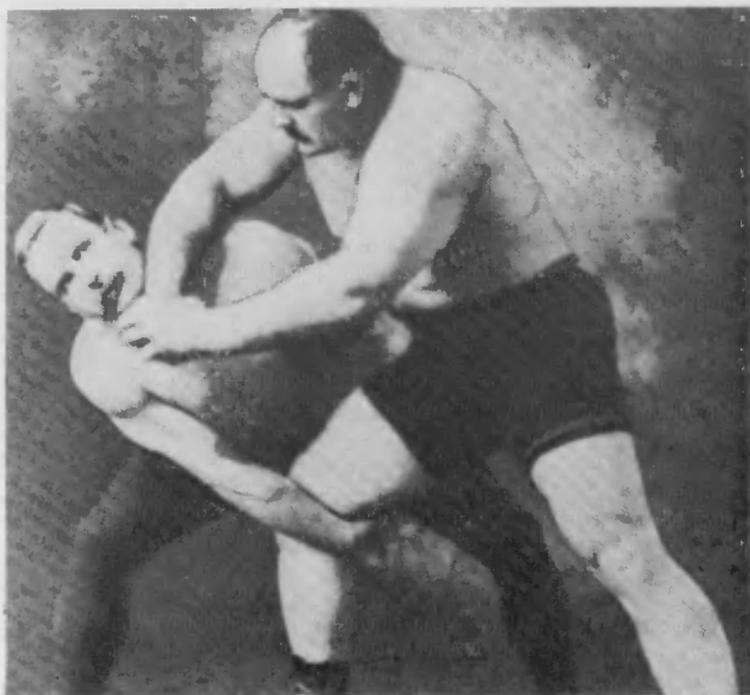
● «Железный Иесс Педерсен»

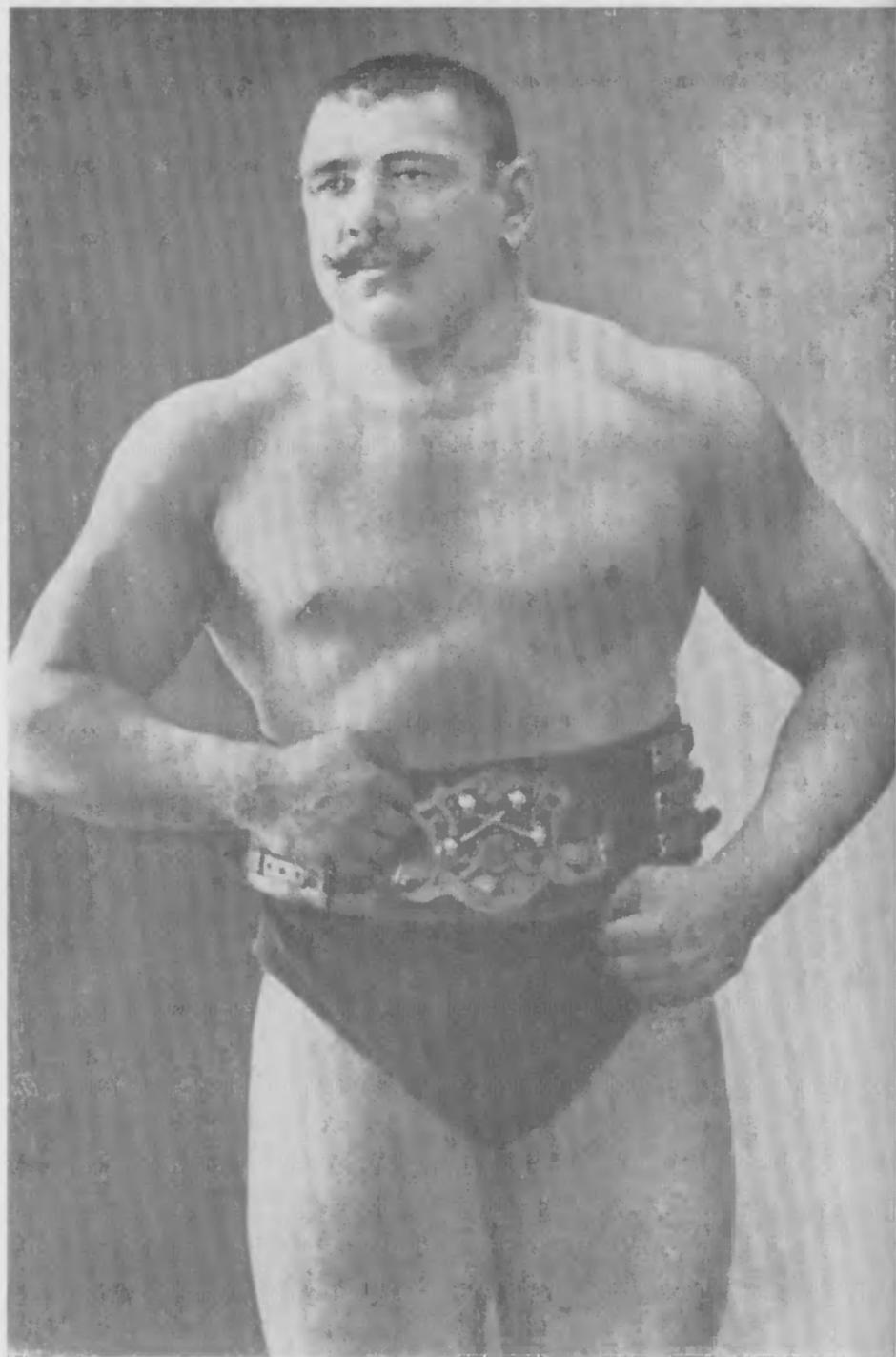

● «Профессор атлетики»
И. В. Лебедев (Дядя Ваня)

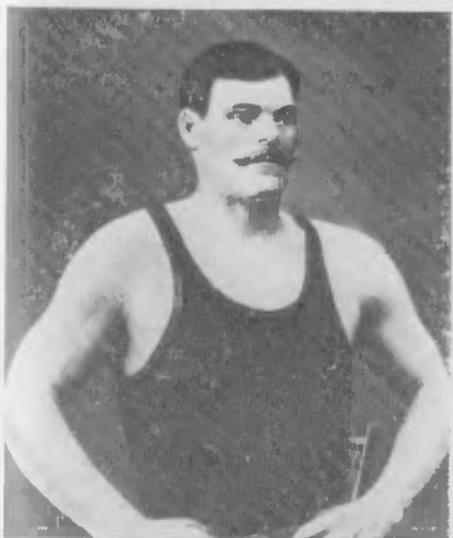

● Серьезный соперник Станислав Збышко-Цыганевич

● Лучший ученик Поддубного Николай Вахтуров

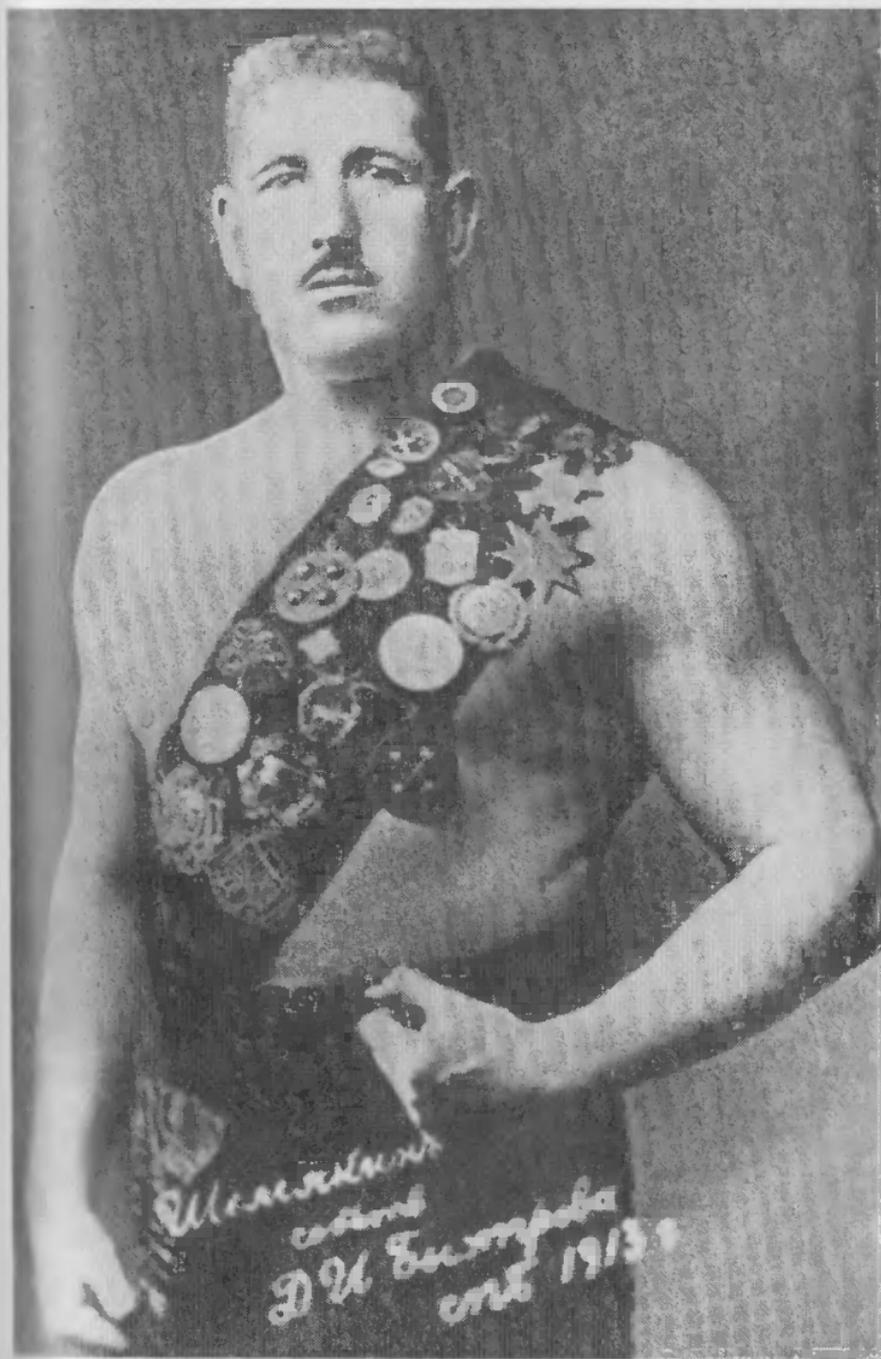
●
Борец Григорий
Кашеев

●
Иван Заикин (слева), писатель
А. И. Куприн (в центре)

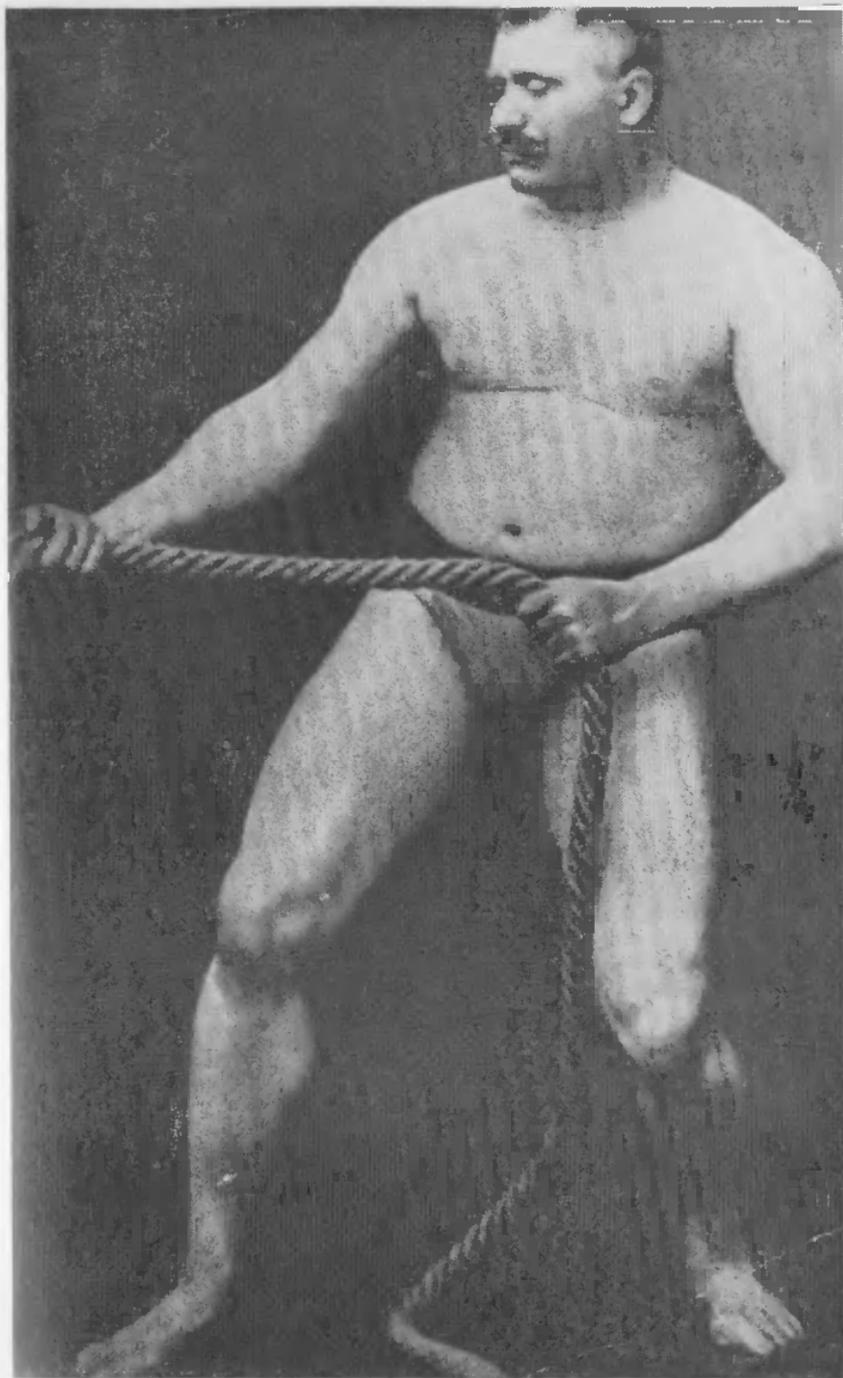
● 1910 год. Иван Максимович решил покинуть ковер

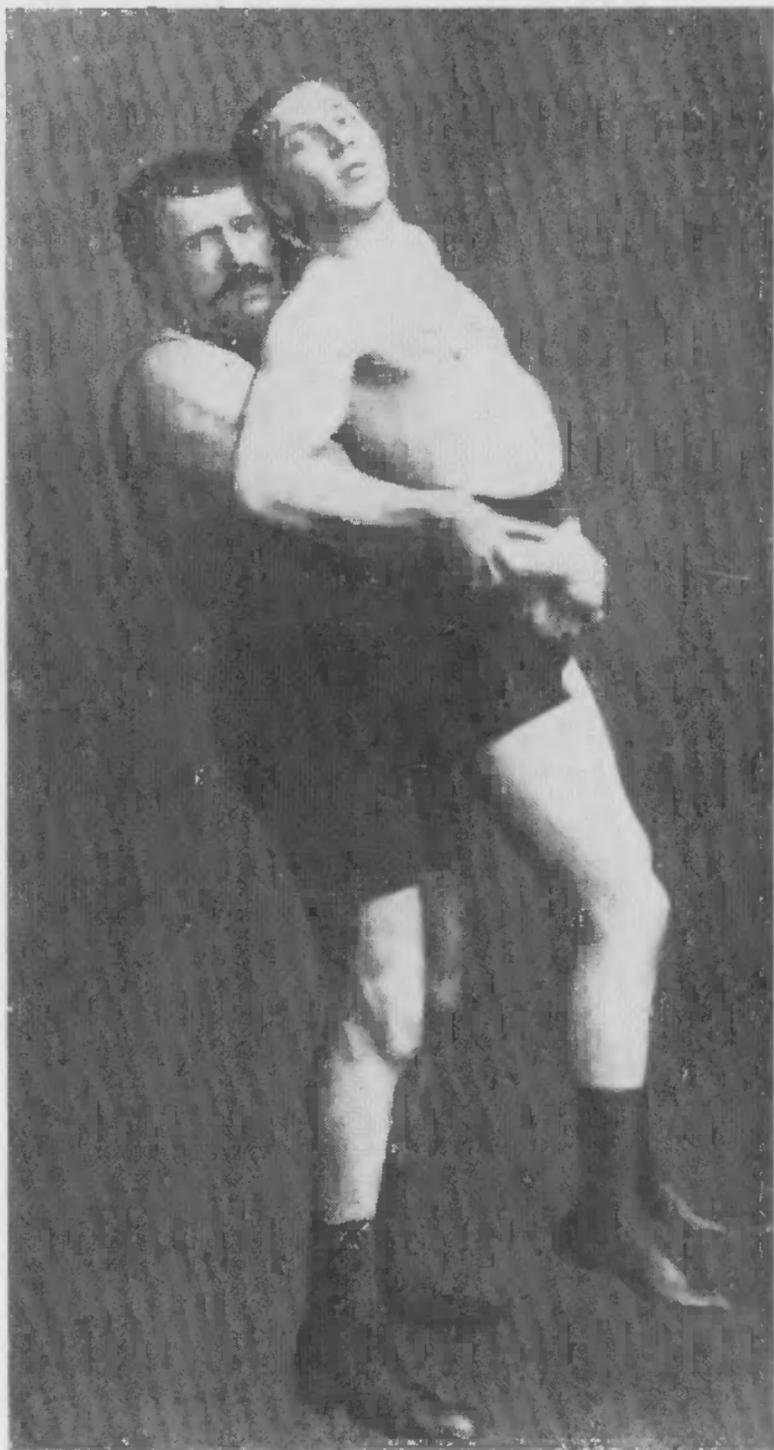
● Борец Иван Шемякин

● От него ждали воспоминаний

● Но он еще был очень силен

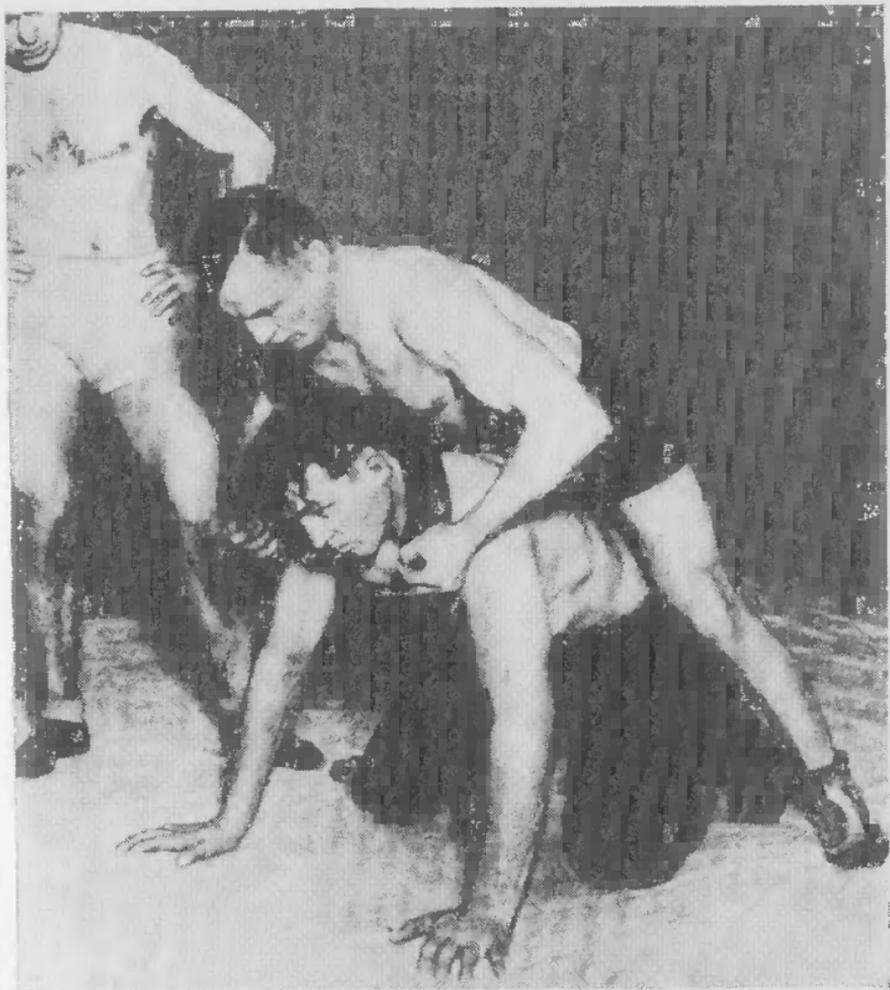
● С приемным сыном Иваном Машошиным

● В Америке. Перед схваткой

● | Борец
Владислав Збышко-Цыганевич

● Дžo Стечер на тренировке

● И. М. Поддубный
и А. А. Сенаторов
на физкультурном параде
в 1939 г.

ЧЕМПИОН
МИРА
ПО БОРЬБЕ
1898-1939 гг.
ИВАН
ПОДДУБНЫЙ.

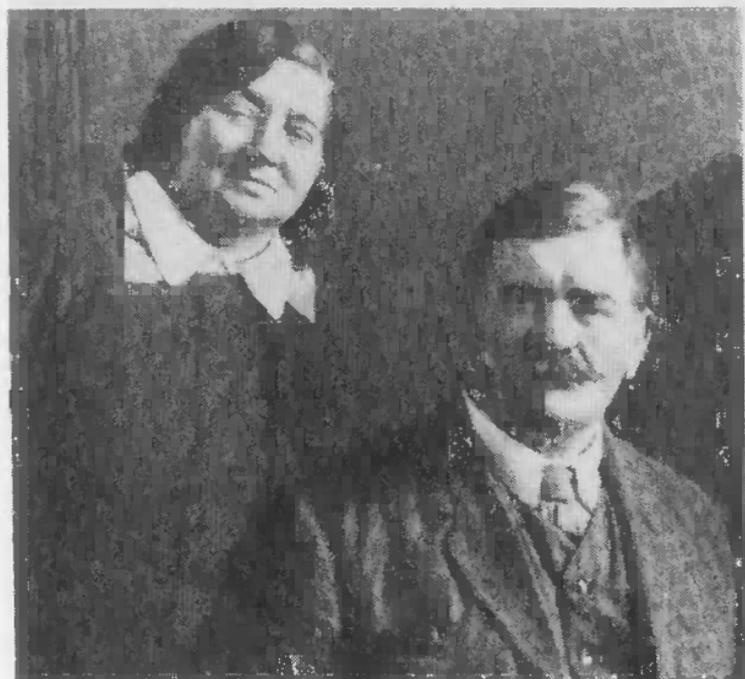

● М. И. Калинин вручает орден
И. М. Поддубному

● Возраст — не помеха

● Иван Максимович с женой Марией Семеновной. 1947 г.

● У себя в саду

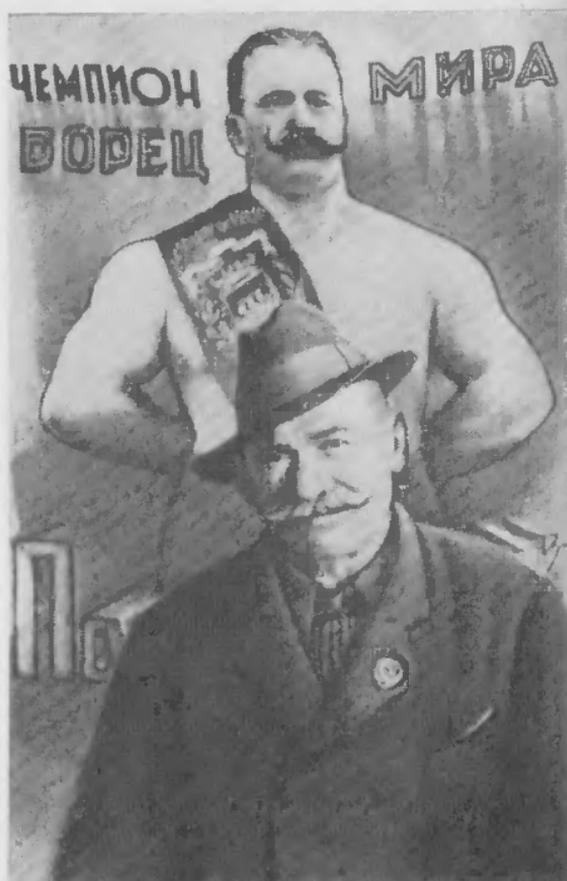

● Дом Поддубных в Ейске.

«Да, были схватки боевые...»

●
«Таким я был»

●
Борец К. Буль,
художник И. Маш-
ков, борец К. Ко-
беридзе и И. Под-
дубный

●
Похороны И. М. Поддубного
в Ейске

●
Могила Ивана Поддубного

● Парк имени И. М. Поддубного в Ейске

● Мемориальное здание в Ейске

Цена 38 коп.

